

КОНСТАНТИН ЧУБИЧ

ГАСТРОЛЁРЫ,
ИЛИ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
ОСТАПА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Чубич

Гастролеры, или

Возвращение Остапа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63363537

SelfPub; 2020

Аннотация

Все конечно же помнят Остапа Ибрагимовича Бендера, красавца мужчину, великого комбинатора, а по совместительству отменного жулика. В «Двенадцати стульях» он погибает от рук Кисы Воробьянинова, но потом чудесным образом появляется на улицах славного города Арбата, чтобы продолжить свои приключения. Было бы жалко с ним попрощаться ровно на том месте, где заканчивается «Золотой теленок», – на берегу пограничной реки, правда, с советской стороны. И это обнадеживает. Уже давно нет Советского Союза, но последователей у Остапа Ибрагимовича предостаточно, совсем как детей у лейтенанта Шмидта. Сударкин Владимир Константинович, он же Вениамин Бортник- Коновалов, он же Жульдя-Бандя, который, заметим, является внучатым племянником великого комбинатора, – один из них. Есть у него и свой Шура Балаганов, которого теперь зовут Фунтик. Та еще парочка, а действие, как водится, начинается в Одессе, где острят даже на похоронах. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Книга первая. Жемчужина у моря	8
Глава 1. Житница юмора	9
Глава 2. Странствующий бездельник, проездом из Самарканда	12
Глава 3. Знакомство с городом	15
Глава 4. Столовая № 5 железнодорожного ОРСа	22
Глава 5. Очередное знакомство с симпатичной лоточницей рядом с гостиницей «Аркадия»	32
Глава 6. Симпатичной лоточнице, в лице своего нового знакомого, удалось обзавестись ещё и личным целителем	42
Глава 7. Старость – не радость	46
Глава 8. Обнаруживаются и иные достоинства бродячего философа-абстракциониста	48
Глава 9. Покупка трусов для Сени	51
Глава 10. На пляже «Аркадия»	57
Глава 11. Наш герой устраивает инсценированный спектакль в кафе, на пляже «Аркадия»	62
Глава 12. Скоморох открывает «детский утренник» для тех, кому за 20	67
Глава 13. Постановка инсценированного	82

спектакля «Никто не хотел умирать»	
Глава 14. Одного из главных героев инсценированной постановки «Никто не хотел умирать» зрители чувствуют как челюскинца	97
Глава 15. Гостиница «Аркадия» вдохнула возмутителя спокойствия в кафе на одноимённом пляже	101
Глава 16. Зародившаяся идея не оставляет в покое буйную натуру бродячего авантюриста	105
Глава 17. Жульдя-Бандя в каменных джунглях легендарной Одессы	109
Глава 18. Жульдя-Бандя на «Приводе» – главной достопримечательности Одессы!	112
Глава 19. Экскурсия по «Приводе» продолжается. Жульдя-Бандя в логове оголтелых привозян	119
Глава 20. Знакомство с ракоторговцем. Лёгкий философский экспромт для пролетария	126
Глава 21. Ветреный посетитель заканчивает паломничество на «Приводе»	145
Глава 22. Пьяный продавец попугая устраивает фурор в маршрутном автобусе	149
Глава 23. В гостях у симпатичной лоточницы	155
Глава 24. Исследование темперамента хозяйки бродячим философом-	158

абстракционистом	
Глава 25. Лёгкий философский экспромт на тему труда	164
Глава 26. Допрос свидетеля	169
Глава 27. Тайная вечеря	175
Глава 28. Доселе не встречавшееся в природе явление – юдофилофобия	190
Глава 29. Лёгкие моральные увечья ради доступа к телу темпераментной хозяйки	197
Глава 30. Экскурсия в типографию	201
Глава 31. Поездка в Херсон	205
Глава 32. Возвращение блудного целителя. Подготовка к священнодействию – первой херсонской гастроли	207
Глава 33. Благотворительная кампания по исцелению жителей Херсона	209
Глава 34. Сепаратные переговоры по поводу лечения бесплодия у двоюродной сестры директрисы клуба работников морского транспорта	217
Глава 35. Возвращение выездной бригады целителей в Одессу	220
Глава 36. Спектакль тот же. Часть вторая	222
Глава 37. Праздничная «обедня» во здравие доверчивых херсонцев	228
Глава 38. Непрошенные гости	234

Глава 39. Знакомство экс-целителя с друзьями Виолетты. Те приглашают их на дачу в Проскурино	239
Глава 40. Сабантуй на даче отставного генерала	243
Глава 41. Бесплодные потуги Александра первого завоевать аудиторию	254
Глава 42. Жульдя-Бандя даёт сольный концерт, низвергнув с артистического олимпа гитариста-выскочку	257
Глава 43. Происки барабашки в квартире генеральской племянницы	261
Глава 44. Несостоявшаяся дуэль темпераментных самцов	264
Глава 45. Вечеринка на даче отставного генерала подходит к концу	266
Глава 46. Незабываемая партия в тейбл пенис с темпераментной блондинкой	269
Глава 47. Вечеринка окончена. Виолетта со своим кисельным братцем покидают весёлую компанию	272
Глава 48. Молодые люди на авторынке Одессы	278
Глава 49. «Уазик, господа присяжные заседатели, не роскошь, а средство передвижения». Торжественная продажа хрустальной мечты колхозника – автомобиля	280

УАЗ-452

Глава 50. Капитанская дочка

292

Конец ознакомительного фрагмента.

297

Константин Чубич

Гастролеры, или

Возвращение Остапа

Книга первая. Жемчужина у моря

А знаете ли вы, что такое Одесса?

Нет, вы не знаете, что такое Одесса!

Л. Утёсов.

Глава 1. Житница юмора

Одесса – островок безудержного темперамента в океане пресной действительности! Одесса знает и ценит юмор. В Одессе острят все! Острят здесь по поводу и без повода, утром и вечером, в зной и стужу, хотя последняя стужа посетила Одессу в далёком 1929 году.

Острят в Одессе старики, дети и даже женщины. Шутки последних, заметим, как правило, заканчиваются беременностью под раскаты «похоронного» марша Мендельсона в одном из залов районного дворца бракосочетаний.

В Одессе острят везде: на митингах, манифестациях, партийных и комсомольских собраниях, как, впрочем, и на культовых мероприятиях – юбилеях и похоронах, где равнодушен лишь покойник, гранитно-серо-зелёным лицом подчёркивающий своё презрение к здравствующим.

На поминках Абрама Фельцмана – тостами, заклинаниями и водкой, не жалея пуха для его праха, – обустроивали последний приют. Кто-то из остряков пожелал Абраму всех «земных благ», а Наум Михайловский, таки – чтобы Всевышний изменил ему меру пресечения и в качестве исключения отправил грешника в рай.

Говорят, на заводе автоприцепов докладчик советовал послать в Кисловодск разобраться по поводу непоступивших санаторно-курортных путёвок председателя профкома или,

на худой конец, инженера ПТБ Гаврилюка Ивана Тимофеевича, на что из зала последовала рекомендация: «А с худыми концами там делать нечего!»

Острыят в житнице воспроизводства остряков – роддоме. Друзья соболезнают папаше, у которого рождается четвёртый сын подряд: «Тебе бы девочку, Михалыч!» – на что не утративший чувства юмора моторист туристического теплохода «Ленинград», Михалыч, мечтательно вздыхает: «Лет семнадцати».

Острит врач городской клинической больницы № 1 на Мясоедовской, у которого больной выспрашивает дрожащим жалобным голосом: «Доктор, я буду жить?!» – «С таким диагнозом?! Какой смысл».

Острит хирург этой же больницы, которую горожане, кстати, называют еврейской, над распластанным, как селёдка, на операционном столе пациентом, беря в руки скальпель: «Ну что, будем оперировать или пусть живёт?!» Острит медсестра, на его же вопрос: «Какая температура тела больного?» – отвечая: «Какая, какая?! Комнатная». – «А давление?» – «Атмосферное».

В Одессе остряют трамвайные кондуктора, богобоязненные старухи, убелённые сединой героини труда. Острыят хладнокровные и мужественные политики.

Так, например, агрессивно настроенная коммунистическая оппозиция, в демократических штормах утратившая своё абсолютное монаршество, на митинге, устроенном у

подножия печально знаменитой Потёмкинской лестницы, выставила целую галерею транспарантов с душещипательными лозунгами. На одном из них угрожающая надпись жестоко предупреждала тех, у кого короткая политическая память: «Коммунисты были, коммунисты есть, коммунисты будут!»

Оставленное на ночь для запугивания мирного населения предостережение наутро явилось глазу в несколько отредактированном, по-видимому, каким-то диссидентом варианте, низвергнув глобальную идею. После чего лозунг обрёл совсем иное значение: «Коммунисты были, коммунисты есть, коммунисты будут есть!»

Острят в Одессе даже на партсобраниях, где остряки рискуют быть преданными политической анафеме. На сталепрокатном заводе имени Дзержинского на ошеломляющий вывод отпетого коммунистического пропагандиста, заявившего с трибуны: «Советский человек стал жить лучше, товарищи», – один из «товарищей» негромко подредактировал: «африканской обезьяны».

Одессита можно узнать везде – в Сыктывкаре, на Сахалине, в Усть-Лабинске, на Ямайке, в Пуэрто-Рико, Барселоне. В Одессе его узнать сложнее. В Одессе он обезображен себе подобными.

Глава 2. Странствующий бездельник, проездом из Самарканда

Молодой человек ростом выше среднего, с голубыми, как черноморская, в десяти милях от берега, вода, глазами покинул душное купе поезда.

Он был рождён на свет Божий в весеннюю распутицу 1960 года от Рождества Христова. Его зубы ещё не poznали дантиста, хотя сам он познал острые зубы Фемиды, однако не утратил при этом оптимизма. Все интересы странника начались поисками хлеба насущного и заканчивались женщинами, правда, в последнем случае – уже обнажёнными, и не в музее, а в постели.

На перроне, вдохнув полной грудью прохладного весеннего воздуха, пропитанного солью, влагой и юмором, потревожил пальцами мочку уха, остановив взгляд на парочке щечечущих у колонны с капителью хохлушек. Одна из них, с цыганскими смоляными, ниспадающими на плечи волосами, несомненно, готова была разделить с ним своё ложе.

– Хав а ю? – приостановившись, вопрошал он, своим чистым голубым взором обняв обеих. Откровенно сказать, его познания в английском были в зачаточном состоянии. Девуцы, явно из провинции, смысла не поняли, однако, обнаружив в этой лаконичной фразе что-то загадочное, а в её создателе – нечто странное, хихикнули и, не скрывая интереса,

вперились в него, оценивая в качестве самца.

Бывший узник министерства путей сообщения моргнул той, что посимпатичней, с чёрными смоляными волосами, хотя подруга отнесла это только на свой счёт, и вразвалочку подался к выходу.

Высокая, худенькая, с короткими карамельного цвета волосами девица на мгновение задумалась, будто в попытке о чём-то вспомнить. Хитро улыбнувшись, небрежно, по-крестьянски двинула подругу локтем в бочину, повернув взор в сторону удаляющегося иностранца: «Це москаль, дура!»

– Щого? – черноволосая вопросительно повернула голову, слегка склонив её набок.

– Того, що москали, колы йидять кажуть: «Хаваю».

– Хаваю?!

– Так само, ще кажуть – жру.

– Як свини!

– А шо вин хавав?

– Може, мармулятку...

– А може, жуйку, – предположила высокая. Хохлушки рассмеялись, насыщая глупую атмосферу положительными зарядами.

– Одесса – цитадель остроумия, – выдвинул гипотезу отставной пассажир, сомнений которой та не вызывала.

Одесса приняла незваного гостя без колебаний. Втолкнула странника в поток повседневной жизни миллионного улья. Голова была пуста от грандиозных идей, ещё недавно

терзавших мозг молодого повесы. Хотелось есть. И этот банальный вопрос сводил на нет прочие позывы организма.

Глава 3. Знакомство с городом

Итак, молодой человек на закате туманной юности осчастливил своим появлением Одессу-маму, состоящую в морганатическом браке с Ростовом-папой и пока ещё не подозревающую о грандиозности предстоящих событий.

Удачно сложенный, не обременённый жизненными проблемами мужчина, мощной грудью бесстрашно разверзая пространство, вторгся в обитель юмора, где легендарная Сонька – Золотая Ручка совершила свою последнюю гастроль.

Это был вид человека проницательного, жизнелюбивого, способного одним только взглядом определить количество серого вещества в коре головного мозга оппонента. Всё в нём: незатейливая внешность, удачно сочетающаяся с благородными манерами, походка, голос с преобладающим низким тембром, бесшабашность, тонкий аналитический склад ума, безудержный темперамент, благополучно унаследованные от давно уже почившего деда – весельчака, бабника и балагура, – располагало к общению.

Одет он был просто. В гардероб входила голубая футболка с изображением оскалившейся в прыжке пумы, чёрные вельветовые брюки и белые кроссовки, скрывающие белые, несколькими днями ранее, носки. Постоянным атрибутом гостя был зелёного цвета чемоданчик-дипломат из крокоди-

ловой кожи.

Молодой человек обладал необъяснимой способностью располагать к себе. Он, например, без труда мог убедить владельца крупного частного капитала в финансировании строительства горнолыжного комплекса в центре Каракумов, открытии молочно-товарной фермы в Ханты-Мансийске и даже еврейского кладбища в Иерусалиме.

И вот, наш неугомонный искатель приключений в городе своей мечты, житнице юмора – Одессе. В городе, пожалуй, единственном в мире, после Иерусалима, конечно же, жители которого недоумевают и по сей день: почему в других городах люди так искренне не любят евреев?! Судьба втокнула его в этот неповторимый, неподражаемый, уникальный живой организм.

Бродячий скоморох, к своему стыду, здесь впервые. Однако он платонически влюблён в этот райский уголок...

Не успело человечество изобрести деньги, как оно стало перед проблемой – где взять?! Проблемы человечества не были чужды нашему герою. Его организм уже который час напрасно выделял желудочный сок. Дискомфорт в желудке вызывал дисгармонию в душе...

На привокзальной площади, которую одесские банщики (вокзальные воры) называют Причалом, а промежду таксистов она – Лагуна, молодой человек остановился. Безмолвная скульптура женщины с голубем в руках показалась ему достойной одного из московских вокзалов.

«В Одессе женщина должна была бы держать сковороду над головой поверженного мужчины», – подумал он и улыбнулся, на мгновение представив это. Он отдавал себе отчёт в том, что Одесса напрасно кормить не будет. Одесса кормит тех, кто ценит и уважает юмор.

Странник осмотрелся, выбирая маршрут. Прощальным взглядом окинул монументальное здание вокзала. С лёгкой иронией утвердил взгляд на голубе в холодных руках женского изваяния, символизирующем миролюбие советского народа, если исключить ядерный арсенал, способный трижды уничтожить всё живое на планете.

Фонтан бесцельно транжирил воду, обдавая свежестью утомлённых изнурительной поездкой пассажиров. Подгоняемый голодом путник заторопился было неизвестно куда, но тотчас сбавил шаг, утонув в прохладном полумраке подземного перехода. Вынырнув, оказался на Пушкинской улице. Могучие платаны и клёны плотной зелёной накидкой обнимали бульвары и скверы.

«Где-то здесь непременно должен быть Черноморский бульвар», – подумал он и у первого же попавшегося одессита спросил: «Скажите, пожалуйста, далеко ли Черноморский бульвар?» – «Нет, недалеко, – охотно откликнулся пожилой абориген. –

Два дня на оленях – там и рукой подать».

– Один – ноль, – отметил гость, себя же подбодрив: – Ничего, посмотрим, чей козырь старше!

Настроенный на мажорный лад, а грустить, заметим, не было предпосылок: солнышко своими нежными трепетными лучами обнимало одесситов, не брезгуя, впрочем, и суетливыми гостями из провинции и предместий, молодой человек, раздвигая широкой грудью глупую атмосферу, шёл на свидание с неизвестностью.

Приезжие, как правило, покушались добыть что-нибудь из «мэйд ин япан», джинсы «Монтана» или «Леви Штраусс» на барахолках портового города.

Он шествовал по широкой улице, напичканной магазинами, кафе, ломбардами, адвокатскими и нотариальными конторами, салонами красоты, газетными киосками, бутиками, агентствами по продаже недвижимости, экскурсионными бюро, словом, всем тем, что придумало мудрое человечество вскорости после того, как оно явило миру деньги с целью их же изъятия.

Невдалеке образовалась пёстрая змейка сограждан, голова которой заползла в арку между старинными пятиэтажками. Змейка походила на огромного питона, коему сподобилось полакомиться человечиной. Название над аркой сохранило в себе только последние три буквы «...гия». Остальные, судя по свежим розовым пятнам на запылённой выцветшей серой стене, были украдены конкурентами либо вандалами.

«Очередь, – констатировал молодой человек, оперируя, вероятнее всего, чужой мыслью, – способ распределения ма-

териальных благ, оставшихся после распределения другими способами».

Он подошёл к высокой, с истекающим сроком годности даме в рыжем парике, завершающей змеиный хвост, состоящий почему-то из одних женщин. «По какому случаю очередь?» – весело вопрошал он, нисколько не сомневаясь в том, что понравился молоденькой стройной гречанке впереди неё.

Гречанка, улыбнувшись, лисьим взором похотливой самки окинула приезжего, в чём не было ни малейшего сомнения, поскольку коренной одессит всё равно спросил бы как-нибудь иначе, например: «Зачем стоим?» – двусмысленно намекая не на материальную, а на принципиальную сторону вопроса. Либо: «Давно стоим?» – непременно получив ответ: – «А вам это нужно?»

«Солженицына выкинули», – ответила дама с родинкой над правой бровью, оставив на

лице печать супруги, нашедшей наконец заначку благоверного. «Так его же выкинули

ещё в семьдесят четвёртом... или семьдесят пятом», – усомнился в собственном ответе

потенциальный обладатель творений заслуженного диссидента Советского Союза.

«Трёхтомник «Архипелаг ГУЛАГ», – гречанка подозрительно улыбнулась и отвела взор, дабы приуменьшить величину подозрения, поскольку нашествие женщин было связа-

но с очередным медосмотром на текстильном комбинате.

«Стало быть, очередь из женщин, приближённых к Солженицыну?» – коряво сострил молодой человек, утробно себя за это укоряя. «К гинекологу», – нашлась быстрее стоящая перед гречанкой шатенка с круглым ртом и пухлыми, выраженными ярко-красной помадой губами и, хихикнув, прикрыла их ладошкой, дабы скрыть щербатость верхних резцов.

Незнакомец улыбнулся: «Шо там было, как ты спасаешься?!» (В. Высоцкий). Потом обратился почему-то к гречанке: «Девочки, я за вами!»

Растворившись в толпе, отсутствовал около получаса. Вернулся с каким-то «ботаником» без вредных привычек, без сомнения, «проглотившим» как минимум треть городской центральной библиотеки.

Тот был похож на рождественского херувима: какой-то нарядненький, в круглых очёчках, синей тройке, с начищенными до блеска чёрными туфлями, семинаристской мордашкой и невинными возрастными прыщичками на лице. Не было ни малейшего сомнения в том, что он не знал разговорного диалекта и не употреблял крылатых слов даже утробно...

К этому времени очередь существенно продвинулась, к тому же, незадолго, резвый пазик из фармакологического комбината «выплюнул» две дюжины своих сотрудниц, в связи с чем дама в рыжем парике оказалась третьей от заветных дверей благоустроенной коммунальной пещеры.

Молодой человек слегка приврал, к трём томам присовокупив ещё семь, отчего «буквоед» с лёгкостью расстался с червонцем, потом, посчитав величину вознаграждения мизерной относительно целого десятитомника отчаянно входившего в моду Солженицына, добавил пятёрку. Посчитав, что размениваться перед столь монументальным приобретением крайне неинтеллигентно, всё это вернул обратно, выдав четвертную.

Через некоторое время обманутый «ботаник», осознав свою оплошность, также скрылся и вернулся с высоким интеллигентом в белой сорочке, которому с успехом, правда, без наvara, продал место, а с ним и несбыточную мечту каждого антисоветчика и диссидента – десятитомник Солженицына, который, оставаясь в полном здравии, к этому времени корпел только над шестым.

Глава 4. Столовая № 5 железнодорожного ОРСа

Тем временем наш герой, пожиная первые плоды интеллектуальных дивидендов, оказался в общепитовской столовой третьей категории железнодорожного ОРСа.

– А вы не могли бы водрузить сюда котлету? – указуя на тарелку с источающей парок жареной картошкой, полюбопытствовал посетитель у молоденькой розовощёкой смазливой работницы общепита. Та хихикнула, поправляя:

– Это шницель.

Забавная надпись на колонне рядом со столиком окончательно развеселила искателя приключений, оставив на лице ветреного романтика широкую белозубую улыбку. Строгий меморандум сухо, жёстко и категорично предупреждал посетителей: «Руками и яйцами в солонку не лазить!!!»

Запив удобоваримое компотом с булкой, уходя, оставил комплимент русоволосой труженице орсовской столовой, с неприкрытым интересом разглядывая нескромный вырез белоснежного халата, подчёркивающего обворожительный бюст:

– У вас очень, очень вкусные булочки.

Хохлушка, без труда уловив метафору в словах незнакомца, сопровождающуюся пронзительным взглядом на своей груди, улыбнулась, казалось, даже приветствуя нахальство

привлекательной наружности посетителя.

– И мягкие, – напомнила, не лишённая скромности и чувства юмора, служительница ОРСа. Тот, утопив ясные голубые глаза в карамельных очах девицы, вполголоса пропел лирическим мелодичным тенором:

– Гуд бай, май лав, гуд бай, – копируя легендарного Демиса Руссо, после чего неохотно подался к выходу, не найдя достаточных оснований предложить ей романтическое путешествие на один из недавно приобретённых островов на Багамах.

– погоди, красавчик, – остановила единственного утреннего посетителя обладательница мягких «булочек». – Не откажи бедной женщине в невинной просьбе. У нас грузчик уже третий день празднует кончину тещи, нужно помочь принести со склада мешочек сахара.

– Помочь принести или принести? – уточнил претендент на должность временно исполняющего обязанности грузчика столовой № 5 железнодорожного ОРСа.

– Ну, принести, – виновато опустив створки глаз, удовлетворила далеко не праздное

любопытство молодого человека девица.

– Ёк проблем.

– Это означает «да» или «нет»?

– Нет, ёк в переводе с узбекского на языки народов Латинской Армении означает «нет», стало быть – нет проблем, – увидев погрузневшие глаза работницы общепита, сообщил

молодой востоковед, уточнив:

– А сколько в мешочке кил, если не секрет?

– Пятьдесят... всего.

– Всего пятьдесят?! Так это ж всего-навсего три пудика! – воскликнул он, явно не в восторге от столь заманчивого предложения. – А мне доктор больше ста граммов поднимать запретил.

Обладательница сочных, вкусных и мягких «булочек» улыбнулась и, проигнорировав запрет доктора, повела помощника по узкому тёмному коридору в подвал, оставив в одиночестве ехидно улыбающуюся подругу.

– Не заблудимся? – надеясь именно на это, вопрошал молодой человек, ведомый, как слепец поводырём, смазливой поварихой по лестничному маршу в преисподнюю, где крохотная лампочка являлась единственным источником света. У искомой двери отперла ключом покоящийся на кованых петлях амбарный замок. Отворив, завела в чёрное, как смерть, помещение.

– Темно, как у негра в заднице, – констатировал молодой человек столь категорично, будто ему приходилось бывать там не единожды. Девушка хихикнула, впервые услышав столь оригинальное сравнение. Не обронив ни слова, закрыла стонущую дверь. Подперев пышными ягодицами, преградила путь к отступлению. Опустилась на колени, будто вымаливающая прощение неверная супруга, бесцеремонно разверзнув молнию на брюках пленника.

Резким движением стащила штаны, следом трусы, рукою нащупав вздыбившийся член, против которого могла устоять разве что фригидная женщина, лесбиянка либо идейная комсомолка.

– Ого! – не скрывая удивления, воскликнула она. – Какой взрослый мальчик!

Темпераментная повариха сжала «мальчугана» в кулаке, перемещая руку туда-сюда, силою воображения примеряя на себя. Прекратив, погладила его по головке подушечкой указательного пальца, томно и натруженно заключив:

– Сла-а-вный мальчик!

– Только непослушный, – честно признался «папаша», не скрывая единственного недостатка своего «питомца». В следующее же мгновение женщина в белом, в темноте напоминающая ассистентку патологоанатома, как хищница, заглотила «мальчугана», по самое основание, утопив во рту.

Хозяин ощутил влажную тёплую скользкую слюну, а служительница чревоугодного заведения, не теряя ни секунды драгоценного времени, плотно сжав губы, творила минет с такой скоростью, словно на чемпионате мира по одной из новых легкоатлетических дисциплин спортивного единоборства.

Довольно скоро достигнув цели, она проглотила семя, тщательно высасывая из самых недр остатки. Потом, как ни в чём не бывало, поднялась. Отряхивая запылившиеся полы халата, дала понять, что сеанс интенсивной терапии окон-

чен.

Обескураженный таким предисловием, в коем усматривался эпилог, и. о. грузчика, оценивший ручную транспортировку трёхпудового мешка сахара несколько дороже, в надежде удвоить оплату, сильными руками развернул девицу к себе задом. Попытался согнуть «раком», но та, с лёгкостью выкрутившись из цепких объятий, щёлкнула выключателем, озарив помещение лампочкой Ильича.

Свет, как всё чистое и светлое, низверг тьму, низвергнув и похотливые вожеления плоти. Грешница посмотрела на экс-любовника такими невинными и ясными глазами, будто перед этим они кушали мороженое:

– Всё! Хорошего понемножку, вдобавок, я мужу никогда не изменяю.

Молодой человек растянул губы, ни на секунду в этом не усомнившись.

– Выбирай любой! – указуя на штабель мешков с сахаром, предложила работница общепита, улыбаясь хитро и двусмысленно, что касалось, конечно же, трагически оборванного счастья. Она ни с того ни с сего расхохоталась, взирая на взрослого самца, вид которого более напоминал обиженного малыша, у которого строгая мамаша отняла сладкую вату на палочке.

Вдруг из её уст вырвался приглушенный крик ужаса, что, наложившись на смех, породило нечто похожее на клёкот. Грешница в одно мгновение запрыгнула на своего спасителя,

оббив шею руками, скрестив на бёдрах ноги.

– Мышь, там мышь! – её глаза источали неподдельный страх и ужас, будто под ногами была гюрза или каракурт. – Я бо-бо-боюсь.

Экс-любовник, к счастью, мышей боялся меньше, чем некогда свою первую учительницу – Марию Корнеевну, и позволил себе даже пошутить:

– Не надо делать из мыши культа!

Тело девицы, обмякшее от страха, трусилось, как осиновый лист, и спаситель вынужден был придерживать её руками за ягодицы. Он почувствовал «дыхание» женской плоти и то, как средняя конечность не без основания вздыбилась, что наводило на далекие от милосердия и сострадания мысли.

Отнял правую руку, убедился, что усилия одной только левой достаточно для того, чтобы удерживать тело насмерть испуганной поварихи. Та – от страха быть съеденной озверевшей мышью, вполне этому способствовала.

Странствующий ловелас, слегка попуская левую, правой направил головку пениса между ног. Ею же сдвинул на сторону трусики, ощущая, как член погружается в горячую зовущую липкую женскую плоть.

Он делал это так аккуратно, ненавязчиво и медленно, что, как ему показалось, партнёрша поняла, что происходит, лишь на середине пути. Она дернулась, но, предвидя это, любовник обеими руками прижал к себе податливое тело и насадил на всю глубину так, что «застенчивая» работница

общепита забыла не только о мыши, но и о муже, который, матросом на рыболовном траулере, четвёртый месяц бороздил необъятные просторы Охотского и Берингова морей.

Молодой человек, развернувшись на четверть оборота, подпёр спиной девицы дверь продуктового склада, руками удерживая её за ноги, согнутые в коленях, что значительно облегчало задачу, предотвращая малейшие попытки вырваться.

Впрочем, девица, впившись губами в губы партнёра, вырваться уже и не помышляла, интенсивным движением бёдер подтверждая своё желание поскорее достичь вожделенного оргазма.

Гастролирующий Казанова стал качать вперед-назад, безвозвратно истребляя калории. Он безжалостно натягивал на себя податливое тело. Громкие пощёчины ягодиц о низ живота хронометрически отмеряли каждое движение.

Грешница застонала в предвкушении высшей точки блаженства. При каждом толчке грудь вздрагивала, как осыпающиеся груши. После глубокого протяжного выдоха её тело обмякло, стало безвольным, извещая о случившемся оргазме.

– Так, всё! – через четверть минуты вдруг всполошилась работница общепита, дав понять, что закончена уже и вторая часть акта.

– Тебя как звать-то, герой?! Меня – Жанна.

– Стюардесса по имени Жанна?!

– Повариха! – с гордостью поправила несостоявшаяся стюардесса, намекая на то, что всякие возвышенные чувства разобьются вдребезги о пустой желудок.

– Вольдемар, – представился теперь уже бывший незнакомец, утративший инкогнито, что претит жизненному кредо странствующих ловеласов. Жанна напрочь забыла промышь, как, впрочем, и та о ней, и попробовала даже шутить:

– У нас будет девочка.

– У вас! – благородно отказываясь от опеки в предстоящей старости в пользу матери, известил потенциальный папаша и как-то неестественно быстро засобирился, будто опасаясь быть пленённым с целью выполнения отцовских обязанностей.

– Как – ты отказываешься от девочки?! – с притворным удивлением, словно тот отказывался от Нобелевской премии, вопрошала потенциальная мамаша.

– Я до последней минуты буду помнить о вас! – торжественно пообещал молодой человек, направляясь к выходу.

– А сахар?! – удивлённо напомнила об основной цели его прихода ветреная труженица железнодорожной столовой. – Ты забыл, зачем пришёл. Воспользовался доверчивостью беззащитной девушки, изнасиловал...

– Пардон, – запротестовал обвиняемый, имея на сей счёт противоположную точку зрения, – неизвестно ещё, кто кого изнасиловал! Заманила, понимаешь, в подвал, надругалась в извращённой форме. Он водрузил на плечо трёхпудовый

чувал с сахаром, направляясь к выходу.

– Всё равно тебе придётся на мне жениться! – с категоричностью, не принимающей возражения, накинув амбарный замок, заявила смазливая повариха, причём это сказано было настолько серьёзно, что пахивало шантажом третьей степени.

– Что-то вы слишком быстро управились, – встретила, не скрывая сарказма, рыжая кассирша, измученная любопытством по поводу десятиминутного отсутствия подруги с симпатичным незнакомцем.

– Мышь ловили.

– Вдвоём?! – кассирша хихикнула, растянув рот как минимум на треть больше номинального размера.

– Втроём, – соврала Жанна, указывая грузчику в правый угол, где уже покоился мешок с мукой. – Спасибо. Кушать захочешь – заходи. Ты настоящий друг индейцев! – вынесла окончательный вердикт темпераментная повариха.

Беззаботным козликком скатившись по лестнице, окрылённый столь удачным началом

черноморского вояжа, наш герой, игриво мотыляя дипломатом из крокодиловой кожи, утонул в людском муравейнике, пополнив статистическую единицу гостей города.

Он был сыт и доволен. Благодарил судьбу и Вседержителя за проявленную к нему благосклонность, не ведая о том, что в этом поспособствовал скорее сатана, коему и требовалось бы воздать в полночь на кладбище хотя бы кровью невинного

лягушонка.

Душа ветреного ловеласа пела и плясала. Он готов был пожертвовать миллион в Организацию Объединённых Наций, жаль только, не хватало самой малости – 999 тысяч 997 рублей 17 копеек. Желая хоть как-то отблагодарить этот мир за прекрасное настроение, подал руку выходящей из трамвая симпатичной женщине, не удостоив, правда, этой чести старуху, с трудом передвигающую ноги.

Ему безудержно захотелось жить, хотя это странное чувство не покидало его и в худшие времена. В Одессе эти чувства обостряются, принимая хроническую форму. Видимо, поэтому в Одессе, в отличие от других городов мира, люди по собственному желанию уходят из жизни крайне редко.

Шаг молодого повесы сменился рысью, рысь – галопом, и он полетел. Он летел в мечтах и наяву. В этот момент он мог рассмешить царевну Несмеяну, победить Змея Горыныча и даже вступить в общество трезвости, не гарантируя, правда, этому самому обществу подобающей прилежности.

Глава 5. Очередное знакомство с симпатичной лоточницей рядом с гостиницей «Аркадия»

Он пролетал мимо административных зданий, магазинов, кафе, аптек, коих было так много, что создавалось впечатление, будто люди рождаются только для того, чтобы до самой смерти болеть. В тени каштанов, в сапожной мастерской, молодой курчавый армянин открыл свой крохотный, но чрезвычайно успешный бизнес.

Тут взгляд молодого человека остановился на привлекательной особе неподалёку от гостиницы «Аркадия», торгующей с лотка промтоварной всячиной. Приземлившись, он осмотрел место происшествия. Решил начать фундаментальное знакомство с достопримечательностями города именно отсюда.

Неприступно-целомудренный взгляд симпатичной лоточницы можно было бы оценить фразой, по словам очевидцев, организованной над воротами ада: «Оставь надежду всяк сюда входящий!»

– Но ничего – не в таких переплётах бывали! – подбодрил себя окрылённый сердцеед,

настроившись на интеллектуальное сражение, в котором противник в лице

привлекательной одесситки, без сомнения, был обречён на поражение.

Он подошёл, улыбнулся и стал смотреть преданно, как корова на хозяина, в изумрудные очи незнакомки, пронизывая насквозь, казалось бы, всю её, без остатка. Ясные очи извергали полное равнодушие, с которым нынче доктор осматривает глупого пациента, уповающего на магические свойства страхового медицинского полиса.

Безмолвная борьба взглядов продолжалась несколько секунд. Первой не выдержала противостояния лоточница:

– Что сказать хошь, аль попросить об чём?

– Сволочь красная...

Молоденькая симпатичная аборигенка удивлённо захлопала ресницами, искренне поражаясь тому, что пришелец с документальной точностью завершил фразу из исторического фильма о классовом противоборстве большевиков и белогвардейцев.

– А ты не одессит, – не сомневаясь в этом нисколько, с лёгким оттенком пренебрежения удивила своей пронизательностью незнакомка.

– С прискорбием вынужден признать обвинение. Я из Соединённых Штатов... Армении, проездом в Самарканд. Одесса, как это ни печально, – пришелец выгнул губы, сдвинул брови, слегка наклонив голову, отчего печаль получилась какая-то не очень печальная, – до нынешнего времени не имела удовольствия купаться в лучах моей гениальности.

– Та боже ж мой, – согласилась лоточница, искренне в этом сомневаясь. – А ты скромн не по годам.

– Если бы моя бедная мама обладала этими качествами, то я искренне сомневаюсь в том, что ваша кроткая натура, – незнакомец обвёл профиль лоточницы похотливым вопиющим взглядом, более пристальное внимание останавливая на интимных местах, – смогла бы усладиться столь совершенными атлетическими формами.

– Мама дорогая! И этот напичканный анаболиками бубль-гум претендует на совершенные формы?!

– А гора интеллекта?! – молодой человек указал в верхнюю часть тела, в коей находилось его хранилище. – А мощнейший темперамент?! – он отряхнул с гюльфика пыль, явно намекая, что темперамент скрывается за шириной брюк. – К тому же я ещё немножко... философ. Он стыдливо уронил глаза, будто он немножко педераст.

– Ты братъ что-нибудь будешь, философ?

Покупателю польстило, что в нём уже признали мыслителя, к тому же он в этом никогда не сомневался, но поскольку покупать ничего не собирался, по причине

отсутствия денег, то ему ничего не оставалось, как, собственно, философствовать.

– Вопрос, конечно, интересный, – слукавил он, не находя в нём ничего интересного. – А что у вас, извиняюсь, есть?

Лоточница улыбнулась, игриво сверкая зелёными глазками:

– Вопрос, конечно, интересный. А что вам нужно?

– Шампунь... яичный.

– Остался только для головы, – растянув губы, ловко отпарировала та, постукивая мякушкой указующего перста по подбородку.

– А трусы, трусы у вас есть?

– У меня? – беззастенчиво-удивлённо вопрошала промтоварная королева. – Конечно, есть.

– А мужские? – покупатель победоносно воззрился в её малахитовые глазки, готовый сиюсекундно контратаковать.

– Я мужскими не пользуюсь.

– А я пользуюсь, – честно признался покупатель, в чём не было ни малейшего сомнения.

– Выбирайте, – продавщица, ухмыляясь, переместила взор на левый край лотка, на котором покоилось несколько стопок разноцветных пролетарских трусов с объединяющим названием «Семейные».

– Это не трусы. Это парашюты для тех, кому за пятьдесят, – молодой человек брезгливо сморщился. – Мечта десантника. Если не раскрылся запасной парашют... – он хихикнул, вспомнив, что в детстве, отрочестве и юности пользовался исключительно «мечтой десантника». – А крем для кожи с омолаживающим эффектом?

– Пожалуйста, прекрасный крем для кожи, – женщина протянула тюбик с кремом. – Три рубля сорок восемь копеек, – вынесла она смертельный приговор, поскольку молодой

философ, как и все мыслители, был богат лишь интеллектуально.

В наличии остались только неконвертируемые медяки, и возникла угроза предстать перед очаровательной одесситочкой несостоятельным. Молодой повеса остался бездвижен, как памятник, в безнадёжной попытке найти оправдание своей бедности.

Немного сконфузившись, как комсомолка пред тем, как впервые отдаться соратнику по партии, принял тюбик с кремом, читая: «Крем омолаживающий с прополисом». Повод отказать был более чем убедительный:

– А у меня на прополис с детства аллергия.

Дабы перевести тему, он изъял с лотка рулон входящей в моду туалетной бумаги, пришедшей на смену газетам и календарикам с 365 страничками, которые были более удобны тем, что, кроме своего основного назначения, являлись ещё и источником информации.

– Никак не могу понять, почему два одинаковых рулона с двойной разницей в цене?

– Потому что розовая – лучшего качества, трёхслойная, более нежная, для лиц с изысканным вкусом.

– Относительно лиц посмею с вами не согласиться, – не без основания возразил покупатель, разумея, что туалетная бумага предназначена для иных частей тела.

– Ну, это и дураку понятно, что не для лиц, – загадочно улыбаясь, выказала несогласие с собственными выводами

лоточница.

Дабы ещё дальше увести от малейшей возможности поку- саться на оставшиеся неполные три рубля, молодой человек снова вперился в изумрудные глаза незнакомки:

– А как зовут это прекрасное неземное создание?

– Виолетта, – протягивая «лапку», представилась по- лщённая столь оригинальным комплиментом молодая жен- щина.

– Виолетта, Виолетта, я люблю тебя за это, – принимая хрупкую, с тонкими музыкальными пальчиками конечность, обернул в поэтическую форму обыкновенное женское имя любвеобильный покупатель, представляясь: – Бортник-Ко- новалов.

– Бортник-Коновалов?! Оригинально.

– Именно-с. Бортник – моя девичья фамилия. А зовут Ве- ниамин. В детстве меня звали Жульдя-Бандя, – молодой па- яц соврал относительно детства, поскольку так звали его и поныне.

– Жульдя-Бандя?! Это за что ж такие почести? – лоточни- ца, улыбаясь, сверкнула игривыми глазками. Медного цвета пышные длинные волосы ниспадали на хрупкие плечи. Она была смугла – то ли от южного солнца, то ли от принадлеж- ности родителей к грузинам или абхазцам.

– В детстве я не отличался скромностью...

– Это качество тебе удалось успешно сохранить, как тебя там – Жундя-Бальдя?! – лоточница хихикнула, сознавая, что

несколько подысказила имя своего нового знакомого.

– Жюльдя-Бандя, – поправил тот, нисколько не огорчившись по этому поводу. Молодой человек взял в руки гипсового шимпанзе с прорезью в темечке.

– Оригинальная копилочка, – он хитро улыбнулся, что предполагало рождение

глубокой мысли. – Задумывалась ли ты когда-нибудь над тем, почему любимым занятием человека является наблюдение за обезьянами?

Виолетте это никогда не приходило в голову, но во время своего последнего посещения зоопарка, в Киеве, они с подругой около полутора часов провели у вольера с потешными беспокойными макаками. Лоточница, пожав плечиками, озорными глазками окинула своего нового знакомого:

– Никак не возьму в толк, чем может заниматься столь незаурядная личность, если исключить философские начинания? – она вопросительно округлила тонкие линии бровей, не сомневаясь нисколько в том, что ответ будет туманный и завуалированно-витиеватый.

Молодой человек, дабы не разрушать этих самых сомнений, начал именно с того, что пыталась исключить медноволосая работница прилавка.

– Исключить из меня философские начинания – это всё равно, что разлучить сиамских близнецов. Философ – это эгоистичный индивидуалист. Каждый, с целью выделиться

среди серой невзрачной массы, пытается нарядить свои изречения, как рождественскую ёлку, не всегда понимая того, что обывателю понятны эта лживая спесь и самовоспевание.

– Чем ты сейчас и занимаешься, – нечаянно подметила собеседница.

– Виолетта, я тебе как брату скажу: я тружусь на ниве философского абстракционизма! – философ-абстракционист натрудил лицо мудростью, чтобы отвергнуть малейшие подозрения в обратном.

– Что-то я раньше о таком течении в философии не слышала, – удивилась Виолетта, закончившая три курса филологического факультета Киевского государственного университета.

– Ничего удивительного, – успокоил мыслитель. – Я стою у истоков этого нового течения в философии – философского абстракционизма.

– Пионер?

– Если не сказать больше – октябрёнок.

– Вам при жизни памятник воздвигнут рукотворный, – проникнувшись уважением к, несомненно, выдающейся личности, перешла на «вы» лоточница, уточнив и его месторасположение, – на Дерибасовской.

– Я согласен и на площади Ленина.

– Рядом с Лениным?!

– Вместо Ленина.

– Ну, ты хам!

– Что в переводе с английского на языки народов Латинской Армении означает – вред, вредить, – не растерялся герой-любовник, нахально остановив взгляд на разрезе халата работницы прилавка, который не был вульгарным, но и чрезмерно скромным его назвать было бы невежливо.

– И что ты там увидел для своей философской абстракции? – организовав на лице улыбку, полюбопытствовала Виолетта, съедаемая лёгкой степенью сомнениями.

– Я увидел там то, что увидел друг моего несостоявшегося детства Альберт Рацимор у подруги своего состоявшегося детства Серафимы Мирзу. Трудное детство – деревянные игрушки, – пояснил Жульдя-Бандя, встретив сочувственный относительно несостоявшегося детства взгляд лоточницы. – Несчастный и по сей день носит почётное звание отца-героина. Бедняга истлел, выращивая себе подобных. У него развился обширный склероз, а склероз, как известно, вылечить нельзя...

– Зато о нём можно забыть, – Виолетта хихикнула, довольная собственным заключением.

– В этом его преимущество перед диареей, – выдвинул железный аргумент собеседник.

Лоточница засмеялась, сотрясая хрупкими плечиками.

Молодой человек, представившийся столь странным именем – Жульдя-Бандя, дождавшись, когда эмоции его новой знакомой несколько поутихнут, поведал о дальнейшей судьбе друга своего так и не случившегося детства – Альберта

Рацимора.

– Сейчас бедный Альберт в казённом доме воспитывает кукол и ловит рыбу ивовым прутом... в... – он замешкался в поисках оригинального места, – в унитазе.

– И много налавливает? – с трудом подавляя смех, поинтересовалась Виолетта, играя игривой зеленью глаз.

– Не признаётся.

– Не хо... не хо... – смех душил её, мешая говорить. – Не хочет вы-выдавать рыбные места?!

– Не может. Он о них забывает. Что-то с памятью моей стало... – прозвучал мягкий мелодичный, без признаков фальши тенор ухажёра.

– О боже, боже, неужель, – дама артистично сложила на груди руки, – Карузо сладостная трель! А может, ты сошедший с небес Марио Ланца?!

Обвиняемый кивнул, не исключая такого момента.

– Да нет же! Передо мною восходящая оперная звезда – Дмитрий Хворостовский! Какая удача!

Абстракционист улыбался, наслаждаясь своей популярностью у одной из представительниц нежной половины человечества.

Глава 6. Симпатичной лоточнице, в лице своего нового знакомого, удалось обзавестись ещё и личным целителем

– Признаться честно, я дипломированный экстрасенс, целитель и магистр белой магии. Окончил московскую школу по подготовке экстрасенсов, – открылся профессиональный экстрасенс, если исключить, что школа была передвижная, обучение проходило экспресс-методом, а диплом выдавался на четвёртый день обучения, – после трёх полуторачасовых занятий.

– Мама дорогая! Поём, философствуем и колдуем?!

– Исцеляем, – поправил целитель, а с тем, чтобы рассеять сомнения, вынул из дипломата, в синем переплёте, корочку, высокопарно названную её обладателем «дипломом». – Могу и тебя исцелить...

– Прямо здесь?!

– Здесь не получится. Исцеление – это таинство, а всякое таинство происходит в закрытом пространстве с ограничением естественного источника света.

Лоточница понимающе кивнула, пронизав хитрым зелёным взглядом профессионального экстрасенса, который, сказать откровенно, больше походил на обыкновенного мо-

шенника. Она растворила диплом, читая вслух:

– Сударкин Владимир Константинович. Веня, а как насчёт Бортника-Коновалова?!

– Ничего удивительного. – Это мой психдоним. Все великие люди скрываются под психдонимами: Ульянов-Ленин, Джугашвили-Сталин, Бронштейн-Троцкий, Певзнер-Белостоцкая.

– Белостоцкая – Певзнер?! – лоточница вопросительно подняла глаза с тою степенью удивления, будто звезда эстрады в свободное время подрабатывала лифтёром в ЖКХ. – А я думала – она русская.

– Юлия Гросс, моя одноклассница, тоже думала, что её папа лётчик-испытатель, а тот был простым налётчиком и банально погиб в перестрелке, когда они брали отделение сбербанка в Армавире.

Медноволосая работница прилавка, возвращая, цвета морской волны, корочку её владельцу, брезгливо подметила:

– В Одессе, на «Приво́зе», за пару червонцев тебя сделают депутатом Верховного совета, а за две четвертных – Папой Римским.

Молодой человек напустил на себя серьёзности, таинственности и величавости, как всякий целитель пред тем, как облапошить очередного легковерного соотечественника:

– Я кровью, потом и врождённым талантом проникать в грешные души граждан...

– И гражданок?!

– И гражданин, – согласился тот, – заработал этот диплом.

Он поцеловал кормилицу в синюю глянцевую спинку, на миг утонув в воспоминаниях о том, как в подмосковном Серпухове, объявив себя одновременно внуком болгарской ясновидящей Ванги и сыном Мессинга, устраивал целительные спектакли, ни на йоту не отходя от постановки фильма «Праздник святого Йоргена». Заметим, что по теории вероятности Жюльдя-Бандя мог быть сыном Мессинга и внуком Ванги примерно один к ста миллионам.

К слову сказать, в качестве внука он больше подходил Мессингу, если учесть, что тот был старше Ванги почти на четверть века и зачать нашего целителя мог разве что в семидесятилетнем возрасте...

Найдя эту тему злободневной для каждого мало-мальски уважающего себя философа и дабы подчеркнуть свою принадлежность к этому утончённому жанру, странствующий бездельник напустил на себя мудрости, что, откровенно говоря, очень плохо сочеталось с его возрастом.

– Болезни, неразделённая любовь, кредиты и угрызения совести поразили современное общество. Поэтому люди вынуждены обращаться за помощью к нам, экстрасенсам, народным целителям, колдунам и ворожеям.

– Меня лично, – Виолетта обозначила себя пальчиком, – не поразили, разве что кредит на стиральную машину, но я погашаю вовремя.

– Кредит – одна из форм финансового порабощения чело-

века! – философ-абстракционист придал указующему пер-
сту восклицательное положение. – Разница между челове-
ком и крупным рогатым скотом в том, что с последнего сни-
мают одну шкуру, а с человека кредиторы снимают три.

Лоточница хихикнула, в этой части трактата соглашаясь с
молодым человеком полностью.

– А вдруг завтра ваше акционерное общество с неограни-
ченной безответственностью закроют. Сокращение! Платить
станет нечем, и начнутся угрызения...

– Не начнутся! – категорично заверила медноволосая ра-
ботница прилавка.

– Когда придут судебные приставы – начнутся! – не сда-
вался оппонент.

– Не начнутся.

– Ближе к старости всё равно начнутся. Когда ты станешь
упрекать себя в том, что отбила мужа у лучшей подруги...

Собеседница защёлкала ресницами, отчего её изумруд-
ные глазки заморгали, как предупреждающий сигнал свето-
фора:

– Во-первых – не мужа, а жениха, а во-вторых, мужа впо-
следствии как раз таки отбила у меня она. Ну да бог с ней.
Поначалу я его ненавидела всеми фибрами души, но потом
улеглось...

– И я его просто презираю, – подсказал молодой человек.

Глава 7. Старость – не радость

Тут диалог разрушила вынырнувшая из подземного перехода старуха, своей старушечьей сущностью выявляющая потребность всюду гадить. Взгляд лоточницы переместился на это полуразвалившееся существо.

«Старая карга», – утробно обвинил соотечественницу в долголетию Жульдя-Бандя.

Пожилая дама, как и все престарелые люди, ни в чём, кроме смерти, не нуждающиеся, сначала проявила интерес к омолаживающему крему для лица.

– Не поможет, – протягивая тюбик с кремом, подумала Виолетта, с трудом сокрывая сарказм. – Крем от морщин – три рубля двадцать копеек.

– Тебе бы, старая, озаботиться поиском уютного, с солнечной стороны, места на кладбище, – не без основания решил оптимистично настроенный молодой человек.

Старуха, в здравом уме и с ясной памятью, соотнесла стоимость крема и стоимость одного килограмма мойвы, коей она могла побаловать себя на остатки пенсии. Помимо неё, с её денежным пособием сожительствовали ещё и дочь с зятем и двадцатилетним внуком, которые на её пенсию могли побаловать себя шашлычками из баранины или свинины...

Выходило полтора килограмма мойвы, чем пожертвовать, даже ради омоложения,

пожилая одесситка была не в силах.

Потом она проявила интерес к носкам. Самые дешёвые тянули на 650 граммов мойвы, и та решила, что экономнее будет поставить латки на протёртые. Бубновый интерес старуха завершила тапочками. Услужливый молодой человек с удовольствием помог ей сделать правильный выбор, предложив белые, поскольку те наиболее удачно гармонировали с её возрастом.

Старуха, изжившая в себе способность воспринимать юмор, долго вертела тапочки в руках, в надежде отыскать какой-нибудь изъян, с тем, чтобы претендовать на скидку, и даже померила их, но брать, естественно, не стала. Она потелепала прочь, навеяв на странствующего ловеласа поэтическую музу:

– Старушка медленной стопой подалась прочь, к едрёной Фене. – Жульдя-Бандя бросил сочувственный взгляд в сторону удаляющейся пожилой соотечественницы. – Старость – это когда ты представляешь из себя большой, но изрядно потрёпанный энциклопедический словарь, и когда каждый очередной шаг сопровождается стоном, хрустом костей и междометиями.

Глава 8. Обнаруживаются и иные достоинства бродячего философа-абстракциониста

– Так ты, вдобавок ко всему, ещё и поэт?! – съязвила Виолетта, удивлённо подняв тонко выщипанные чёрные бровки.

– Творю-с в свободное от работы время, – раскрыл свой плотный творческий график стихотворец.

– Так значит, ты у нас, помимо прочего, – философ-абстракционист, певец, поэт, экстрасекс, – медноволосая улыбнулась, удачно перепеленав одно из достоинств странствующего ловеласа. – Бабник, – она заглянула в его родниковые очи, в которых за лживой пеленой невинного безразличия угадывалось плотядие. – Без сомнения, ещё и артист... народный...

– Пока только застуженный, – поскромничал тот, стыдливо захлопнув веки, потом, растворив, добавил: – Застуженный мастер с понтом и трижды орденоспросец.

Виолетта хихикнула, впервые взирая на настоящего орденоспросца:

– Ты, наверняка, ещё и доктор каких-нибудь наук?!

Жульдя-Бандя покрутил головой:

– Нам чужого не надо.

Собеседница вдруг стала серьёзной, как иракский посол в США, вручающий орден Дружбы народов Бушу-младшему:

– А может, ещё и лауреат?..

– Шнобелевской премии, – признал за собой, пожалуй, главный свой титул почётный орденопросец.

– Мама дорогая! Куда я попала? Трижды орденопросец, шнобелевский лауреат, застуженный спортсмен....

– Мастер с понтом, – поправил отъявленный орденопросец, стараясь сохранить присущую всем почётным орденопросцам скромность.

– Лауреат шно-шнобелевской премии, к тому же ещё и застуженный... – с трудом выговаривала зеленоглазая под натиском душившего смеха.

«Так смеяться может только та женщина, которая ради меня согласна на развод», – решил искушённый в этих вопросах бродячий ловелас, не ведая о том, что ради такого ослепительного кавалера Виолетта была согласна на развод тремя годами ранее.

Чувство гордости переполняло душу странствующего бездельника, и он не мог, оставаясь рабом собственных амбиций, не выплеснуть их наружу.

– Скажу по секрету – я гениальная личность! – руководствуясь многолетними за собой наблюдениями, заявил застуженный шарлатан. – Но об этом, пока, кроме меня... и теперь уже зеленоглазой красавицы, никто не знает.

– Ге-генитальная! – с трудом справляясь с эмоциями, за-

ключила, основываясь на собственном опыте, лоточница.

Глава 9. Покупка трусов для Сени

Совместное веселье, однако, было нарушено среднего возраста супружеской парой, которая не выказала претензий ни к чему, кроме мужских трусов. Впрочем, невысокого роста, лысый, с жизнеутверждающим животиком пессимист, подавленный супружеством и супругою, в частности, не проявлял интереса и к ним. На лице его прочитывалась открытая форма инфантильности.

Супругу звали Мирослава. Она была огромная, как большой энциклопедический словарь, с внушительной круглой, как астраханский арбуз, головой, утвердившейся на исходящей от плеч, как у племенного бугая, шее. Она была суровая и властная, как боярыня Морозова, и не имела ничего общего со своим именем.

Узурпировав власть в доме, она считала стирать своё бельё ниже собственного

достоинства, поэтому сие вменялось в обязанности мужу – Семёну, у которого любая из форм достоинства отсутствовала.

Сеню иногда посещала шальная мысль. Он краешком сознания понимал, что в заключении, при безупречном поведении, у него был бы шанс на условно-досрочное освобождение, чего не скажешь о пожизненном семейном рабстве...

– ...Хэ бэ? – ткнув пальцем в стопку мужского нижне-

го белья, лаконично вопрошала шкафоподобная спутница, устремив взор на лоточницу.

– Стопроцентный хлопок, – перевела на бытовой язык Виолетта.

– Какие будем брать? – прикладывая к поясу мужа «семейные» трусы, поочередно: то в горошек, то в цветочек, то красные, то голубые, то оранжевые, интересовалась супруга.

Благоверный безразлично пожал плечами, кинув края губ к правому уху. Откровенно говоря, ему на это было глубоко наплевать, к тому же – из многолетнего опыта семейной жизни он знал, что мнение супруги будет диаметрально противоположным.

– Шо ты молчишь, как рыба об лёд?! – беззлобно пожурила мужа шкафоподобная, продолжая примерку.

– Ну, вот эти, – лысый равнодушными поросычьими глазками посмотрел на супругу, робко ткнув пухлым коротким пальцем в стопку трусов в горошек.

Та приложила к поясу суженого зелёные в коричневый горошек трусы:

– Сеня, не делай мне весело. Ты в них, как клоун Андрюша... с московского цирка. Шо ты кидаешь брови на лоб?! – предупредила несмелую попытку мужа обидеться благоверная, грозно нахмутив густые всклокоченные, не знавшие «прополки» брови.

Виолетта хихикнула от столь оригинального сравнения.

– Ну, тогда эти, – лысый указал на стопку трусов в цвето-

чек.

– Эти?! Сеня, для зачем у тебя глаза спереду, а не сзади? – покупательница, на всякий случай, приложила к поясу супруга трусы в цветочек, крутя головой. – Эти, как клумба. Так на клумбе ж должно шо-то расти!

Виолетта прыснула, прикрывая ротик ладошкой.

Сеня покраснел, но мужественно промолчал, к тому же разные весовые категории не давали ему ни малейшего шанса на возражение. Жульдя-Бандя улыбался, упиваясь уникальным одесским наречием.

Аборигенка приложила к поясу мужа голубые трусы, потом красные, снова голубые. Покрутила головой, дескать, голубые идут вразрез с его ориентацией, хотя, возможно, у неё были более приземлённые мотивы.

В очередной раз, приложив зелёные в коричневый горошек, супруга вынесла окончательный приговор, который обжалованию не подлежал, как, впрочем, и предыдущие:

– Вот эти тебе к лицу.

– Подлецу всё к лицу, – равнодушно согласился толстячок, ничуть не отягощённый приговором.

– Сеня, замолчи свой рот! – благоверная, как всякая вполне состоявшаяся эгоистка и мужененавистница, сурово посмотрела на суженого, который позволил себе разевать пасть без спроса. – Не тошни мне на нервы, а то останешься как есть.

Человека с повышенным воображением капли выступив-

шей на Сениной лысине испарины убедили бы в том, что голова от обиды и безысходности плачет.

– Шо за трусы?! – обратилась она к лоточнице, вынимая из сумки кошелёк. – Пять рублей?! Ви хорошо хотите, – она протянула трусы обратно, другою рукой суя червонец. – Эти берите взад, а дайте две пары..красных. Глубокое вам мерси.

Жульдя-Бандя, насильственно удерживающий себя от комментария, всё же не смог не проникнуть в диалог супругов:

– Вы в них как герой Перекопа!

Аборигенка хихикнула от столь тонкого и удачного сравнения:

– Осталось купить будёновку и шашку.

Толстячок, улыбнувшись, удовлетворительно кивнул, подразумевая, что для защиты от такой стервы шашка не помешала бы.

– Десять пар! – грозно, как «десять лет!» от окружного судьи, объявила шкафоподобная.

– А на шо мне десять пар?! – попытался оспорить приговор Сеня, зная наверняка, что пересмотра не будет.

Покупательница воинственно определила руки на своих жирных бёдрах:

– А ты шо – помирать собрался?! – она, ужалив ядовитым взглядом своего житейского спутника, угрожающе сморщила лоб, давая понять, что у того нету права и на это.

– А шо я тебе, как тореадор, всё время буду в красных

трусах? – на всякий случай, пропищал супруг.

– Сеня, не бери меня за здесь! – сурово предупредила покупательница, что означало завершение прения сторон и то, что «свобода слова» – один из основополагающих столпов демократии – может проявляться, как и во всей России, только утробно...

Сеня пригорюнился, взирая на то, как жена укладывает в сумку партию красных пролетарских трусов, в одних из которых, без сомнения, его и похоронят.

– Ну, шо ты стоишь, как сирота казанская?! – шкафоподобная сгребла инфантильного мужа под руку, растворившись с ним в бурлящей людской каше...

Не имея больше достаточных оснований отвлекать девушку от работы, бродячий философ-абстракционист со словами:

– Жди меня, и я вернусь, – сделал несмелую попытку покинуть место приземления, но был пленён лоточницей.

Она придержала его за руку и, изобразив трагическое, как по усопшему коту, лицо, спросила:

– Хоть каплю жалости храня – вы не оставите меня! (А. Пушкин)

Потом, на клочке бумаги оставив запись карандашом – «Суворова 13/29», протянула манускрипт так и не состоявшемуся покупателю со словами:

– Я живу одна. Будет желание – заходи.

– На его я пойтить не могу! – темпераментный вздыха-

тель артистично отобразил сие руками, копируя Папанова в роли Сени из легендарной «Бриллиантовой руки». – Я должен предупредить Михал... Иваныча.

– До встречи... кто ты там у нас... – застуженный артист?

– Этот листик был с Востока в сад мой скромный занесён! (И. Гёте) – принимая огрызок бумаги, прокомментировал невинное на первый взгляд событие бродячий шарлатан.

Напоследок, как галантный кавалер, не без удовольствия облобызав ручку лоточницы, заверил:

– Если только жив я буду, чудный остров навещу (А. Пушкин).

– А ты шо, помирать собрался? – играя кошачьими глазами, словами шкафоподобной вопрошала Виолетта.

– А где гарантия, что пролетающий мимо метеорит не заинтересуется моей кроткой гениальной личностью?

С этим кроткая «генитальная личность» (как ранее подметила промтоварная королева) уверенным шагом двинулась в направлении побережья.

Запах моря и чарующая неизвестность увлекали в свои объятия.

– Чудеса в решете, – думал странствующий женолюб, – красивая и умная. В одном лице два взаимоисключающих начала. Придётся, наверное, ей всё-таки отдаться.

Глава 10. На пляже «Аркадия»

Тёплый ветерок делающей свои предсмертные вздохи весны настолько отчётливо доносил шум прибоя, что казалось, будто море было уже под ногами. Вода манила ветреного повесу, вероятно оттого, что по гороскопу он был не человеком вовсе, а рыбой.

– Отдыхающие, – думал он, – гораздо легче расстаются с деньгами, нежели мирное население. Да за этим, собственно, они сюда и приезжают.

Вскоре бескрайняя синь Чёрного моря представилась его взору. Редкие, с просинью, тучки на небе, как нарисованные, будто изображали зверушек. Зверушки медленно и безвозвратно уплывали куда-то в Турцию. Исключить, однако, того, что тучки направлялись на Балканы, в Болгарию, к Золотым Пескам Варны, было бы большим невежеством.

Море, нежной ленивой волной утюжа бархатный песок, оставляло после каждой встречи с берегом длинную белую извилистую полосу пены, взбитую из воды и соли, не представляя потенциальным утопленникам повода для беспокойства.

Шурша, как мыши в лабазе, несмелые волны прибоя ложились на песчаный берег. Светло-рыжие песчинки плясали, потревоженные робкой волной, глупо и бесполезно перекатываясь друг через дружку.

Безбрежная синяя гладь простиралась, казалось, в никуда. Неуклюжие теплоходы, мерно покачиваясь, уносили куда-то вдаль: жаждущих, страждущих, молодых и старых, любящих и ненавидящих, словом, всех, связавших, вольно или невольно, свою судьбу с морем.

Ближе к берегу, как в луже воробьи, барахтались моторные лодки, насмерть пугая отчаянных ранних пловцов.

Вода ещё не прогрелась под щадящими лучами солнца, поэтому желающих купаться было немного. Однако ж предынфарктное состояние умирающей весны ощущалось на каждом шагу. Лето отчаянно порывалось царствовать на планете Земля и в Одессе, в частности.

Основную массу отдыхающих составляли сердечники и неврастеники, находящиеся на излечении в курортной поликлинике. Они загорали тут и там, обнажив свои нежные, отбелённые за зиму животики, нахально используя в своих личных целях тепло, присылаемое на Землю далёкой сердобольной крохотной звездой.

Жульдя-Бандя, коему не чужды были чаяния народа, решил позагорать немного, чтобы

потом, с новыми силами, приступить к поиску хлеба насущного. Раздевшись до пояса, он распластался на лежаке, предоставив своё, вовсе не безобразное тело вольному ветру, ясному солнцу и, конечно же, Вседержителю.

Рядом, на лодочной станции, хриплый голос с явным грузинским акцентом через рупор зазывал отдыхающих в мор-

ское путешествие:

– Гражданэ отдыхающие! Для тэх, кто хочет совершить морской круиз, прэдастэвляется бистроходный глоссэр «Чэрноморэц». Лубитэлэй экстрэмального отдыха ожидають катэра с опитными пилотами и водные лижи. Лубитэлям спокойного отдыха ми можем прэдложить катамараны и снаряжение для подводной охоты.

– И тут не обошлось без фамильярности, – отметил бродячий интеллектуал. – Не могли назвать этот чёртов глоссер как-нибудь более приземлённо, например «Юпитер» или... «Титаник», – он улыбнулся, понимая, что «Титаник», без сомнения, ожидало бы коммерческое банкротство.

– Совэршив полуторачасовой круиз на глоссэре «Чэрноморэц», ви получите полное удовлэтворэние! – торжественно пообещал таинственный голос с грузинским акцентом.

К пирсу, с правой стороны которого был пришвартован изрядно потрёпанный «Черноморец», потянулся отходящий от зимней спячки народ. Основную массу составляли почему-то женщины, причём, бальзаковского возраста.

По берегу, ведомый на поводке шустрой макакой, бродил одинокий фотограф, в безнадёжной попытке кого-нибудь увековечить и, соответственно, улучшить своё финансовое состояние. Фотограф был с явно выраженными признаками восточного происхождения.

– Калмыцкая рожа, – беззлобно, без признаков шовинизма, разве что с лёгким оттенком национализма, признал в

фотографу представителя национального меньшинства отдыхающий, хотя тот был таким же калмыком, как он камчадалом.

Фотограф был корейцем и с калмыком мог иметь сходство лишь по религиозному признаку.

– Не желаете запечатлеть свою фигуру на фоне моря, с обезьянкой? – на идеальном русском предложил фотограф, впрочем, ни на что не рассчитывая.

– Ты которую имеешь в виду? – отдыхающий обвёл смешливым взглядом, сначала обезьянку, потом то, что из этого сделала природа.

Фотограф хихикнул, легкомысленно приняв остряка за одессита. Остаться в долгу, однако, он не имел ни малейшего желания, решив сделать бартер: обменять моральные увечья на физические.

– Фердинанд, фас! – скомандовал он и отпустил поводок, указывая рукой в сторону обидчика.

Макака подбежала к лежаку с противником, повернулась задом, нагнулась, и зашлёпала руками по красным блинам, выказывая высшую степень презрения. Потом, выглядывая между ног, застучала зубами, запищала, загигикала и принялась, выгребая из-под себя песок, забрасывать противника.

Жульдя-Бандя поднял руки, принимая любые условия капитуляции.

– Фердинанд, фу! – скомандовал фотограф, после чего макака в три прыжка очутилась у него на плече...

Понежившись, какое-то время, на пляжном лежаке, искатель приключений, не находя более в этом пустом занятии удовлетворения собственных амбиций, отправился на продолжение экскурсии по легендарному городу.

Глава 11. Наш герой устраивает инсценированный спектакль в кафе, на пляже «Аркадия»

Метрах в пятистах, неподалёку от троллейбусной остановки, его внимание привлекло небольшое уютное летнее кафе. Судя по ассортименту продуктов, в коем одних вин – полтора-два десятка, не считая осетрины, говяжьего языка и, естественно, домашней украинской колбаски, кафе не отказывало в приюте даже простому директору городской муниципальной бани.

Впрочем, в основном кафе «питалось» за счёт набегов отдыхающих здравниц, уставших от систематических процедур и диетического послушания. Не отказало оно в приюте и нашему герою.

Однако доктрина всеобщего коммунистического рая пока оставалась только на страницах пожелтевших рукописей Маркса, Энгельса и Ленина, к чьим трудам, возможно, ещё вернётся глупое человечество. Приют был платным. Внезапно серое вещество «взбунтовалось» в голове бродячего интеллектуала, а сердце забилося с удвоенной силой.

«Уставший от пресной действительности и от повседневных забот народ нуждается в тебе! – ревел внутренний голос. – Ему нужны твой темперамент, азарт, оптимизм...» –

внутренний голос захлёбывался от нахлынувших чувств, не в состоянии подобрать достойных и нужных слов.

«Ты великий артист! Ты не сможешь безучастно взирать, как люди, твои соотечественники, как это неорганизованное стадо обжирается, забывая о том, что существует пища духовная, коею «я» смогу накормить сколько угодно народу, и что великие артисты, как, впрочем, и посредственные, тоже хотят есть! – жонглировал местоимениями внутренний голос. – Духовная пища, – кричал он, – гораздо важнее этих проклятых калорий, превращающих человека в свинью!»

В углу кафе, за сдвинутыми столиками, веселилась подвыпившая компания молодых людей. Основную массу посетителей, как, собственно, и всё человечество, составляли болящие.

«В концертном зале свободных мест нет, – окинув взглядом площадку, отметил Жульдя-Бандя и с энтузиазмом патологоанатома, за которого никто не сделает его грязную работу, добавил вслух, подбадривая самого себя. – Ну-с, приступим!»

Подойдя к невысокой изгороди, молодой человек легко перемахнул через неё, очутившись внутри, тем самым уже привлекая внимание общественности к своей незаурядной персоне.

«Войти в дверь и дурак сумеет, – вполне логично заключил он, – но великие артисты себе такой роскоши позволить не могут».

Странствующий скоморох подошёл к столику посередине кафе, за которым преогромный толстяк, по всей вероятности, из «сердечников», наполнял брюхо бутербродами из ветчины, с сыром и шпротами, упокоившимися на мягкой перине из коровьего масла.

Хитрые англосаксы, водрузив сверху ещё один кусок хлеба, обозвали сие сэндвичем. А простодыра Иван кличет – «сэмдвич», придав блюду политической окраски.

Для улучшения пищеварения «гиппопотам», коим толстяк стал с лёгкой руки странного посетителя, дебютировавшего в питейном заведении, периодически разбавлял пищу коньяком, имея на это полное конституционное и моральное право.

Преследуемый любопытными взглядами, молодой человек прислонил к ножке стула дипломат, конфисковал у представителя африканской фауны недопитую рюмку, бесцеремонно вылил содержимое в рот, чем несколько удивил окружающих и обескуражил владельца крепкого виноградного напитка.

Оторопевший толстяк открыл было рот, чтобы выразить негодование и, возможно, даже личное презрение дерзкому нахалу, но тот не стал дожидаться в свою сторону нелестных эпитетов.

Он весело, громко, азартно, выделяя каждое слово, как заправский столичный аукционист, приглашённый на ВДНХ для продажи отечественных свиноматок папуа-новогвиней-

ским фермерам, начал:

– Леди энд джентльмены!. Господа аборигены, эмигранты и гости нашей великолепной Одессы-мамы!..

Дамочка справа, через столик, вероятно, склонная к эмиграции на Святую землю, хихикнула.

– Дорогие граждане и старушки!.– кричал, нарушая девственную тишину, первозданность и размеренное течение ни в чём не повинного кафе на пляже «Аркадия» свалившийся, как снег на голову, странный тип.

Возмутитель спокойствия, как отъявленный конферансье, сделал паузу, оценивая реакцию посетителей. Реакция была неоднозначной. Молодые женщины, возраст которых был далёк от точки невозврата, премило улыбались, теряясь в догадках по поводу развития дальнейших событий, выказывая полное согласие с программой. Одна из них узнала в молодом человеке артиста областной филармонии.

Пожилые же, с истёкшим или истекающим сроком годности, не собираясь пока и в ближайшем будущем записывать себя в разряд старушек, сидели, набычась, готовые, казалось, расплакаться от захлестнувшей ностальгии по безвременно ушедшей и безвозвратно утраченной молодости. Они исподлобья поглядывали на нарушителя спокойствия.

Мужчинам, независимо от возраста, даже тем, кто по причине неоправданной скромности не успел подтвердить это звание, вступление понравилось. Возможно, потому, что быть в плееде эмигрантов или джентльменов куда престиж-

нее, нежели состоять в неперспективном сообществе «граждан и старушек».

Подвыпившая компания молодых людей за сдвинутыми столиками, из представителей обоих полов, что-то бурно обсуждала. Они устремили взоры в сторону артиста, к которому, по их мнению, должны будут «пришвартоваться» остальные.

Кто-то из них высказал предположение, что это самая что ни есть настоящая предвыборная агитация и что молодая поросль новоявленных демократов, посредством артистов, будет безжалостно топтать коммунистов, наяривая на балалайке, спрятанной в дипломате, злободневные политические частушки.

Жульдя-Бандя одарил присутствующих щедрой улыбкой.

Глава 12. Скоморох открывает «детский утренник» для тех, кому за 20

– Просю внимания, господа! – потребовал он. – Просю детский утренник для тех, кому за двадцать, считать открытым! Проголосуем, граждане! – предложил артист. – Кто за... кто против... кто воздержался?!

Возмутитель спокойствия обвёл присутствующих умили- тельным взглядом и, подойдя к юной дамочке, не пожелав- шей участвовать в этой пустой бессмысленной комедии, пуб- лично указал на отказницу жестом:

– Воздержалась бабушка...

– Она уже вторую неделю воздерживается! – открыл сек- рет сидящий с ней за одним столиком паренёк, по-видимо- му, владеющий относительно этого исчерпывающей инфор- мацией, за что получил крепкую заслуженную оплеуху.

И снова публика встретила с блистательной улыбкой ве- дущего. Он отметил, что «старушки» приободрились, вино- вато-простодушными взглядами пытаясь реабилитировать- ся за столь поспешное недоверие к представителю ориги- нального жанра.

«Утренник на начальном этапе, кажется, пришёлся де- тишкам по вкусу!» – решил он.

Изъял с ближайшего столика початую бутылку «Сангрии». Наполнив конфискованную здесь же рюмку, «родил» тост, в котором удачное «соитие» юмора и классики подтверждало его полномочия:

– За здоровье тех, кому оно не повредит! За ваше здоровье, дамы и господа!..

Он бесстрашно, одним глотком, опустошил сосуд, ловя на себе любопытные взгляды присутствующих, съедаемых догадками о дальнейшем сценарии.

Лёгкий алкогольный напиток проник в кровь, что сняло последние нити скованности перед публикой, которую необходимо было заставить полюбить себя раз и навсегда, причём с первого взгляда.

«Я загоню вас под столы и стулья! Смеяться запрещено. Разрешено только ржать, хохотать и рыдать! И вы будете делать это. Я заставлю вас!» – утробно ревела окрылённая вниманием, по большей части, нежной половины, душа конферансье.

Плоть, однако, вела себя несколько сдержаннее.

«Живым не уйдёт никто! Отсюда будут выползать с разорванными в клочья животами. Возможно, будут случаи со смертельным исходом, но уголовный кодекс покамест не предусмотрел за это ответственности».

На лице возмутителя спокойствия отпечаталась добродушная улыбка, являющая собой доброжелательное отношение к тем, кому в ближайшее же время предстояло переме-

ститься под столы и стулья. Он решил немного разбавить детское мероприятие бульварным жанром.

– А сейчас, господа присяжные заседатели, – анекдот! – воскликнул артист, объяв «заседателей» открытой честной улыбкой законопослушного гражданина. – Закончилась официальная часть встречи на высшем уровне в Рейкьявике президентов США и СэСэСэра. Первая политическая оттепель после более чем тридцатилетней холодной войны. Вечером, после многотрудных переговоров, в тёплой дружеской обстановке, под бутылочку «Столичной»...

Толстяк, ставший первой жертвой возмутителя спокойствия, обозначил это, щёлкнув ногтем среднего пальца под основание нижней челюсти. Он уже не помнил нанесённую ему материальную обиду.

– ...вожди решили немного поразвлечься. Рейган предложил Горбачеву составить дружеский шарж. Условились, дабы не превращать искусство в пошлятину, давая повод политическим амбициям возобладать над хрупким миром, ниже пояса не рисовать. Конферансье, как строгий папаша, указывающий дочери величину диапазона притязаний со стороны дыхателей, ребром ладони начертил на поясе линию, ниже которой дипломатические отношения начинают принимать иную форму. Через время заокеанский вождь бледнолицых был изображён на листе бумаги с одним ухом чрезмерно маленьким, а другим – огромным, как у слона. Артист начертил в воздухе круг, обозначающий орган слуха

последнего.

«Вы, господин президент, маленьким ухом слушаете народ, а большим – сенат», – пояснил Горбачёв переводчику, обнажив смысл своего рисунка.

«Ес, ес», – улыбаясь, поблагодарил Рейган своего политического оппонента за остроумие и представил свой шарж, на котором социалистический лидер был изображён с одной грудью ма-а-а-ленькой, а с другой – огромной, как у Клавдии Шифер.

Обнаружилось лёгкое оживление, виновниками которого были представители сильной половины.

«Большой грудью, – поясняет Рейган, – вы кормите Москву, а маленькой – московскую область».

«А страну?!» – недоумевает Горбачёв.

«Мы же договорились – ниже пояса не рисовать».

Дружный смех соотечественников заполнил доселе неприметное кафе на пляже «Аркадия». Реакция подопечных придавала сил, возбуждая артистическую страсть.

Тут Жульдя-Бандя обнаружил, что у входа в нерешительности топчется посетитель, полагая, видимо, что кафе арендовано для проведения какого-либо мероприятия.

– Заходи, дорогой, – гостем будешь! – любезно кланяясь, жестом пригласил он посетителя разделить радость бытия.

– Пузырь поставишь – хозяином! – закончил мужской голос за спиной.

– А мы гостей не ждали! – пропищала девица, разделяв-

шая радость бытия с подругой.

Конферансье, довольный высокой гражданской активностью своих питомцев, снизошёл до роли официанта, проводив гостя к столику.

Он вспомнил старый, но незаслуженно забытый анекдот, коим и решил продолжить своё выступление.

«Вовочка, кем ты хочешь стать?» – спрашивает Мария Ивановна пятиклассника Вовочку.

«Сексопатологом», – отвечает Вовочка.

Жульдя-Бандя обвёл присутствующих радужным взглядом.

«А ты знаешь, что это такое?» – удивилась учительница.

«Конечно, знаю. Вот, например, стоят три женщины и кушают мороженое: одна кусает, другая лижет, а третья сосёт. Какая из них замужем?!»

«Наверное, третья», – подумав, отвечает Мария Ивановна.

Рассказчик сделал паузу, не сомневаясь в том, что в аудитории возможны другие мнения. Тема, в лучах зарождающейся на планете сексуальной революции, оказалась более чем востребована. Особенно усердствовала подвыпившая молодёжь за сдвинутыми столиками, громко выкрикивая версии, наверняка основанные на собственном опыте.

Слабая половина, в основной своей массе, склонялась ко второй, сильная – к третьей, и только толстяк, придерживающийся консервативных взглядов, лениво прошамкал: «Ко-

торая кусает!»

«Неправильно», – сказал Вовочка.

Конферансье загадочной улыбкой обнял питомцев.

«Замужем та, у которой на правой руке обручальное кольцо».

– А вот с такими, как вы, – он вонзил указательный палец в сторону молодёжи за сдвинутыми столиками, – я и буду работать.

Видя живой интерес общественности к оригинальному жанру, артист решил очередным анекдотом завершить первый акт программы политического надругательства над вдыхающей последние глотки социалистического воздуха коммунистической партией.

– Социолог задаёт вопрос политикам, – продолжил Жульдя-Бандя: «Где бы вы хотели видеть своих избирателей?» – «На избирательных участках». Этот же вопрос он задает избирателям: «Где бы вы хотели видеть своих политиков?» – «В гробу, в белых тапках!»

Реакция подопечных на этот раз была более сдержанной, если исключить толстяка, который цвёл, как майская роза, отчего его круглый рот растянулся так, что, казалось, губы покушаются съесть собственные уши.

«Перекормил», – упрекнул себя в излишнем политиканстве Жульдя-Бандя и, решив, что на утреннике непременно должны быть детские загадки, громогласно объявил:

– А теперь, дорогие детки, поищем отгадки на дядины за-

гадки!

При слове «детки» представительницы прекрасного пола бальзаковского возраста, коих в кафе было так мало, что их впору вписывать в Красную книгу, помолодели, расслабились, залившись тихим минорным лаем, вернее всего, позабыв о своих довольно скверных перспективах на будущее.

Молодые дамы, вкусившие прелести жизни, в разряд детишек попадать категорически не желали, но шутку приняли. Мужчинам было всё равно, поскольку основное внимание они концентрировали на спиртном.

– Итак, ребятишки, – заискивающим голоском музыкального работника детского сада продолжал артист. – Загадка первая. Эта загадка с географическим уклоном. Название какого города состоит из двух частей: первая – то, без чего человек не может жить, вторая – что приносит людям покой?

– Житомир! – радостно, с нескрываемой гордостью, воскликнула дамочка в оранжевом платье, с длинной косой. Она была родом из Гадзинки, близ Житомира, и с трепетным благоговением относилась к отчим краям.

– Правиль...

– Херсон!!! – машинально выкрикнула слегка подзахмелевшая рыжая девица из компании за сдвинутыми столиками, вероятно, из Херсона, и с тем, чтобы увековечить себя в глазах добродушных посетителей кафе, помахала ручкой.

Конферансье, в порывах демократических веяний западных ветров, в качестве третейского судьи выбрал народ. Все,

в том числе и житомирянка из Гадзинки, единодушно приняли в качестве лучшего ответа всё же Херсон...

– Будьте внимательны и осторожны! Все загадки из детского еженедельника «Мурзилка», – предупредил Жульдя-Бандя.

Он обратил внимание на то, что персонал кафе, во главе с заведующей, сгрудившись возле прилавка, что-то бурно обсуждал. Вероятнее всего, предметом дискуссии была его скромная гениальная личность.

– Предупреждаю, что самых смыслёных ждет приз! Туда, сюда, обратно – тебе и мне приятно.

Не дожидаясь ответа, конференсье подошёл к столику, за которым вдовствовала девица: курносенькая, с коротко остриженными, под мальчишку, волосами и светленькой, не познавшей загара мордашкой.

– Давайте попросим девочку разгадать загадку!

Он учтиво наклонился к покрывшейся лёгким стыдливым румянцем половозрелой девчужке, ожидая ответа, но та молчала, конечно же, зная его, при этом лишь двусмысленно улыбалась.

– Малышка знает, но сказать не может, стесняется.

Взрыв хохота, в коем главенствовали представители слабого пола, по причине их сексуального большинства, обрушился на восточную сторону пляжа «Аркадия». Бродячий арлекин возрадовался после позорной дисквалификации за политический анекдот.

– А теперь спросим мальчика! – Жульдя-Бандя наклонился к пареньку с едва пробивающимися чёрными усиками, рядом с которым находилась девица много старше, с причёской, как у Анжелы Дэвис, явно искушённая в интимных делах. Издалека можно было бы подумать, что у неё вместо головы шар.

Чуть помедлив, конференсье выпрямился:

– Неправильно!

После этого он таким таинственным, но понимающим взглядом обвёл посетителей, что смысл сказанного ни у кого не вызывал сомнений. Пробежав глазами площадку, Жульдя-Бандя нашёл, пожалуй, самую зрелую «девчушку», подошёл к ней:

– Пускай девочка разгадает загадку!

«Девчушка» что-то промяукала, после чего артист объявил, разделяя по слогам:

– Со-вер-шен-но правильно. Это качели! Как зовут малышку?! Наташа?! – удивлённо переспросил ведущий, будто та представилась Сальмонеллой. – Вот и прекрасно! Угостим Наташу лимонадом!

Он бесцеремонно изъясил с ближайшего стола, за которым отдыхали три курсанта мореходки, бутылку водки с объединяющим названием «На троих». Невзирая на то, что одному из них, судя по удивлённо-вопросительному взгляду, эта часть программы нравилась меньше, наполнил рюмку и передал в ручки седой пеструшки, на удивление охотно при-

нявшей награду.

Та, смакуя водку, как ликёр, под аплодисменты публики принялась уничтожать честно заработанный приз.

– За маму, за папу, за дедушку, за бабушку и за матросов-черноморцев! – реабилитировался перед потерпевшими бродячий скоморох.

Публика весело воспринимала детский народный юмор, по-прежнему теряясь в догадках относительно статуса темпераментного молодого человека.

Вторая загадка: «Висит, качается, на «х» называется», – вызвала переполох в стройных рядах посетителей кафе. Ведущий настойчиво подсказывал «детшкам», что ответ поκειται в слове, состоящем из пяти букв, но упрямыцы шёпотом твердили слово почему-то только из трёх.

Это дало повод рассказать про каверзный случай, происшедший в глубинке Хакасии с выездной группой модной интеллектуальной телевизионной игры «Поле чудес». Конференсье, перед тем как начать повествование, с тем, чтобы зафиксировать на себе взгляды подопечных, хотя в этом не было необходимости, поднял руки.

– Просю внимания, господа! Не отходя от темы, я хочу вам рассказать о комическом случае, происшедшем в Хакасии с выездной бригадой телевизионной игры «Поле чудес», о которой мне поведал мой друг... – он сделал такую монументальную и загадочную паузу, что сим другом должен был быть, как минимум, директор центрального городского

кладбища – Ливензон Лазарь Моисеевич, Ален Делон или, на худой конец – Адриано Челентано.

– Леонид Якубович – ведущий. Леонид, как я уже сказал, Якубович даёт задание очередной тройке игроков – угадать слово из трёх букв, коим является монгольский и бурятский двухструнный смычковый музыкальный инструмент. Один, а следом и другой участники выбыли из игры. Защищать честь колхоза «Сорок лет без урожая», а с этим и всей Хакасии, осталась доярка, интеллектуальный уровень которой был ненамного выше, чем у её бурёнок. К этому моменту была перебрана почти половина алфавита. Участница угадала две буквы из трёх, в сочетании которых получался звук «ху». Нужно было угадать последнюю.

Жульдя-Бандя с таким азартом и темпераментом, в мельчайших деталях, рассказывал эту невыдуманную историю, что создавалось впечатление, что он если и не был в составе выездной бригады «Поля чудес», то, во всяком случае, в качестве зрителя присутствовал.

Он обвёл питомцев победоносным взором, читая на их лицах нетерпеливое ожидание развязки, в которой уже вполне вырисовывался финал.

– Якубович предложил назвать слово, напомнив, что это бурятский национальный музыкальный инструмент. Видя замешательство на лице труженицы, пошёл, как на буфет, в безуспешной попытке получить искомое. «Ну же, ну!» – наседали он, сбивая с панталыку оторопевшую доярку.

Конферансье сделал ненавязчивую предфинальную паузу, двусмысленной улыбкой обнимая ни в чём не повинных посетителей кафе на пляже «Аркадия».

– Женщина, вся в смятении, стыдливо пряча глаза, будто её только что лишили девственности... – артист стыдливо спрятал глаза, будто девственности только что лишили его, – громко выдохнула требуемое слово, добавив к угаданному сочетанию букву «й».

– Шо там было – как ты спасся?! – конферансье всплеснул руками. – Истерический хохот четверть часа сотрясал стены сельского культурного центра. Якубович, дождавшись, пока эмоции перестанут возобладать над разумом, сообщил, что бурятский смычковый двухструнный музыкальный инструмент – это нечто иное и не имеет ничего общего с вариантом, предложенным не лишённой чувства юмора колхозницей. Он назвал слово, наделавшее столько переполоха в забытой Богом хакасской глубинке. Звучит оно просто – «хур»...

Дамы и господа, я прошу прощения за несанкционированное отступление от темы! – конферансье, как всякий просящий прощения или милостыню гражданин, «взбрызнул» лицо лёгким минорным оттенком. – Загадка третья: всё из того же детского политического еженедельника «Мурзилка».

Жульдя-Бандя, в артистическом экстазе, совсем позабыл о том, что вторая загадка так и не была разгадана «детешками», поскольку предложенные версии несколько отличались

от ответов в «Мурзилке».

– У какого молодца, – он сделал хитрую паузу, присовокупив к ней улыбку, полную загадочности и неожиданности, – бурно капает с конца?

Ответы сыпались, как горох, однако правильного, по крайней мере, того, который знает всякий мало-мальски развитый ребёнок, не было. В компании молодых людей за сдвинутыми столиками поднялась девица, которой было уже весело, и ткнула пальцем в темечко сидящего рядом кавалера, степень опьянения которого средней назвать было бы нескромным.

Девица, улыбнувшись, окинула взглядом посетителей, ожидая реакции на свою пронзительную шутку, и захохотала так искренне, что равнодушных, включая и потерпевшего, в кафе не осталось. Конферансье тоже поддался на провокацию, но вовремя спохватился, упрекнув себя в излишней эмоциональности.

Тут обвиняемый, посчитав приговор для себя чрезмерно суровым, громко объявил:

– Брехня! У меня с конца пока ещё не капает!

– Закапает! – торжественно пообещала подружка и, уличив себя в остроумии, вновь обрушила в пространство свой неудержимый одесский темперамент.

Правильный ответ на этот раз всё же был найден. Малыш лет пяти, наряженный в матросскую форму, пропищал:

– Дядя, это самосвал!

– Молодец, моряк! – похвалил дядя. Он одарил малыша яблоком и апельсином, изъятыми со столика рядом с пустовавшей эстрадой, а мамаше отправил взгляд, в котором прочитывалось, что его кроткая философская натура, поступившись принципами, готова отдать ей себя на растерзание.

Родительница морячка абсолютно правильно уловила интонацию бессловесного предложения и встречным взглядом пожурила похотливого молодого человека, к чему недоставало лишь погрозить пальчиком.

Жульдя-Бандя в очередной раз осмотрел доверчивых «детшек», попавших в объятия его безудержного темперамента. Три года актёрского отделения Щукинки не прошли даром. Со Щукинки, правда, его с треском выперли за то, что подкинул в карман пиджака преподавателю актёрского мастерства фотографию Мэрилин Монро, устроив грандиозный семейный скандал, учинённый ревнивой супругой.

Молодой дебютант-эстрадник был доволен собой. Все на импровизированном «утреннике», включая персонал кафе, находились под гипнотическим воздействием его неуёмного темперамента.

«Ты – великий артист! – позабыв о скромности, буйствовала творческая душа великого пройдохи. – Однако нет сюжетной линии. Нет изюминки. Все эти загадки, анекдотики, сказочки... Всё это слишком мелко для великого мастера оригинального жанра. Всё это неубедительно. Низкосортный товар, творческий ливер!» – впервые в жизни он нашёл

в себе смелость для самокритики.

Жульдя-Бандя, истязая извилины, неистово пытался придумать что-нибудь этакое. Умилительным взглядом обведя публику, как всякий артист – осточертевших поклонников, остановился на толстяке. Стал прокручивать сюжет, но ничего, кроме колбасного фарша, не выходило.

Глава 13. Постановка инсценированного спектакля «Никто не хотел умирать»

Тут его взгляд остановился на троллейбусной остановке метрах в тридцати от кафе. По ней в одиночестве прохаживался невысокого роста пролетарий в выцветшей тельняшке, с авоськой в руках. Пролетарий не вдохновлял, и из него даже фарша не получалось, разве что – суповой набор. В этот момент возмутитель спокойствия увидел вдалеке приближающийся троллейбус.

Идея – дерзкая и феноменальная, ворвалась в душу артиста, отразив в ней сюжет, который, при благополучном стечении обстоятельств, мог вызвать фурор среди подопечных. Иное, однако, развитие событий не исключало позора, когда ему пришлось бы уйти по-английски – не попрощавшись.

«Сейчас я устрою небольшой инсценированный спектакль! – утробно ревел артист, с трудом сдерживая ураган эмоций, пытающихся обрушиться на плечи благодарных потребителей его неуёмного темперамента. – Актёры – по ходу пьесы! Декорации – естественные! Сценарист, режиссёр-постановщик, директор и даже слова автора – всё это в одном лице, в лице великого мастера словесной импровизации, то есть – в моём, – вновь возопила душа неугомонного гастро-

лёра. – Возможно, придётся совмещать ещё и должность кассира», – с ужасом заметила она.

Мысли его на мгновение унеслись куда-то в пространство, но, не утруждаясь бесплодным витанием в облаках, вернулись на побережье, в кафе на пляже «Аркадия».

«Это первый спектакль в истории человечества, – замахнулась душа на всю историю цивилизации, – когда оплата будет производиться после просмотра! Вход свободный! Цены ниже рыночных! Я разрушу веками сложившиеся стереотипы в драматургии! Альтернативы не будет! Сия постановка – революция в театральной деятельности, первый шаг к демократии в культуре! Долой бюрократию с театральных подмостков! Долой цензуру и критику!» – не на шутку разошлась душа артиста, одновременно потешая «детюшек» очередной байкой про гаишников.

«Театр – народу! – скандировала она. – Сегодня – художественная самодеятельность, завтра – профессиональные труппы!» – душа под влиянием рождённой от непорочного зачатия метафоры хихикнула, отразившись на губах артиста. Добродушная неотразимая улыбка вновь была подарена похотливой публике.

Меж тем артист, уподобившись самому Господу, с подъятыми вверх перстами, с прискорбием возглашал:

– Дорогие узники социализма! Братья и сёстры! Товарищи православные!

Отнесённые к товарищам православные, охотно признав-

шие в себе узников социализма, глупо улыбались, не ведая о том, что на долгие годы им предстоит стать узниками демократии, когда, прежде чем открыть рот, необходимо будет получить на это санкцию от своих узурпаторов.

– Станишники, друзья! – продолжал Жюльдя-Бандя. – Сейчас театр юного зрителя представит на ваш ссут... – он намеренно выделил двойное «с» и, сделав вид, что не понимает причины смеха, продолжал, – драматическую трагикомедию в трёх, а возможно, и в четырёх действиях, под названием «Никто не хотел умирать».

Действующие лица и исполнители: водитель троллейбуса – инициалы уточняются. Прохожий – прохожий, как говорится, он и в Африке прохожий. Текст автора – Сухово-Кобылин-младший, – Жюльдя-Бандя обозначил себя рукой. – Жорж Брониславович. Можно просто – Жорик. И, наконец, главное действующее лицо, – на этот раз он ткнул указательным пальцем в солнечное сплетение, для пущей важности, по-унтерофицерски, слегка склонив, вскинул голову, – ваш покорный слуга.

Итак, действие происходит на берегу самого чёрного в мире моря, – артист, дабы убедить в этом сомневающихся, распростёр объятия в сторону огромной, до самой Турции, лужи. – Издалека слышен грохот приближающегося обоза.

Жюльдя-Бандя сопровождал сказанное движением руки, теперь уже указывая на движущийся к месту события и предстоящей драмы неодушевлённый предмет, начинающий при-

нимать ясные очертания троллейбуса.

Мужичок в выгоревшей тельняшке, в бескозырке с оторванной ленточкой и солдатских сапогах с полуобрезанными голенищами, коему, по коварному замыслу артиста, предстояло стать одним из главных героев трагикомедии «Никто не хотел умирать», ничего не подозревая, миролюбиво болтал авоськой. Он болтал авоськой, как болтал бы всякий, ожидающийся троллейбуса, как, впрочем, и автобуса, трамвая или жены из отдела кожгалантереи супермаркета.

Жульдя-Бандя, перекрестив указательным пальцем рот, с тем чтобы придать интригующей загадочности предстоящей драме, громким шёпотом возвестил:

– Это присказка велася, вот и сказка началась (П. Ершов).

Палец угрожающе вознёсся вверх, с тем, чтобы никто не посмел помешать течению сюжетной линии.

Конферансье подошёл к ничего не подозревающему толстяку. Наполнил рюмку его же коньяком. Чокнувшись с гладким глянцевым лбом, залпом выпил содержимое, демонстративно занюхав «языком» голубого в косую белую полоску галстука потерпевшего.

«Детишки» позволили себе рассмеяться, но приближение троллейбуса ограничивало время на веселье, поскольку сценарий, как музыкальная партитура, был расписан по секундам.

Артист продолжал:

– У старинушки три сына. Старший – умный был детина

(П. Ершов), – он с материнской нежностью погладил блестящую лысину толстяка, с отвращением мачехи поцеловав в темечко. Слово детина удачно гармонировало с его комплекцией, что вызвало смех присутствующих.

Затейник подошёл к юноше, внешность которого располагала к цитате – «первый парень на деревне».

– Средний сын – и так и сяк, – он сделал равнодушное, как у дежурного по вокзалу лицо, опустил руки, разведя в сторону, как еврей, отчаявшийся вдолбить непутёвому отроку таблицу приумножения.

Затем Жульдя-Бандя изобразил нечто, претендующее на пируэт. Вскинул руки в направлении ничего не подозревающего, мирно прохаживающегося по остановке с авоськой в руках отставного морского волка.

Все дружно вперились в покорителя морей и океанов, теряясь в догадках: актёр это или жертва коварного розыгрыша?

– И всё несчастный тосковал, бродя по берегам Дуная (А. Пушкин)! – щедро перепеленал прозу в поэтическое покрывало артист. – Гудбай, май лав, гудбай.

Жульдя-Бандя, сделав питомцам гучкой, зайцем сиганул за ограждение, оставив на лицах симпатизирующих ему «малышей» немой вопрос и удивление по поводу его внезапного исчезновения. Тем временем механическая «утятница», замедляя ход, приблизилась к конечной остановке, с которой, собственно, начинался маршрут.

Троллейбус остановился. Водитель, уставший от осточертевших пассажиров, закурил, пуская дым в открытое боковое окошко.

Артист обошёл троллейбус со стороны водителя. По-хозяйски, уверенным движением натянул на себя вожжи, обесточив транспорт. Держа в руках поводья, махнул рукой отставному мореману, у задней двери ожидавшему посадки.

Мужичок, не сомневаясь несколько в том, что перед ним водитель троллейбуса, безропотно и даже с желанием взялся помочь, обрадовавшись случаю принести пользу общественному транспорту в целом и троллейбусному в частности. Он, гремя бутылками, покорно затрусил на помощь и со знанием дела перехватил вожжи, чрезмерно гордясь своей востребованностью.

Лже-водитель, дав указание – держать до тех пор, пока не будет устранена течь в радиаторе, отсутствующем, к слову сказать, на троллейбусе, деловито стукнув рукой по запасному баллону, так же загадочно исчез, как и появился.

Он нашёл питомцев веселыми, замороженными и азартными, в ожидании многообещающей развязки. В это время водитель троллейбуса, согласно незыблемому и нерушимо-му графику движения, попытался тронуться, на что машина ответила категорическим отказом.

Он щёлкнул пальцем по безмолвному щитку приборов и, посчитав, что причиной этому – обрыв на линии, принялся перелистывать новомодный «Плейбой», который контра-

бандно доставляли в Одессу туристические теплоходы из-за границы.

Жульдя-Бандя продолжил очередной, второй акт спектакля «Никто не хотел умирать». Он жестом сконцентрировал внимание «детешек» на черноморце-любителе, как красное знамя, охраняющем вверенные ему вожжи:

– Всегда восторженный герой готов был жертвовать собой (А. Пушкин)!

В кафе почувствовалось оживление, поскольку продолжение сюжета вырисовывалось, даже у посетителей с низким уровнем воображения.

Водитель же, перелистывая странички эротического журнала, обнаружил, что навстречу движется троллейбус. Это исключало аварию на линии. Заподозрив в этом признаки диверсии, он решил обойти своего кормильца.

Наблюдая за тем, как шофёр вышел из машины, артист изобразил крадущегося по чужому саду вора, делая осторожные, словно по засохшей навозной жиже, шаги.

– Нетерпеливо он идёт, куда зловещий след ведёт (А. Пушкин)! – прокомментировал он.

Водитель троллейбуса, увидев мужичка, на руки которого были намотаны вожжи, оторопел, как оторопел бы внезапно вернувшийся из командировки муж, заставший любовника своей благоверной в собственной «усыпальнице».

Тот оторопел в большей степени от того, что quasi-моряк как ни в чём не бывало, с проникновением воркующего кена-

ра насвистывал: «Это было в городе Одесса, много там блатных и фраеров...»

Единственным желанием шофера на тот момент было задушить вредителя свисающим концом вожжей. Он взорвался, как Везувий, обрушив все свои знания русского народного на голову без вины виноватого гражданина.

– Царь со гневом закричал и ногами застучал (П. Ершов)! – уверенно поспевал за событиями артист.

Водитель троллейбуса же, будто не желая отступления от прозвучавшего комментария, затопал ногами, помогая при этом верхними конечностями.

Смех взрывной волной вырвался за пределы летнего кафе.

– Не вынесла душа шофёра позора мелочных обид (М. Лермонтов)! – Жульдя-Бандя изобразил мелочную обиду, хотя на лице водителя отчётливо вырисовывалась обида, которую назвать мелочной было бы крайне невежливо.

Жестикулируя руками, он безжалостно сотрясал воздух отборным матом, выражая презрение к матросам как военного, так и гражданского флота.

– И вдруг с отчаянной тоской потряс он в воздухе рукой (Д. Байрон), – продолжал свой режиссёрский дебют заезжий арлекин, с не меньшим отчаянием и злобой сотрясая, для эффекта, обеими руками. – Но гневаться напрасно он изволил (И. Крылов)! – он отрицательно потикал вооружённой указательным пальцем правой рукой.

«Детишки», разрываясь на части, выхватывали самое ин-

тересное по обе стороны импровизированной сцены, предпочитая всё же троллейбусную остановку, где события были более скоротечными, красочными, интригующими и завораживающими.

Любопытная бойкая старуха, пожелавшая стать первой живой свидетельницей переговоров на низшем уровне, проворно выпрыгнула из троллейбуса, дав повод к рождению очередной поэтической строфы:

– На встречу бедного певца спрыгнула Оленька с крыльца (А. Пушкин).

К месту происшествия, в чём не было ничего удивительного, стали стягиваться ротозеи и простые граждане, жаждущие хлеба и зрелищ.

Оленька, с тем чтобы выступить в качестве генерального свидетеля, приблизилась на расстояние, ближе которого находиться было уже небезопасно.

Артист же, как хамелеон, ловко маневрируя эмоциями, старался отобразить происходящее на троллейбусной остановке. Лицо его: то улыбалось, то смеялось, то злилось, то было грустным, то очень грустным, то безнадёжно грустным.

А тем временем – незаслуженно униженный и оскорблённый отставной покоритель морей и океанов оправился и нанёс контрудар в виде лёгкого морального ранения. Он выразил личное презрение водителям всего общественного городского транспорта и троллейбусного в частности, обозвав их «мудаками солёными».

Водитель троллейбуса с этим был категорически не согласен хотя бы потому, что прилагательное в большей степени подходило к представителям морской профессии, о чём он в доступной форме пытался разъяснить.

– В долгом времени аль вскоре приключилось ему горе (П. Ершов)! – предвосхитил события массовик-затейник, хотя в том, что горя не избежать, не сомневались даже самые отъявленные оптимисты.

Словарный запас противоборствующих сторон быстро иссяк, к тому же моральные увечья не возымели должного эффекта. Противники стали попеременно хлопать друг дружку ладонями по плечам. Диалог, в котором дипломатические формы общения были напрочь истреблены, переходил в поединок.

Бой без правил обещал быть многораундовым. Появились первые сочувствующие, в основной своей массе «болеющие» за своих, то есть – за моряков-черноморцев.

– При свете трепетном луны сразились витязи жестоко (А. Пушкин)! – слегка приврал артист, поскольку трепетный свет луны заменяли, пожалуй, не менее трепетные лучи солнца.

Бесконечное стучание по плечам и предплечьям выявить победителя турнира не могло, и оказавшийся не робкого десятка отставной мореман, в попытке деморализовать противника, ухватил его за пышную шевелюру.

– Схватив врага за мягкие власы, он сзади гнёт могучею

рукою (А. Пушкин)! – Жульдя-Бандя артистично продублировал действия морского волка. В это время шофёр, вывернувшись, нанёс удар в грудь сопернику:

– Не согласился ни один на землю бросить карабин (Д. Байрон)!

Мореман, отброшенный мощным ударом, в мгновение оправился и со злостью, с коей ревнивый муж кидается на любовника жены, ринулся в атаку.

– Нет, не пошла Москва моя к нему с повинной головою (А. Пушкин)! – артист сопроводил сие, тикая рукою.

Морской волк, понимая, что без хитрости одолеть водителя троллейбуса не удастся, изловчившись, ударом головы в пах сбил его с ног. Тот отлетел метра на два. Схватившись от боли за живот, простонал:

– Сука!

Жульдя-Бандя голосом, полным отчаяния, трагизма и сочувствия, запел:

– И боец мо-ло-дой вдруг поник го-ло-вой – комсомольское сердце пробито (А. Александров, Н. Кооль)!

Жульдя-Бандя, обнаружив на слезницах толстяка стеклянную наволочь, подошёл к нему, сочувственно наклонился. Голубым, в косую белую полоску галстуком стал вытирать слёзы на его ожиревших щеках. Потом, обняв по-отечески, молвил, окинув взором похотливую публику:

– Из голубых его очей бежали слёзы как ручей (Д. Байрон)!

Очередная волна смеха, разверзая пространство, прокатилась по восточной части пляжа «Аркадия». Блистательный напор темперамента конференсье обезоружил всех, даже малыша в матросской форме, который смеялся, взирая на свою хохочущую маму.

Некоторые из присутствующих – скромные и стеснительные по жизни, со стороны не узнали бы себя, но сейчас, сбросив вековую паранджу благочестия и приличия, барахтались на стульях, покрасневшие и обмякшие от смеха, пребывая будто в состоянии наркотической эйфории.

Радость от великолепно срежиссированного и поставленного дебютного спектакля переполняла сердце бродячего шарлатана, и он всем, включая, мягко говоря, не очень молодых «девчушек», позволял себя любить.

Происходящие на автобусной остановке, меняющиеся с каждой секундой события требовали постоянной концентрации, с тем, чтобы не нанести урона постановке великой трагикомедии «Никто не хотел умирать».

Артист снова обратил перста на троллейбусную остановку, на которой тело шофёра было «предано земле»:

– И долго пленник молодой лежал в забвении тяжёлом (А. Пушкин)!

Между тем водитель, несколько оправившись от ошеломляющего удара черноморца, стал потихоньку приходить в себя.

– Несчастный тихо поднялся, с трудом обводит слабый

взор (А. Пушкин), – конференсье слабым, полным отчаянья и безнадеги взором обвёл питомцев.

Несчастный, действительно поднявшийся с трудом, воспрял духом и с такой неистовой яростью бросился на неприятеля, что тот едва успел привести в действие свою стеклянную «артиллерию».

– Тут вообще началось, не опишешь в словах, и откуда взялось столько силы в руках, – рычал голосом Высоцкого артист.

Морской волк, защищаясь, стал махать авоськой перед самым носом нападавшего, в надежде отразить наступление. Противник, успешно уклоняясь от ударов, всё же пытался прорвать оборону. Мореман тем временем замахнулся авоськой сверху вниз и, влекомый силой инерции, покачнулся вперёд.

Удар пришёлся по железобетонному парапету, на котором тотчас организовалось кровавое пятно. Звон битого стекла был отчётливо слышен в кафе, отчего на стороне моремана оказались воздерживающиеся, поскольку тот перешёл в ранг пострадавших, теперь уже и материально.

– И упали из-под мышек две больших и пять малышей! (В. Высоцкий) – незамедлительно отреагировал конференсье.

Битое стекло в авоське стало грозным оружием в руках взбешённого морского дьявола, и он, размахивая ею, как булавой, ринулся в контрнаступление, погнавшись за обратившимся в бегство противником.

– За ним повсюду всадник медный с тяжёлым топором скакал (А Пушкин)! – отобразил событие конференсье.

Тут к месту происшествия, истеричным воем сирены сотрясая атмосферу, пришвартовался жёлтый милицейский уазик.

Из машины вывалились трое дюжих молодца. Они повалили наземь вооружённого авоськой с битым стеклом черноморца, поскольку его действия очерняли советскую социалистическую действительность.

– Навалились гурьбой, стали руки вязать, а потом уже все позабавились! (В. Высоцкий) – продолжал прямую трансляцию артист.

Обезоруженного возмутителя спокойствия зафиксировали наручниками и беспардонно запихнули в уазик, куда нырнула Оленька, дабы снять с невинного чёрное пятно обвинения.

Комментарий не заставил себя ждать:

– И наш герой на много-много дней прощается с Испанией своей (Д. Байрон)!

Жульдя-Бандя взмахом руки вновь обратил взоры «детшек» на попавшего в жернова правосудия моремана, не забыв при этом состроить печальную мину:

– Уселись, и возок почтенный, скользя, ползёт за ворота (А. Пушкин).

Помахав рукой в сторону удаляющегося милицейского «возка», запел:

– Любимый город может спать спо-окойно (Е. Долматовский)...

Этим была закрыта последняя страница инсценированного спектакля «Никто не хотел умирать».

За то время, пока «воронок» стоял на светофоре, ситуация, по-видимому, разрешилась, и черноморец, вместе с Оленькой, был отпущен на свободу.

Глава 14. Одного из главных героев инсценированной постановки «Никто не хотел умирать» зрители чувствуют как челюскинца

Жульдя-Бандя исчез так же, как и появился: внезапно, стихийно, неожиданно. Он был не вправе позволить уйти в небытие, несомненно, достойному артисту. Торопливой поступью он настиг черноморца, сыгравшего на бис единственную и, возможно, свою последнюю роль в жизни.

Экс-покоритель морей и океанов увидел цветущего, как майская роза, обидчика. От греха подальше, он хотел было свернуть в сторону, но от предложения отметить свой актёрский дебют отказаться не сумел.

Звёздную пару встречали, как челюскинцев. Отставной моряк понял, что стал жертвой розыгрыша. Посетители кафе его дружелюбно похлопывали по плечу, пожимали руку, как космонавту, совершившему беспрецедентный полёт на Луну.

Он, на секунду, сопоставил свои мучения со страданиями Христовыми, и ему стало немного неудобно перед Иисусом. Да и лёгкие ранения в виде царапин тянули разве что на моральные увечья средней степени тяжести.

Не был обделён вниманием и провокатор, устроивший

феерическое зрелище на троллейбусной остановке возле пляжа «Аркадия». Его схватили две половозрелые девицы в попытке завладеть интеллектуальной собственностью вместе с прилегающей к ней плотью.

– Девочки, – виновато скрестив на груди руки, вежливо отказался он, – сегодня я не распоряжаюсь своей биографией.

Он вознёс руки в сторону потерпевшего и громко, с ораторским азартом возгласил:

– Дамы и господа! Я хочу представить вам народного артиста СССР... – великий авантюрист что-то шепнул черноморцу на ухо, – Василия Топоркова! – он придал руке моремана восклицательное положение, как рефери – победителю в поединке. – Я предлагаю выдвинуть его кандидатуру на премию «Оскар» в номинации «Актёр года». – Нет, – возразил он себе, – на премию «Лучший актёр двадцатого столетия!»

Демократия восторжествовала. Василий Топорков большинством голосов посетителей кафе был признан лучшим актёром XX столетия, при отсутствии, впрочем, иных кандидатур.

У рождённого на троллейбусной остановке таланта нашёлся восторженный почитатель в лице добродушного толстяка с красными, как у безутешной вдовы, глазами.

– Официант, бутылку коньяка..Нет – две, – окончательно расщедрился он.

Обалдевший от внимания черноморец, взирая на целых две бутылки коньяка, с трудом верил в случившееся. До этого его судьба была небезразлична только участковому инспектору, а вместо коньяка приходилось довольствоваться исключительно самогоном, солнцедаром или портвейном...

Василий залпом махнул рюмку. Закусил бутербродом с чёрной икрой от благодарной соседки с перемазанными тушью веками и покрасневшими, как бурелый помидор, щеками. Мореман возлюбил ближнего своего, коим оказался толстяк, как самого себя, а возможно, даже больше.

Конферансье тем временем изъясил у «оскаропросца» бескозырку с оборванными ленточками, напоминающую теперь уже еврейскую кипу. Перевернув её вверх дном, приспособил под жертвенник.

«Всякий труд должен быть оплачен, а тем более труд артиста», – справедливо думал он, начав паломничество между столиками. Для затравки опустил в тубетейку изрядно измятую пятёрку, «подмолодив» медяками, оставшимися после незабываемой трапезы в орсовской столовой.

Посетители кафе, ставшие свидетелями собственного бессилия перед высшим проявлением эмоционального оргазма, щедро оплачивали премьеру величайшей постановки под названием «Никто не хотел умирать».

Более остальных пожертвовала прожжённая и опытная заведующая кафе, и неспроста: происшедшее на троллейбусной остановке и в кафе на пляже «Аркадия» взбудоражило

всю Одессу.

По городу поползли слухи о том, будто группа бременских арлекинов инкогнито гастролирует по Черноморскому побережью, делая набеги на рестораны и закусочные, облюбовав кафе на пляже «Аркадия», куда и повалил народ в ожидании второй серии, делая сумасшедшую прибыль.

Звёздный театральный дуэт, в столь короткий срок пленивший сердца соотечественников, этим же вечером прекратил своё существование.

Друзья, а к тому времени спиртное сблизило их, поделили поровну деньги, за вычетом по иску потерпевшей стороны материальных убытков, связанных с утратой нескольких бутылок портвейна, и разошлись в разные стороны.

Черноморец, к слову сказать, сделал несмелую попытку получить компенсацию за моральные увечья, но на тот момент сия статья отсутствовала в Святом Писании и в возмещении морального вреда, на полном основании, было отказано.

Жульдя-Бандя напомнил потерпевшему о том, что до потерпения его узнавали только бродячие собаки, а нынче знает вся Одесса, с чем трудно было не согласиться.

Глава 15. Гостиница «Аркадия» вдохнула возмутителя спокойствия в кафе на одноимённом пляже

– Сто пятьдесят четыре рубля ноль-ноль копеек, – выбросив в траву несколько неконвертируемых медяков, подсчитал стоимость своего интеллекта Жульдя-Бандя. – Не густо: месячный заработок простого инженера.

Ему стало немного жалко себя. На простого инженера жалости уже не оставалось.

– Скромные дивиденды великому труженику оригинального жанра, – пряча в карман брюк заработанные в опасной сделке с суровой действительностью деньги, констатировал он. – Жалкая подачка гиганту мысли – молочному внуку легендарного авантюриста О. Бендера, – замахнулся на родство с великим комбинатором Жульдя– Бандя.

– Ха-ха! Это же знамение! Ведь Остап Ибрагимович Бендер рождён неугомонным еврейским дуэтом здесь, в Одессе. А где гарантия, что зачатие легендарного Остапа не произошло в кафе на пляже «Аркадия»?! Гарантии никакой. Гарантировать может страховая компания, а констатировать – патологоанатом, – странствующий оболтус улыбнулся от столь грандиозной, пожалуй, не лишённой смысла гипотезы...

Молодой человек, обременённый собственным остроуми-

ем, шествовал по ночной Одессе, разглядывая объятые радужным неоном витрины магазинов. Гостиница «Аркадия», неподалёку от одноимённого пляжа, зазывала постояльцев голубым неоном, многообещая, как и всякая блудливая реклама, домашний уют, комфорт и доступные цены.

Последнее заинтриговало нашего героя, и он направил стопы в гостиницу, в коей табличку «Мест нет», долгое время служившую девизом для благоустроенных прибежищ иногородним гражданам, сменила более демократичная – «Добро пожаловать».

– Вам какой номер? – сухо и озлобленно спросила администраторша, вооружая глаза очками в позолоченной оправе. Она озлобилась сразу же после того, как табличку «Мест нет» сменили на демократичную и свободолюбивую «Добро пожаловать».

Виски служительницы заезжего дома запорошила траурная седина, предвестница старости, пессимизма и скорого свидания со смертью.

– С видами на бушующее море. Я свободный художник! – молодой человек отобразил на лице высшую степень свободы и независимости, затем, переменив свободолюбие на таинственность, огляделся и шепнул на ушко. – Только попрошу – об этом никому ни слова. Об этом, кроме меня, никто не знает.

– Я буду молчать, как статуя Свободы! – торжественно пообещала администраторша и, улыбаясь, спросила: – Так тебе

одноместный, двухместный или трёхместный?!

– А какой дешевле?!

– Трёхместный, с подселением.

– Тогда трёхместный, с подселением. С детства ненавижу одиночества, – пожелал практичный постоялец, мысленно оплакивая тощий бюджет. – Хотя можно и двухместный. Но только женщин попрошу не подселять, во всяком случае, старше сорока годов, я слабохарактерный. И лиц кавказской национальности тоже. Я дорожу своей репутацией.

Администраторша повеселела:

– Будешь плохо себя вести – подселю армянина!

– А вот этого делать не надо! – постоялец предупредительно потикал пальцем. – Это пахнет антисемитизмом...

– Заполний анкету, слабохарактерный, – вручив бланк, оборвала женщина.

– Фамилия, вымя, отчество, дата рождения, – прочитал вслух Жульдя-Бандя, тотчас прояснив: – Меня что, будут поздравлять с днём рождения?!

– Щас, побежала заказывать торт со свечами.

– Можно без свечей, – сжалился постоялец.

– Национальность? – он отправил знак вопроса в непорочный взор администраторши. – После 300-летней сэкспасии монголо-татарским игом Руси, категоричность в этом вопросе была бы крайне неосмотрительна.

Администраторша хихикнула, по-видимому, относительно сэкспансии:

– Заполняй, умник, а в графе национальность можешь написать татарин... или монгол...

В номере Жульдя-Бандя, безжалостно транжиря воду, произвёл омовение в душе. Распластавшись на белой хрустящей простыне, стал мысленно прокручивать события прошедшего дня. Он был доволен собой. Он был доволен гостеприимством Одессы и, в неменьшей степени, одесских женщин в лице обладательницы «сочных и мягких булочек».

Буйная фантазия неугомонного авантюриста не желала мириться с тихим и мерным течением умирающей империи, ещё не успевшей влиться в бурные демократические воды анархии, бардака, хаоса, коррупции.

Глава 16. Зародившаяся идея не оставляет в покое буйную натуру бродячего авантюриста

Эйфория массового публичного оздоровления, прокатившаяся по стране, не оставляла в покое неудержимую натуру странствующего шарлатана. Жульдя-Бандя стал вынашивать план, в котором благодарные соотечественники станут менять свои ассигнации на его интеллект.

Он лежал на белоснежной простыне, свободолюбиво раскинув руки, как лежит добропорядочный налогоплательщик, необременённый кредитами гражданин или любящий муж, изменивший своей благоверной не более двух-трёх десятков раз.

Он представил себя на сцене огромного зала, в чёрном фраке, в объятиях взглядов страждущих и жаждущих исцеления. Потом пришёл к мнению, что траурный цвет может навести на мысль об исцелении нетрадиционным способом, и с лёгкостью переделал себя в белый. Слишком вульгарно и аристократично. Облачился в восточный султан. Это хоть и не излечивало, но вносило определённую степень загадочности, таинственности и мудрости. Тут же стал вопрос об аудитории.

Излечивать старух – дело безнадёжное и бесперспектив-

ное. К тому же старухи патологически любят болеть и с удовольствием болеют до девяноста лет. Здоровая старуха чувствует себя ущербной, и она торжественно умирает, не в силах сносить завистливых взглядов болящих соотечественниц.

Мечтатель заполонил зал симпатичными, разодетыми в весёленькие тона девицами, но счёл их одеяния слишком вызывающими. Безжалостно раздел их, но обнажённые молодые женщины мало походили на болящих и наводили на нескромные мысли. Он облачил всех в школьную коричневую форму с белыми фартучками поверх. Начал процесс массового оздоровления, но остался неудовлетворённым.

Оздоровлять молодых женщин экспресс-методом было большим хамством. Он нарисовал в уме стройную симпатичную блондинку, наделил внушительной грудью, всё-таки раздел её, определил на кушетку, прямо в центре зала, и стал массировать нежную податливую кожу.

Тут, на самом интересном, пелена застлала разум. Сон пленил сознание, заодно завладев и плотью. Блондинка растворилась, как белый дым. Ей на смену явился черноморец в форме налогового инспектора, который сотрясал его за грудки, требуя уплаты налога с собранного давеча в кафе на пляже «Аркадия» гонорара...

Утром, восстав ото сна, Жульдя-Бандя, обременённый зародившейся идеей, достал из дипломата из крокодиловой кожи корочку, удостоверяющую его как экстрасенса. Прочитал

с незначительной корректировкой: «Московский международный центр по подготовке шарлатанов». Определил её обратно в дипломат. «На начальном этапе, однако, потребуются незначительное финансирование проекта, хотя, – ободрил он себя, – первые пожертвования от сердобольных граждан и гражданок уже начали поступать на текущий счёт народного целителя».

Жульдя-Бандя улыбнулся. Он был в прекрасном настроении, что соответствовало и настроению Всевышнего, ниспославшего на грешную землю чистое, с лёгкой проседью облаков небо. Солнце уронило сквозь расщелину штор косую золотистую полосу, взорвавшуюся на левой створке трельяжа брызгами огненного света.

– Ах, Одесса, жемчужина у моря, – мурлыкая, совершал утренний моцион её неудержимый гость...

Он спустился в буфет. Сочная конопатая девица премило и, казалось, с лёгким намёком улыбалась: рассчитывать на чаевые с холодным равнодушным взглядом не приходится. Молодой человек посмотрел на прейскурант, затем на королеву забегаловки:

– Для виду прейскурант висит и тщетный дразнит аппетит (А. Пушкин). А у вас цены ниже рыночных?

– Намного, – буфетчица устремила взор в искристые голубые очи посетителя:

– Что желаете?

– Всё, – признался он, хитро улыбаясь.

Молодой человек уболаготворил желудок бутербродами с нарезками из осетрового балыка. Запил бутылочкой «Жигулёвского». Углекислота приятно щекотала гортань. Уходя, незаслуженно осыпал конопатую буфетчицу лёгким дождичком комплиментов. Та криво улыбалась, потому что лёгкий дождичек чаевых ей импонировал больше.

Ранний посетитель выплеснул своё тело на улицу, отчётливо сознавая, что статус бродячего философа несовместим с оседлой жизнью.

Глава 17. Жульдя-Бандя в каменных джунглях легендарной Одессы

На клумбах пели цветы. Им вторили весёлые беспечные воробьи: вскормленные на «вискасах» городские коты, в отличие от вечно голодных и озлобленных деревенских, не проявляли к ним ни малейшего интереса.

Душа странствующего ловеласа плясала. Мажорную тональность нарушилдвигающийся навстречу троллейбус пятого маршрута, на водительском кресле которого восседал один из участников побоища на остановке возле пляжа «Аркадия». Тот был занят маршрутом. К счастью, он не знал в лицо своего обидчика, иначе – второй части спектакля «Никто не хотел умирать» – было бы не избежать.

Прекрасное настроение преследовало нашего героя. Он улыбнулся, вспомнив, как рыжая девица, в компании за сдвинутыми столиками, вызвала Херсоном смех у его питомцев.

«Стоп! – остановил он себя. – А почему бы мне не устроить целительный спектакль в Херсоне?! Чем, предположим, Херсон хуже Серпухова? Или в Херсоне меньше жаждущих исцеления?!»

Несомненно, в Одессе их больше, но Одесса – город-герой, и он не имел морального права топтать своими грязными лапами героическое прошлое черноморского портового

города. К тому же Жульдя-Бандя, как и всякий провинциал, не любил суеты мегаполисов.

«Начнём с Херсона!» – окончательно решил странствующий махинатор, к тому же, Херсон, ничего плохого ему не сделал.

Воодушевлённый предстоящими грандиозными событиями, связанными с сеансами массового оздоровления херсонцев, а Херсон – это не забытый Богом Серпухов, наш герой принялся насвистывать Марсельезу, через зубы, низким тембром, что более походило на шипение кобры.

«Стоп! – снова остановил он себя, продолжая, вместе с тем, топтать грешную землю. – Странствующий философ не имеет морального права отказать знаменитому на весь мир «Привозу» в аудиенции. Вперёд, на «Привоз»!»!

Он не сумел не затронуть шествующую с ним в одном направлении студентку, которая вполне могла оказаться и не студенткой вовсе, а обыкновенной проституткой:

– Мадам, не подскажите бедному страннику, как попасть на «Привоз»?!

– Что-то я раньше не слышала, чтобы на «Приво́зе» открыли благотворительный центр для бедных странников?! – хитро улыбнулась девица. – Вон до того перекрёстка, – она указала рукой на перекресток справа, – потом налево и через квартал – упрётесь.

– Рогом?!

Девица хихикнула:

– Если есть – можно и рогом.

– Берегите себя!

– Непременно, – пообещала таинственная незнакомка, – чао, мой бедный странник! – она послала легкомысленному повесе воздушный поцелуй, после чего губ не сомкнула, от чего ротик принял эротические очертания, дав тому повод определить для него несколько иное предназначение.

Местоимение, присовокуплённое к «бедному страннику», вероятно, ничего не значившее, взбудоражило сознание ветреного ловеласа. Он подался за девицей, но та юркнула в трамвай, вероятно, даже не осознавая, что убегает от своего счастья.

Жульдя-Бандя впервые в жизни ощутил себя обворованным, с той лишь разницей, что он не знал, что украли, и не ведал о размерах понесённых материальных убытков. Величину морального вреда, нанесённого аборигенкой, подсчитать было невозможно.

Вскоре вожденная вывеска «Привоз» игриво встретила его – весёлого и беззаботного, успевшего позабыть о лёгком ранении, нанесённом его самолюбию оставившей на произвол судьбы холодной бездушной аборигенкой.

Глава 18. Жульдя-Бандя на «Приво́зе» – главной достопримечательности Одессы!

– «При-воз», – прочитал по слогам ветреный повеса, почувствовав лёгкое волнение, поскольку знал, что на «Приво́зе» орудуют отъявленные искушённые одесситы, которым он, Жульдя-Бандя из Парижа (он на самом деле провёл детство, отрочество и юность в пригороде Армавира, именуемом Парижем), намерен был устроить интеллектуальную бойню.

«Привоз» – мечта поэта! – заключил философ-абстракционист, подразумевая, по-видимому, себя, хотя до нынешнего момента поэтический дар в нём находился в зачаточном состоянии. – Оплот остроумия. Противостояние классовых врагов – крестьян из предместий и коренных одесситов! Единственное место на земле, где эмбрион зародившейся мысли произрастает в одесский народный юмор».

Молодой человек пересёк заветную черту, где в чреве города за оградой укрылась интеллектуальная житница целой республики. Справа, за воротами, дородная, годов сорока женщина с пепельного цвета волосами торговала бочковым пивом.

«Я бы позволил ей надо мною надругаться», – утробно об-

надёжил её плотоядный дебютант «Привоза», хотя у последней пока такого желания не обнаруживалось.

– Пиво юбилейное?! – улыбаясь, как старой знакомой, вопрошал он.

– «Оболонь», – сухо ответила привыкшая к постоянному вниманию сильной половины продавщица, к тому же знакомого, а тем паче старого, она в нём не признала.

– Я имею в виду по возрасту.

– По возрасту? – пивная королева обозначила интерес к заезшему молодому человеку, поскольку его говор был совсем не одесского происхождения. – По возрасту? – переспросила она и, не дожидаясь подтверждения, удовлетворила его любопытство. – Старое, как моча мамонта, а тебе что, на нём жениться?!

Она засмеялась звонко и заразительно, как смеются не обременённые кредитами и жизненными проблемами оптимисты.

– Наливай! – он указательным пальцем прочертил сверху вниз воздух, подтверждая свою платёжеспособность.

Молодой человек, приняв бокал, отпил пару глотков, удостоверить в качестве:

– Приговор!

– Чево?! – королева пивной бочки вопросительно подняла глаза.

Жульдя-Бандя умилялся девственной простотой одессточки:

– Счёт!

– Так бы сразу и сказал, а то – «приговор», деловой. Три с полтиной.

– Сдачи не надо! – протягивая пятёрку, заявил он с такой гордостью, будто убогаторил четвёртной. – Щедрость моя не знает границ!

– Та боже ж мой, – женщина хитрым искристым взором обняла незнакомца.

Беседу оборвал бойкий старичок с отчаянно-красным носом, нахально вторгшийся в диалог, идиотским вопросом разрушив доброе начинание:

– Жоя, как пиво?!

– Пиво как пиво, – ответил вместо Зои Жульдя-Бандя, совершив очередной глоток.

– Алексеич, тебе как всегда?! – продавщица пытливо взглянула на старичка.

Тот утвердительно кивнул, пояснив:

– Кактель Молотова.

Зоя вынула из-под ящика, на котором сидела, початую бутылку «Зубровки», налила в мерный стакан 100 граммов, вылила в кружку, дополнив её пивом.

– Пиво без водки – деньги на ветер! – принимая кружку, сделал ошеломляющий вывод старик с таким горделивым видом, будто открыл способ термической ионизации атомов и молекул. Он прильнул к кружке и оторвался только тогда, когда на дне осталась только пена.

– В него здоровья, как у коня, – улыбаясь, пояснила королева пивной бочки, что, конечно же, польстило старику.

– Повторить! – вытирая с губ пену, приказал он, торжественно обещая: – Я ещё всех вас переживу! – он с усердием, постучал костяшками пальцев по груди, ощерив пасть, в которой в девственности остались только клыки и несколько задних зубов, отчего улыбка получилась какой-то мистической, как у одного из персонажей ужастиков Альфреда Хичкока.

– Зачем же так истязать себя жизнью? – вставил Жюльдя-Бандя, дабы утвердиться в качестве философа. – Что она тебе сделала хорошего?

Старик почесал сухими, как хворостина, пальцами за ухом: по всей вероятности, этот глупый вопрос ранее не посещал его мудрую голову.

– А и нищеву плахова, – как-то неубедительно прошипел он.

Он почесал и за другим ухом, как-то неуклюже вывернув губы: по-видимому, вернувшись в свою пресную безотрадную унылую действительность. Ему стало неудобно обманывать себя, и он торопливо прильнул к кружке.

– Жизнь – это пагубная привычка, летаргический сон смерти, которая явится без приглашения, чтобы поставить точку в твоём пустом никчёмном, преисполненном камнями житие. – Жюльдя-Бандя сделал внушительный глоток, отчего на верхней губе молодым месяцем отпечаталась пенка.

Королева пивной бочки, не скрывая интереса, бросала взгляд на рассказчика.

– Человек – одушевлённая пылинка на этой грешной земле. И, как это ни прискорбно, в ближайшем будущем о каждом из нас будут говорить в прошедшем времени. И, пожалуй, единственное, что индивид оставит в память о себе неблагодарным потомкам, – лаконичную биографию на надгробной плите.

Жульдя-Бандя отхлебнул из кружки пива, технической паузой давая слушателям переварить сказанное, чтобы утвердиться в качестве философа окончательно.

– Планета задыхается, она катастрофически перенаселена людьми, поэ...

Старик дерзко оборвал философские испражнения молодого выскочки:

– Проблема не в том, што планета перенащелена людьми, проблема в том, что она перенащелена дураками, – прошепелявил старик, с чем, пожалуй, трудно было бы не согласиться. Он победоносным взором окинул одного, на его взгляд, из их представителей.

Пивная королева засмеялась так заразительно, что лет пяти малыш в голубых шортиках, белой футболке и бескозырочке, выгуливающий молоденькую стройную мамашу, покрутил пальчиком у виска, отчего та захохотала ещё пуще.

Старик с молодым повесой присоединились, организовав весёлый тройственный союз. Святая троица, впрочем, тотчас

обратилась в квартет, поскольку к ней присоединилась высокая блондинка в джинсах «Монтана», выгуливающая себя сама.

Когда эмоции поутихли, Жюльдя-Бандя продолжил:

– Завершить своё земное путешествие нужно красиво. Я бы, например, совершил паломничество на святую землю и последний глоток воздуха сделал бы в водах Иордана.

– Идиёт! – старик, с тем чтобы закрепить сказанное, так же, как и малыш, покрутил указательным пальцем у виска, снова ощерив беззубую пасть. – В Ярдани и дурак потопнет. А вот ешели потопнуть в бочке ш пивом. Об тебе во всех гащетах пропишуть.

– Только не в моей, а то ещё и за меня пропишут, – продавщица растянула губы, отчего ее широкое лицо стало ещё шире.

Старик сделал внушительный глоток, крикнул от удовольствия, показывая, что жизнью вполне доволен.

– Слушай, папаша, – Жюльдя-Бандя по-отечески обнял старика за плечи. – Оупительный ты пацан. Я бы тебя с удовольствием угостил пивом, но у меня нынче проблемы с деньгами.

– Ш мошгами у тебя проблемы, – поставил собственный диагноз несколько перезревший мальчуган.

– Папаша, попрошу без грубостей! – попросил молодой человек. – Почему ты такой злой? Если бы ты не был таким злым, я бы тебя усыновил, – обнадёжил он старика, что,

впрочем, не вызвало восторга у последнего. – Береги печень, мой мальчик! – пожелал Жульдя-Бандя. – Глубокое вам мерси, – поблагодарил он королеву пивной бочки, передавая пустой бокал. – Я буду за вами торжественно скучать!

– Я тоже! – пообещала женщина, улыбкою провожая весёлого молодого человека.

Глава 19. Экскурсия по «Привозу» продолжается. Жульдя-Бандя в логове оголтелых привозян

Жульдя-Бандя решил продолжить изучение повадок привозян с крытой части рынка, на фасаде которого, под вывеской «Мясная лавка», было изображено в фас улыбающееся рыло кабана.

На прилавке с тушками домашней птицы – табличка с кратким воззванием: «Покупайте только у нас! В другом месте вас обманут ещё больше!»

К прилавку «пришвартовалась» парочка, способная у всякого вызвать улыбку: статная интеллигентная женщина и смуглый коренастый мужичок рядом с ней – в футболке и потёртых джинсах, походивший на портового грузчика.

– Почём гусь? – женщина ткнула тонким музыкальным пальчиком в жёлтую, откормленную на кукурузе тушку птицы.

– Это утка.

– Таки, утка или утак? – встрял мужичок, которому на это было глубоко наплевать, и на его весёлом лице прочитывалась потребность в общении.

Продавщица в белом халате, с ямками на розовых щеках, улыбнулась:

– А вам кого надо?

– У меня на утка рука не поднимется.

– Тогда утка.

– Почём утка? – сухо прервала женщина своего словоохотливого мужа. – По червонцу?!

– А зерно нынче недешёвое, – оправдывалась крестьянка, – полгода кормить и ухаживать нужно.

– Я свою Галю уже 20 лет откармлюю, – мужичок похлопал благоверную по бёдрышку, – гляди, какая справная.

Продавщица, рядом с ней и другая, торгующая кроликами, засмеялись, вызвав праведное любопытство у торгашей. Тушки кроликов были с лапками, скорее всего для скептиков, чтобы те не усомнились в том, что это не коты.

– Так, пошли отсюда! – интеллигентная женщина, посилив от злости, как медный купорос, отошла в сторонку, не желая, дабы над ней потешалась чернь...

Жульдя-Бандя, соблазняя продавцов, с видом заинтересованного покупателя разглядывал разделанные туши животных, развешанные на крюках, как в мистических триллерах.

– Дядько, бэрэм сало, – дородный парубок размахивал перед носом ломтем сала, толщиной своей наводившим на мысль, что оно не с кабана, а из гиппопотама. – Бачишь якэ гарнэ?!

– Телятина, телятина! – скандировал сосед с огромным тесаком в руках. Он лягнул кирзовым сапогом крутившуюся у его прилавка собаку. – Пошла отсюда, сука!

Собака, взвизгнув, умчалась, прихрамывая на заднюю лапу.

– Собака – друг человека! – напомнил, проходя мимо, Жульдя-Бандя.

– Корова – друг человека! – выразил несогласие друг бурёнки, умело развесивший на крюках останки своей подруги.

– Мущина, берём колбаску. Домашняя украинская, кровяная свино-говяжья. Пальчики оближешь! – заискивающим голосом пела годов тридцати молодуха, с озорной улыбкой и хитрыми чёрными бесовскими глазками.

Она для подтверждения провела языком по верхней губе, этим самым пробудив интерес потенциального покупателя вовсе не к колбаске с её очевидными достоинствами.

– А попробовать можно?!

– Один попробовал, – влезла торгующая огромными, как страусы, индюками, соседка с утвердившимися усиками, имевшая вовсе не платоническое любопытство. – Пришлось делать аборт.

– Зинка, отстань ты от человека, – черноглазая подала для пробы два блинчика: кровяной и украинской домашней колбаски.

Жульдя-Бандя предпочёл кровяную, вспомнив о том, что чукчи и эскимосы вкушают кровь убиенных животных, а эти дикие люди, живущие в гармонии с природой, определённо знают, что делают.

– Ну, так вы будете брать? Или мне забыть вас навсегда? – улыбалась продавщица вослед так и не состоявшемуся покупателю?!

– У меня холодильник умер: я бы взял. – Жульдя-Бандя моргнул ей, прочитав в чёрных бесовских глазках плотоядие...

Запах рыбы – неистовый и многообещающий, в котором превалировал дух копчёности, обозначил границу перехода из мясного павильона в рыбный.

– Рыба, рыба, рыба копчёная, рыба вяленая, вкусная – лучшая закуска под пиво. Цены ниже рыночных, – в разных тональностях зазывал покупателей невысокий коренастый мужичок с внушительным золотым крестом на волосатой груди, что несколько обескураживало покупателей. – Лещ, вобла, рыбец. Ветеранам Полтавской битвы и Бородинского сражения – стопроцентная скидка. – Шамайка, густера, тарань, азовские бычки с икрой...

– С чёрной? – проходя мимо его прилавка, спросил Жульдя-Бандя, под хитрую улыбку на устах пряча торжество интеллекта.

– С кабачковой, – нашёлся торгош и, после некоторой паузы, захохотал так заразительно, что сосед не смог воздержаться от комментария: «Дошло до жирафа на пятые сутки», – и захохотал пуще самого остряка.

Проходя мимо кафе с экзотическим восточным названием «Чайхана», улыбнулся, прочитав предупреждение на ли-

сте бумаги: «С попкорном и семечками – не заходить! И не спрашивать почему!»

У дверей на выходе из рыбного павильона его остановил интеллигентный, однако несколько подыстрёпанный гражданин в мятой мышинового цвета рубашке, с куполообразной клеткой в руках, в которой на деревянной жёрдочке метался встревоженный попугай.

Попугай, перемещаясь с одного конца перекладины на другой, беспрестанно кивал головой, периодически клоня её то в одну, то в другую сторону, отчего стороннему глазу могло показаться, что птица что-то доказывает своему хозяину, но тот категорически не внемлет аргументам пернатой твари.

– Мужчина, возьмите голубого попугайчика, – жалобным дрожащим голосом взывал великомученик. Не было сомнений в том, что он выкрал его из дома с целью опохмелиться.

– В каком смысле? – с серьёзным видом спросил молодой человек у не подозревающего подоплёки, отягощённого другими проблемами продавца.

– Как в каком? Из Африки, – подивился тот слабости ума потенциального покупателя.

– Я понимаю, что не из Якутии, по половому признаку? – ещё более серьёзно вопрошал Жульдя-Бандя.

– По половому признаку – холостяк, – нашёлся хозяин птицы.

– Нет, мне больше нравятся куры.

– Куры и дураку больше нравятся, но куры не умеют го-

ворить, – сделал сенсационное открытие генеральный акционер попугая.

– А твой, что – умеет говорить?!

– Ричи, скажи: «Тёща дура!»

Попугай брезгливо посмотрел на хозяина, щёлкнул клювом решётку клетки и степень своего презрения выразил обронённым из-под хвоста крохотным серым комочком.

– Жаль, тётчи нету, – искренне раздосадовался обладатель говорящей твари.

– К тому же у меня тётчи тоже пока нету, – потенциальный покупатель виновато развёл руками. – А птица может утратить способность человеческим голосом выражать свои мысли. Прощай, отважный укротитель попугаев! – Жульдя-Бандя дружески похлопал укротителя по плечу.

– Возьми хоть за червонец, – жалобно просил тот, снизив стоимость своего питомца до предельно низкой отметки. – Вместе с клеткой! – взывал укротитель, упав до цены пухо-перового сырья, которое возможно было бы выручить с попугая.

Обладая врождённым человеколюбием, молодой человек сунул в руку мученику пятёрку:

– Бери, купишь пива. А попугая продавать не спеши, – напоследок напутствовал он. – Наверняка, найдется благодарный зять, который с удовольствием подарит его любимой тётше на день рождения.

– Тёща дура! – вдруг огласил приговор попугай, даже не

подозревавший о своей гениальности.

– Устами птахи глаголет истина, – согласился с неопровержимыми доводами пернатой твари щедрый соотечественник. – Дети и попугаи врать не умеют.

Глава 20. Знакомство с ракторговцем. Лёгкий философский экспромт для пролетария

Молодой человек вышел на улицу, зажмурившись от яркого света, ниспосланного Вседержителем. Наш герой отправился дальше – познавать непознанные души привозян.

Глазу открылся пёстрый пейзаж сельскохозяйственной продукции.

– Карто-о-шка, отборная, домашняя, очень вкусная, разваристая, карто-о-шка, – монотонным лирическим баритоном, журчал, как поп на отпевании, кургузенький мужичок в фуражке, как у легендарного бабелевского Бени Крика.

– Перец, чили, острый, как сатира, злой, как тёща! Не проходите мимо! – взывал паренёк, выглядывая из-за пирамид с красным и зелёным перцем.

Овощной павильон соседствовал с молочным, в котором в эмалированных тазах и кастрюлях покоились белые, как снег творога, сыры, парадный строй жёлтых со страусиное яйцо кусков коровьего масла на подносах.

– Сыр, молоко, сливки, творог, масло! – скандировала пышная розовощёкая хохлушка.

– Молоко свежее? – миловидная интеллигентная старушка ткнула пальцем в трёхлитровую четверть с молоком. – Не

отравите?

– Я вас умоляю. Какой мне смысл вас травить, потому что вы больше не придёте?

У пивного киоска, разложив на деревянном ящике варёных раков, крестьянин, на лице которого сияла счастливая улыбка простого добродушного человека, настойчиво провозглашал:

– Раки... варёные раки. Налетай, подешевело – было рубль, стало два. Рубль кучка – два рубля штука. Коммунистам скидка!

– А почему скидка коммунистам? – выразил несогласие с доктриной ракоторговца Жульдя-Бандя.

– А потому что красные, – привёл контраргумент торгаш.

– А если бы раки были голубыми, то скидка была бы представителям сексуальных меньшинств?

– Коммунистам! – отстаивал первоначальную позицию пролетарий. – После их как сварить – всё равно покраснеют.

– Зато коммунистов, сколько ни вари – краснеть не станут! – выдвинул гипотезу молодой человек.

– А ты варил?! – крестьянин обозначил на лице вопрос, отчего брови, неестественно скруглившись, взъёжились, а на лбу организовались ломаные линии морщин.

– Варил! – явно соврал оппонент.

– Бреешь!..

– Трофим, дай червонец, – вмешался в диалог поколений вывалившийся из пивнушки гражданин переходного, с пре-

тензией на почтенный, возраста и жалобно протянул руку, готовую принять подаяние.

Ракоторговец, аккуратно поправляя каждый палец, сложил фигу и поднёс рукотворное сооружение к носу просящего. Эту фигуру пролетарии частенько используют в качестве лаконичной и убедительной замены отрицательно настроенной оппонентки частицы «на».

– Дай будет при коммунизме.

– Ну, займи! – мгновенно нашёл выход из положения тот и, не сдержавшись, хихикнул, пытаясь вспомнить, когда произошло грандиозное событие, связанное с отдачей долга.

Жульдя-Бандя не смог отказать себе в удовольствии внести свою лепту в столь щекотливый вопрос.

– У него, видимо, огромный опыт по возвращению кредитов.

– Не то слово, – согласился ракторговец, в совершенстве владеющий биографией просителя, и отобразил на лице улыбку, обильно орошённую язвой.

– Ну, займи хоть пятёрку! – страждущий готов был расстаться со слезой.

– На, только отстань! – добрый дядя протянул жаждущему пятирублёвку, отдавая себе отчёт в том, что тот будет клянчить до вечера.

На лице счастливого обладателя денежной единицы воссияла улыбка и неподдельная радость, отчего, на радостях, тот позволил себе шутить:

– Пятёрку будешь должен!

– Когда отдашь?! – вовсе на это не рассчитывая, на всякий случай, поинтересовался крестьянин.

– В понедельник! – искренне пообещал заёмщик и, удаляясь, с надеждой в голосе, прокричал. – Может, тебя за выходные трамвай задавит!

– Вот гадюка! – беззлобно пожурил кредитор, объяснив причину своей щедрости. – Свояк, будь он неладен!

– Когда даёшь займы, подумай, – возможно, лучше подарить и забыть, чем одолжить и всю жизнь помнить.

Ракоторговец, поджал верхнюю губу нижней, слегка склонив голову, как делает

всякий, в чём-либо усомнившийся:

– А ты, голуба, не наших краёв?!

– Я – не ваших краёв?! – обвиняемый принял позу честного педераста, коему вменялась интимная связь с женщиной. – Повтори это ещё раз, только с выражением, и здесь будет море крови и горы трупов!

Ракоторговец хихикнул.

– Рано радуешься! – Жульдя-Бандя сделал лицо, на котором можно было ставить штамп с грифом «особо секретно». – Грядёт великая афера тысячелетия. – Всё, что раньше принадлежало народу, – заводы, фабрики, рудники – будет принадлежать его отдельным представителям. Естественно – лицам, приближенным к императору. Это, как говорил великий комбинатор – Остап Ибрагимович Бендер, один из че-

тырёхсот способов честного отъёма денег у граждан.

Ракоторговец, как всякий уважающий себя одессит, прожывающий, впрочем, в 20 верстах и трепетно относящийся к памяти «рождённого», по их мнению, в Одессе Остапа Бендера, восхищённо посмотрел на незнакомца:

– А людя́м что?

Жульдя-Бандя улыбнулся, впервые услышав, чтобы людей «ударяли» на второй слог.

– А людя́м, – он также сделал ударение на второй слог, – навоз и землю.

Незнакомец, кашлянув в кулак, удовлетворённо кивнул, поскольку ему именно это и нужно было. Рассчитывать на завод у него не хватало воображения, разве что на маслобойню...

– Там, наверху, – рассказчик вознёс указательный палец, устремив глаза во Вселенную, отчего было не очень понятно где: то ли у Вседержителя, то ли у обустроившегося за океаном генерального секретаря масонов, в чём, откровенно говоря, особой разницы не было, – решено перенести Иерусалим в Одессу.

Доверчивый крестьянин, цокнув языком, покрутил головой: он, без сомнения, поверил бы и тому, что Иерусалим решено перенести на Луну.

– Их главный ребе – Лазарь 17-й вместе со своими 13-ю апостолами, шамбалою и сионскими протоколами – это их путеводитель, – он отобразил на лице высшую степень сек-

ретности, – уже переехали в новый штаб на Малую Арнаутскую. Евреи, слава богу, наскитались. Ты пробовал когда-нибудь скитаться две тысячи лет?

Собеседник чистосердечно покрутил головой, стал чухать репаными крестьянскими пальцами скулу, будто силясь о чём-то вспомнить:

– А Стена Плача?! – вспомнив, задал он вполне резонный вопрос.

– Стену Плача решено оставить палестинским арабам. Пусть плачут себе на здоровье, – лицо незнакомца по-прежнему источало гриф секретности, но уже средней степени, поскольку главный секрет таковым уже не являлся. – Евреи своё отплакали. Теперь настала очередь поплакать другим. Евреи оставляют пропитанный скорбью и печалью монотонных нескончаемых псалмов и копотью лампад священный Иерусалим.

Жульдя-Бандя поразился, что так легко и непринуждённо «родил» столь мощную тираду. Он заподозрил в этом ауру, витающую над «Привозом» и над ним, в частности, и под воздействием этой самой ауры поспешил закончить мысль, дабы та не передислоцировалась в какое-нибудь другое место.

– Евреям с их праздничной конституцией, далёкой от меланхолических настроений, ни к чему столько грусти и показного послушания.

Ракоторговец, с трудом переваривший треть мощной ти-

рады незнакомца, удивлённо покрутил головой:

– Ты откель такой вумный?!

– Из Соединённых Штатов Армении.

– Поди, врёшь?

– Шоб я сдох!

Крестьянин подарил единове́рцу самого большого рака, коего тот тут же съел.

Прощаясь, Жульдя-Бандя пожал ему руку:

– Спасибо! Родина тебя не забудет... но и не вспомнит!

– А ну-ка, погодь, – ракоторговец остановил его, приглашая сесть рядом на ящик, явно не из праздного любопытства. – Вот ты немножко умный человек...

– Я немножко очень умный... – охотно согласился парижанин.

– И щебечешь красиво. Ты по религии – христьянин?..

– Христьянин.

– И я христьянин, но дороги в церкву не помню. Не знаю, хороший ты человек или такой, как все...

– Конечно, хороший! – Жульдя-Бандя аж привстал с ящика, в попытке это каким-то образом материализовать. Что и произошло. – Иной раз смотрю на себя в зеркало и не налюбуюсь: «Какой же ты все-таки замечательный парнище»...

– Вот ответь мне, добрый человек, на один вопрос... – торгош сделал паузу, поскрёб клешнёй за ухом. – Ответишь – все раки твои!

– Можешь завернуть!

– Не-ет, ты погоду, погоду. Не гони, так сказать, лошадей! – мужик пожурил натруженным порепанным крючкова-
тым пальцем. – По нашей религии кто самый главный?..

– Иисус Христос...

– Вот! – крестьянин придал указательному пальцу верти-
кальное положение. – А

отчего ж мы говорим: «Слава Богу»! Восхваляем не Хри-
ста, а Бога...

– Та-ак. Это вопрос серьёзный. Тебя как зовут?

– Мыкола.

– Меня Вовик. Мыкола, дуй за пивом. Эта дискуссия, как
минимум, на полчаса, а то и вовсе на час.

Вскоре ракоторговец вернулся – по паре бокалов пива в
каждой руке. Он провёл мастер-класс по очистке раков, при-
готовившись слушать.

– Так вот, – Жульдя-Бандя стал серьёзным соотноситель-
но поднятой темы. Он сделал внушительный глоток пива
перед тем, как начать. – В мире три основных религии: ис-
лам, буддизм и христианство, плюс мелкие, например, такие
как юдаизм, индуизм. Исламисты поклоняются Аллаху, буд-
дисты – Будде, христиане – Иисусу Христу, иудеи, евреи по-
клоняются Яхве.

Мыкола кивнул, соглашаясь с нехитрыми доводами рас-
сказчика.

– Мораль евреев начинается и заканчивается деньгами, –
собеседник глотнул пива, закусывая очищенным хвостиком

рака, чем, слушая, занимался Мыкола. – Именно за это их, мягко говоря, не любят: христиане, мусульмане и буддисты, а возможно, даже и адвентисты седьмого дня. Один древнегреческий мыслитель сказал: «Все нации по-своему недолюбливают друг друга и все вместе ненавидят евреев (ремейк, М. Твен)».

Мыкола, я тебе как брату скажу, им просто завидуют. Простая человеческая зависть. У тебя есть раки, а у евреев есть деньги. Они купят твоих раков вместе с тобой. Вина евреев только в том, что они умеют делать деньги, а ты умеешь их только тратить.

Собеседник тяжело вздохнул, кивая головой, поскольку лучше тратить деньги получалось у его бабы: то абажур на лампочку ей подай, то стулья вместо табуреток, то клеёнку на стол, то пальто новое, хотя в этом и четырёх зим не отходила...

– Я приведу тебе пример. Я дарю тебе миллион. – Жульдя-Бандя придвинул к собеседнику рака, который, откровенно говоря, до миллиона несколько не дотягивал. – Что ты с ним будешь делать?

Тот, несколько не обрадовавшись столь щедрому подарку, неопределённо пожав плечами, стал чухать клешнями ладошку:

– Ну... куплю машину. – Он сгорнул на сторону губы, сощутив левый глаз, поскрёб подбородок, сияясь эффективно потратить деньги. – Дом в Евпатории. Ка..нет – яхту, – рети-

ровался миллионер, посчитав, что яхта на синей глади моря будет смотреться симпатичнее катера. – Шубу бабе... эту...

– Норковую, – порекомендовал собеседник.

Мужик утвердительно кивнул и, покушаясь купить что-нибудь ещё, открыл для этой цели рот.

Жульдя-Бандя обозначил руками, что, пожалуй, для начала хватит и этого.

– А еврей купит заправку, которую будет кормить Мыколына машина, должность директора городского кладбища, куда впоследствии его и отнесут...

Ракоторговец хихикнул.

– А может, он купит «Привоз», – рассказчик воздвиг палец, – и лёгкий дождичек ассигнаций будет пополнять его финансовое озеро... Через год же твой сын, по пьяни, разобьёт машину. Дочка с друзьями, накурившись гашиша, посадит на риф и утопит яхту. Завистливые соседи сожгут твой дом в Евпатории. Моль сожрёт шубу... и ты как был бедным, так и останешься. Выходит, что я напрасно подарил тебе миллион. Ты его торжественно просрал. – Жульдя-Бандя вернул рака обратно.

Мужик улыбался, слушая убедительные доводы рассказчика.

– Евреи пережили ассирийскую, египетскую, римскую, византийскую, христианскую цивилизации, – рассказчик отхлебнул пива, напустив на себя философской мудрости. – Для тех, кто выражает к ним свои чувства открыто, евреи,

управляющие христианами, мусульманами и буддистами, вместе взятыми, придумали закон об антисемитизме, по которому тебе дано право выражать свои чувства только утробно, в глубине души. Человечество с удовольствием ненавидит евреев...

Мыкола утвердительно кивнул, хотя ненависти к евреям никогда не испытывал, разве что – к проклятым янкам.

– ...Спрашивается – за что?! Подойдём к этому вопросу философски. Еврей – это высокоразвитое, самодостаточное, высокоорганизованное существо! – Жюльдя-Бандя воскресил указующий перст. Отхлебнул пива, сим же перстом, при содействии большого, закинул в рот раковую шейку. – С научной точки зрения, человек – это животное. Незыблемый закон животного мира – выживает сильнейший. Вот евреи и выживают, как могут. Да, человек – существо разумное, высокоразвитое, но это всё инсинуации. Человек сам себя обозвал разумным и тешится собственными выводами. А чем глупее таракан?..

Мыкола хихикнул от столь экзотического сравнения.

– Гомо сапиенс – человек разумный, – перевёл на бытовой язык рассказчик. – И этот самый разумный человек для своего собственного уничтожения изобрёл водородную бомбу. Где логика? – философ развёл руками. – Её нет. Недалеко то время, когда водородная бомба уничтожит тех, кто её изобрёл. Человека не будет, а таракан останется. Кто умнее?!

Мыкола, вытянув губы, почухал клешней затылок, кивая,

подтвердил:

– Логично!

– Но это небольшая, так сказать, ремарка, то есть отступление, – Жульдя-Бандя отхлебнул из кружки, тыльной стороной ладони стерев с губ пену. – Верховным главнокомандующим над всеми религиями является Бог! Бог – это генеральный секретарь, генералиссимус. Командующими, образно выражаясь, фронтами, являются – Аллах, Иисус Христос, Будда, Яхве и прочие. Их замы – пророки, апостолы – посредники между Богом и людьми, проще говоря, замполиты. У Иисуса, предположим, Моисей, у Аллаха – Мухаммед, у Будды – я...

Ракоторговец, соглашаясь, кивнул:

– Тут мне вроде бы немного понятно. Но я не врублюсь, был ли Христос на самом деле или же не был?!

– Конечно, был! Две тысячи лет назад! – с такой уверенностью заявил собеседник, будто Иисус был ему одноклассником.

– А как насчёт непорочного зачатия?! – Мыкола стукнул своим натруженным крестьянским кулаком по краю стола, коим был перевёрнутый вверх дном ящик. – Мы все – от порочного, а Христос от непорочного. Такое рази может быть?!

Жульдя-Бандя кивнул:

– С этим вполне согласен, возможно, пророки с апостолами здесь слегка переусердствовали.

– И самое для меня непонятное, – ракторговец отхлебнул

пива, отстранив кружку на край ящика. – Христос был кто?!

– Как это кто?!

– Ну, по национальности!

Молодой человек с ужасом обнаружил, что такой простой, на первый взгляд, вопрос поставил его в тупик. Он пожал плечами, пытаясь анализировать:

– Нанайцем он быть мог? Не мог, – он загнул мизинец, исключая тем самым Иисуса Христа из списка коренных народов севера. – Татаринком, я думаю, тоже. Больше вероятности быть татарами у нас, нежели чем у него, хотя мы и мним себя русскими, – философ загнул безымянный палец. – Наверняка, он не был и узбеком, – средний палец составил компанию мизинцу и безымянному.

Мыкола, улыбнувшись, кивнул, соглашаясь с аргументами собеседника.

– Поскольку Палестина во времена доисторического материализма была заселена евреями и арабами, а на араба он похож так же, как я на эскимоса, то, вероятнее всего, Иисус Христос был евреем...

– Вот, – оживился Мыкола, – я об том же! Из этого вытекает, что мы – славяне, поклоняемся иудейскому царю! – он, угрожающе вознёс указующий перст. – Мы – славяне, – он с усердием постучал себя по груди, – не могли выбрать себе миссию посреди своих?!

– Мессию, – поправил Жульдя-Бандя, контратакуя. – А шо он тебе плохого сделал?! Мы и щас можем выбрать. Кто

нам запретит?!

– А каво? Вот в чём вопрос!

– Меня, конечно! Я – опупительный пацан. За базар отвечаю...

Ракоторговец усмехнулся:

– А как насчёт страданий?! И этава... распятия на кресте.

– Распятия?! – претендент на должность мессии если и был готов страдать, то расставаться с жизнью – не очень. – Нэ-э-эт. Я травка кушай!

– А я раков кушай!

Крестьянин закинул в рот раковую шейку, запивая плоть членистоногого пивом. Жульдя-Бандя же, наоборот: сделал несколько внушительных глотков, а уж потом шейку, с тем, чтобы обонять запах раков, коих он любил больше, нежели они его.

– Едет аксакал на ишаке, – Жульдя-Бандя взял в руки мнимые поводья, сотрясая телом так, будто тот едет не по дороге, а по стиральной доске, – догоняет молоденькую симпатичную туркменочку. «Слуший, девищка, давай вместе едем – дорога дальний – ближний кажется». Согласилась туркменочка. Едут-едут, беседуют. «Слуший, девищка, – предлагает аксакал, – давай немношко отдыхай, чай пей, ишак травка куший, мы дело делай». Согласилась девушка. Отдохнули, дело сделали. Едут дальше. Снова аксакал предлагает: «Слуший, девищка, давай немношко отдыхай, чай пей, ишак травка куший – мы дело делай». Отдохнули, сделали дело –

едут дальше. Едут, едут, едут, едут – молчит аксакал. «Слуший, аксакал, – обращается красавица к старику, – давай немножко отдохай, чай пей, ишак травка куший – мы дело делай!» – «Нэ-э-эт, – отвечает аксакал, – я травка куший ишак дело делай!»

Ракоторговец заржал жеребцом, вытирая клешнями нахлынувшие слёзы.

– Мыкола, знаешь, что я тебе скажу, – прощаясь, напутствовал друга Жюльдя-Бандя, пожимая огромную костистую руку. – Крепись!

Ракоторговец пообещал крепиться, однако под натиском информации, захлестнувшей наивную пролетарскую душу, сделал рукою знак остановиться:

– Слухай, Вовик, это, как его, ну... вот хочу ещё спросить... у нас шас... – Мыкола от волнения стал чухать неухоженными грязными ногтями подбородок. – У нас шас это, демократия или как?..

Жюльдя-Бандя хитро улыбнулся:

– Это где же ты, злодей, набрался таких идей (Л. Филатов)? У нас сейчас демонократия. Демократии никогда не было, нет и не будет. Впрочем, вру. Во времена своей политической девственности в Древнем Риме демократия всё же имела место быть. Судью, принявшего неправомерное решение, если находили в нём признаки корысти, – рассказчик почиркал большим пальцем о средний и указательный, – наказывали так же, как и невинно осужденного. Вплоть до

смертной казни, если был казнён невиновный. Сегодня это возможно?! В худшем случае коррумпированного судью отправят в отставку.

Собеседник кивнул, соглашаясь.

– Нынешняя демократия – это ворона в перьях политического лицемерия прикидывающаяся голубкой! Это демоны, под паранджой ангельского смирения, чистоты и политической невинности танцующие свои сатанинские пляски. Демократия – это сказка для идиотов. Запомни! Ни в какие времена и ни при каком политическом строе бараны не смогут пасти волков!

Оратор грозно потикал пальцем, усугубляя величину сказанного. При этом лицо нового знакомого покрылось оттенком торжественной монументальности, что привело рако-торговца в какой-то необъяснимый трепет.

– Стадо – было, есть и останется стадом. Холопов, которых всемилостивейше стали называть народом, а во время предвыборной страды – электоратом, убедили в том, что они живут в демократическом обществе. Ты в это веришь?

Мыкола неопределённо пожал плечами, поскольку он верил во всё, о чём говорят по телевизору, и не верил только своей бабе – Фросе. Та постоянно брехала. Туфли сносились, нужно куплять новые (а туфлям нету и трёх лет), колготки драные (как будто в хате нету иголок и ниток), лампочки ей подавай стоваттные – ни хрена не видно (раньше при свечах жили и не плакались)...

– Как сказал один австрийский князь, – продолжал Жульдя-Бандя: «Человек начинается только с барона (А. Виндишгрец)», по-нашему – с барина, а по-современному – с чиновника. Ты, Мыкола, веришь в то, что ты человек, хотя тебя и обзывают человеком?

Слушатель покрутил головой, хотя в меньшей степени неопределённости. Откровенно сказать, об этом он никогда не задумывался. Да и ковырясь в навозе или с мотыгой в руках, такие высокие мысли никогда не посещали его звенящую пустотой крестьянскую голову.

Он улыбнулся, вспомнив, как его стройная, как лань, Фросенька била копытцем, заставляя его, жениха, надеть галстук на свадьбе. Как он противился, упирался бычком, заявляя: «Мне перед людьми неудобно. Как шут гороховый». Нынче эта старая кобыла бьёт копытом, будто боярыня, высекая брызги ненависти.

– Основным постулатом демократии является свобода слова и свобода собрания – право открыто выражать своё недоверие к власти. У тебя есть такое право?

Мыкола покрутил головой, потому что не имел вообще никаких прав. Все права были у узурпаторши Фроси.

– Как сказал Карл Маркс: «Право – это возведённая в закон воля господствующего класса», – Жульдя-Бандя, дабы подчеркнуть сказанное, воздвиг указательный палец, хитро улыбнулся; улыбнулся и собеседник, сознавая, что дальше будет нечто весёленькое. – Встречаются американец и рус-

ский. Американец: «У нас в Соединённых Штатах истинная демократия, любой может выйти к Капитолийскому холму и кричать: «Рейган дурак!», и ему за это ничего не будет». Русский: «У нас тоже демократия, любой может выйти на Красную площадь и кричать: «Рейган дурак!», и ему тоже за это ничего не будет».

Мыкола засмеялся искренне и откровенно, сверкая пожелтевшими от никотина зубами.

– Короче, Коля, – как-то официально и непривычно обозвал ракторговца молодой человек, по-товарищески приобняв за плечи. – Иди домой и ставь заупокойные по безвременно ушедшей Демократии. И не забудь сходить в церковь, заказать молебен во царствие небесное упокоившейся в политических интригах Демократии.

Мыкола понял это буквально и с пролетарской наивностью вопросительным взором обнял Вовика:

– Чё, серьёзно?

– Шучу. Демократию уже давным-давно похоронили и отпели, пусть земля ей будет пухом.

– Шо, в землю заховали?

– В историю.

– Ну, будь здоров, – ракторговец пожал руку молодого человека окончательно, недоумевая, как возможно закопать в историю вообще что-либо.

– И на посошок, – Жюльдя-Бандя вдруг сделался серьёзным, как тёща пред тем, как впервые объявить зятю о том,

что тот мерзавец. – Мы сегодня являемся свидетелями ритуального убийства социализма, прародителями которого были Томас Мор, Сен-Симон, Герцен, литературный пролетарий Белинский, который отправился к прародителям в грудничковом творческом возрасте – 37 годиков, и немногие другие. В политическом предбаннике в томительном ожидании грустит неокapитализм, проще говоря, недоразвитый капитализм, доктриной которого будут деньги, деньги ради денег, деньги во имя денег.

Жульдя-Бандя определил в рот раковую шейку и, жуя, продолжал:

– Если всё это привести к всеобщему знаменателю – от развитого социализма к недоразвитому капитализму.

Мыкола кивнул, выказывая полное согласие с доктриной молодого человека.

– Капитализм сожрёт последние остатки добродетели, которая, до недавнего времени, стояла по разные стороны баррикад с пороком. Сегодня мы часто свидетельствуем, когда добродетель, опускаясь с пьедестала гуманизма, трепещется в объятиях порока, не имея ни сил, ни желания противостоять демонам страстей и первобытным инстинктам. Фирштейн?..

Глава 21. Ветреный посетитель заканчивает паломничество на «Привоз»

Отягощенный пивом мочевой пузырь философа стал проявлять первые признаки беспокойства. Проходя по овощному ряду, на ящике с клубникой прочитал уведомление, начертанное красным карандашом на огрызке картона: «Буду, когда приду! Без меня не жрать и не пробовать!»

Жульдя-Бандя улыбнулся:

«И не спрашивать – почему!»

У торгующей цитрусом молоденькой, со вздёрнутым озорным носиком аборигеночки наш герой остановился, виновато вопрошая:

– Девушка, а вы не подскажете, где здесь туалет... типа сортир?!

Та хихикнула, указав рукою в восточный край ряда:

– Вон там, сразу за «стекляшкой», – голосок её звенел, как потревоженный хрусталь.

– Глубокое вам мерси.

Женщина кивнула, светлой христианской улыбкой обняв приятной наружности молодого человека. Потом, будто о чём-то вспомнив, «бросила» вдогонку:

– Туалет платный!

Жульдя-Бандя обозначил на лице оттенок мудрости, что крайне сложно сочетается с молодостью:

– Бесплатен воздух, – он артистично вознёс руку с указательным пальцем наголо, категорично тикая им, – но права дышать никто не может даром получать (Д. Байрон)! – с этим торжественно и гордо, будто направляется не в туалет типа сортир, а в кремлёвские палаты, двинулся в общественную уборную.

– Купите зонтик, мужчина, смотрите какой изящный! – продавщица для затравки раскрыла чёрный классический зонт и крутнула перед носом потенциального покупателя, отягощённого другими проблемами. – Купите – не пожалеете. Вам очень к лицу!

– Подлецу всё к лицу! – констатировала женская голова, выглядывающая из-под разделяющей прилавки брезентовой ширмы.

Жульдя-Бандя улыбнулся, вспомнив кроткого и покорного толстячка – обладателя десяти пар красных пролетарских трусов.

В туалете было душно, и стоял устойчивый запах аммиака. Впрочем, свежая надпись чёрным фломастером на кафельной плитке перегородки окончательно развеселила нашего героя: «На стенках гадости писать традиция не нова, но согласись, еб...на мать, что только здесь свобода слова».

Жульдя-Бандя, вполне удовлетворённый экскурсией по «Привозу», направился к выходу. Поравнявшись с ларьком с

хлебобулочными изделиями, не смог пройти мимо, не затронув кучерявую розовощёкую, с пухленькими детскими губами аборигенку.

– Белый булька, дать, – он решил побыть немного иностранцем, коих в Одессе как собак нерезаных, к тому же его внушительных размеров дипломат из крокодиловой кожи вполне этому способствовал.

Продавщица ничего не поняла, кроме слова «дать». Вино вато улыбаясь, перекинулась через прилавок, обратившись к торгующей пирожками соседке:

– Нюрка, шо ему надо – какую-то бульку?

– Бе-лий буль-ка, – членораздельно повторил иностранец, вопрошая: – Твоя моя не понимай?!

Та покрутила головой:

– Не понимай.

– Хлеба ему нужно белого! – с гордостью, будто перевела с китайского, пояснила соседка.

– Он за хлеб ничего не говорил, – как школьница, стала оправдываться продавщица, – бульку, твою мать, ему подай!

– Та он же ж нерусский, – в свою очередь, стала оправдывать иностранца соседка.

– Нерусский – жопа узкий, – в сердцах буркнула кучерявая, подавая иноземцу булку белого пахучего хлеба.

– Жьёпа, жьёпа, – иностранец стал тыкать пальцем в правую ягодицу, – моя понимай!

– Ещё б не понимай! У них каждый второй – голубой! –

соседка захохотала так искренне, что торгаши тотчас устремили взоры на возмутительницу спокойствия.

– Ноу, ноу, – отказавшись принимать хлеб, крутил головой иностранец. – Литл, литл, – ма-ленкий... бульёчка, – он, соединив указательный и большой пальцы обеих рук, обозначил требуемый размер хлебобулочного изделия, ткнув затем в то место, где на прилавке покоилась нужная сдоба.

– Ох, чёрт нерусский, – подавая с коричневой спинкой булочку, констатировала розовощёкая. – Так бы сразу и сказал – «булочка».

– Ес, ес, – принимая сдобу, удовлетворённо, кивнул «чёрт нерусский», человеческим голосом промолвив: – Сколько с меня?!

– Разыграл, чертяка! – розовощёкая захохотала вместе с соседкой, и смех провожал иностранца до самых ворот.

– И так будет с каждым! – пригрозил всем, даже самым отъявленным одесситам Жульдя-Бандя, покидая пенаты гостеприимного «Привоза».

Глава 22. Пьяный продавец попугая устраивает фурор в маршрутном автобусе

Побродяжничав пару часов по утопающему в зелени городу, наш герой оказался на улице Пушкинской – напротив гостиницы «Красная», название которой, наверняка, осталось в наследство от большевиков. Досужие и прожжённые одеситы прозвали её «Червонцем».

Неподалёку от филармонии отобедал в кафе на деньги, оставшиеся от триумфального спектакля на пляже «Аркадия».

Не выбирая маршрута, сел в первый попавшийся автобус. Жюльдя-Бандя с детства завидовал горожанам, которые могли кататься в автобусах с утра до вечера, не в силах понять того, что большинству из счастливчиков такие поездки уже порядком осточертели.

Вскоре выяснилось, что какой-то озорник перевернул табличку рядом с задней дверью, тем самым пустив автобус одновременно по двум маршрутам. В связи с этим в общественном транспорте началась неразбериха.

Третьей судёй водитель назначил себя: восстановив статус-кво, он категорично заявил, что автобус будет двигаться по маршруту, обозначенному на «лбу».

Опростоволосившиеся пассажиры покидали автобус, вспоминая его ни в чём не повинную родительницу.

– Дураки, – злорадствовал мужичок с квадратной картонной коробкой в руках, пряча под усами ехидную улыбку.

– А ты умный! – бросила дородная баба; расставаясь с последней ступенькой, повернула в его сторону голову. – Умные на машинах ездют, а не на автобусах.

– А я, может, конспирируюсь, шоб никто не узнал, что я мильёнэр, – обладатель коробки стукнул себя в грудь, чтобы никто не попутал его с простым обывателем. От собственной шутки он захохотал каким-то своеобразным гигаикающим смехом, что наводило на мысль о его вменяемости...

...Полупустой автобус вдохнул в себя очередную порцию пассажиров. В отличие от гремящего и скрипящего, как старая телега, трамвая, шины бесшумно и неприхотливо пожирали дорогу.

Тут в проём задней двери ввалился торговец пернатой твари на «Привоze». Он был пьян. Отсутствие клетки и, собственно, попугая указывало на то, что товарно-денежный обмен прошёл успешно.

Жульдя-Бандя порывался окликнуть старого знакомого, но степень опьянения последнего не позволяла надеяться на то, что тот его вспомнит. Впрочем, если бы это и произошло – возникало сомнение, что он способен на членораздельную речь. Торговец попугая, обеими руками схватившись за стойку, покачивался из стороны в сторону, недви-

жимым мутным стеклянным взором уставившись в заднее стекло.

Две старухи рядом, держась за поручни, вели свои старушечьи беседы о разлагающемся обществе, развратной молодёжи, пустых никчемных глупых зажавшихся правителях. Появление в будний день пьяного пассажира в какой-то мере подтверждало это, и пожилые дамы, соотнеся его к разделу о «разлагающемся обществе», принялись дискутировать на тему прямого влияния алкоголя на разрушение семьи и семейных ценностей.

Впрочем, у того семьи могло и не быть, но он, наверняка, пил с теми, у кого она была, и, хоть и косвенно, вносил свою лепту в разрушение этих самых семейных ценностей. Старухи стали ненавязчиво переходить на личности, поскольку «жалить» реального разлагателя, заметим, уже вполне разложенного общества сподручнее, чем виртуального. Они стали попеременно, но как-то невзначай, между прочим, покусывать нетрезвого гражданина.

– Понедельник, а он пьяный, – заметила седая высокая, в оранжевом выцветшем сарафане, величиною тональности, способствующей быть услышанной ближайшими пассажирами.

Собеседница в соломенной шляпке, с бакенбардами до самых скул, согласительно кивнула и, пожалуй, громче, чем требовалось, подтвердила: «Как зюзик». Она не знала значения этого слова, однако оно было общеупотребительным для

усиления степени опьянения.

– А дома, поди, отца ждут...

– С работы, – предположила пожилая дама в шляпке.

– Дети.

– Бедные дети, – старуха с бакенбардами отправила сочувственный взгляд в общественность, поскольку сочувствовать коллективно куда приятнее, чем в одиночестве. На глазах образовалась стеклянная наволочь, и она обняла пассажиров чистым светлым христианским взглядом повторно.

Торговец попугая краешком сознания понимал, что наносит непоправимый вред обществу. Он виновато захлопнул створки глаз, хотя не исключено, что у него были более приземлённые мотивы. Вероятно, ему просто хотелось спать.

– А жена? Накорми, обстирай, уложи спать...

– Бедная женщина, – вторила пожилая дама в шляпке, в очередной раз отправившись за поддержкой к соотечественникам.

Старухи, сознавая, что для борьбы с этим общественным пороком одного сочувствия недостаточно, перешли в решительное наступление.

Высокая седая отобразила на лице окончательно-неприимимый оттенок, в котором читалось – «Пьянству – бой!»

– И вот такая пьяная рожа ввалится в дом...

– Да ещё начнёт руки распускать! – женщина с бакенбардами отправила во внутренность «Икаруса» теперь уже ультимативно-категоричный взгляд, наполненный фразой: «Враг

не пройдёт!»

Пассажир, нитью поверженного алкоголем сознания понимая, что старые ведьмы топчут его биографию, повернув голову, накинул на них покрывало презрительного пренебрежения.

Седая, в оранжевом выцветшем сарафане, принялась насыщать предстоящие события интимными подробностями:

– И жену будет бить, сволочь!. Или старуху-мать.

Дама в соломенной шляпке посчитала, что избитых старухи-матери и жены для сюжета недостаточно и не вызовет должного презрения пассажиров. Лицо её покрылось кошенилевыми брызгами ненависти, вспыхнувшими на старческих бледных щеках.

– И детей станет бить, детей, скотина! – истерично завизжала она с таким откровенным презрением, будто как минимум одного из них он уже начал избивать.

Старухи, выговорившись, замолкли. Хотя, вероятнее всего, они взяли тайм-аут для того, чтобы продолжить сюжетную линию, насыщая её отягощающими вину подробностями.

Пьяный гражданин с усилием поднял голову. Натруженно повернул в сторону старух. Взглядом, полным ненависти, обнял одну, затем вторую:

– Шоб вы всрались! – громко, на весь автобус протрубил он.

На мгновение зловещая тишина окутала утробу кроткой

единицы общественного транспорта. Стал слышен грохот протекторов. В следующую секунду взрыв хохота, обрушившись на ни в чём не повинный «Икарус», разорвал святую девственность механического курятника.

На остановке пожилые дамы торопливо выпорхнули из автобуса, растворившись в человеческом ассорти. Люди «выползали» из общественного транспорта со слезами на глазах, оберегая руками животы от разрыва, чем искренне удивляли входящих пассажиров. Те недоумённо улыбались, теряясь в догадках о причине всеобщего безумства....

Глава 23. В гостях у симпатичной лоточницы

...Вечерело. Жульдя-Бандя, вдоволь напутешествовавшись по городу, достал из дипломата «занесённый с Востока листик».

– Суворова 13/29, – прочитал он. – Придётся нанести визит вежливости.

На поиски адресата ушло около часа. Кнопка звонка безмятежно молчала, подтверждая слова Виолетты о том, что она живет одна. Гость с усердием постучал костяшкой согбенного указательного пальца по деревянной спине двери. Кто-то включил в прихожей свет, что отразилось любопытным жёлтым огоньком в глазке, который тотчас потух, заслонённый оком хозяйки.

– Кто?!

– Стучится сильно так?! Это я, Иван-дурак (П. Ершов), – весело и жизнерадостно отреагировал пришелец на знакомый голос.

– Бортник-Коновалов!?

– Совершенно верно. Он самый, в собственном, так сказать, соку, – подтвердил молодой человек, сгорая от нетерпения поскорее проникнуть вовнутрь.

Минутная пауза за дверью стала наводить на мысль о том, что в предстоящую ночь, вероятнее всего, придётся подтвер-

дить статус профессионального скитальца.

– Что же ты, моя старушка, приумолкла у дверей (А. Пушкин)?! – нервно вопрошал гость, не исключая того, что Виолетта могла быть не одна и предстоящую ночь придётся провести в гостинице.

В это же время дверь распахнулась, и в проёме показалась улыбающаяся «старушка», встретившая его как старого знакомого.

– Привет! Как дела?!

– С каждым днём всё лучше!

– Как здоровье?

– Вскрытие покажет.

Виолетта хихикнула, впуская молодого человека:

– Проходи, – проводила гостя в зал.

Жульдя-Бандя присвистнул, взирая на длинный, во всю стену книжный шкаф.

– Не свисти – денег не будет.

– Их не будет в любом случае. Ого! Великие и забытые – Александр Иванович Эртель – «Гарденины». Иван Сергеевич Шмелёв – «Гражданин Уклеikin». Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Джакомо Джироламо Казанова – «История моей жизни».

Виолетта, не скрывая удивления, посмотрела на гостя, поскольку он называл имена писателей, хотя его взору были доступны лишь инициалы, а на книге – «Казанова» отсутствовали и они.

– Нет лучшего слуги в мире, чем россиянин, – по-видимому, цитируя именно Казанову, продолжал удивлять гость. – Неутомим в работе, не перечит, коли провинится, никогда не украдёт, но он дуреет, выпив стакан крепкого зелья, и этот порок присущ всей нации.

Цитата произвела впечатление, хотя и была значительно короче оригинала.

– Шурик Дюма, Джек Лондон, Агата Кристи, Уголовный кодекс РСФСР, – гость изъясил из книгохранилища невзрачное издание морковного цвета в мягком переплёте:

– Никогда не было, нет и не будет более цитируемого бестселлера, чем уголовное право, – он устремил взор на хозяйку, дабы прочесть её реакцию, продолжая эксклюзивный монолог. – Я прочитал множество книг, но ни одной с названием «Сберкнижка», поскольку мне нечего и не от кого было сберегать.

Виолетта кивнула, соглашаясь, потому что звезда провидения подсовывала ей ухажёров, богатых исключительно интеллектом.

– По книгам можно определить уровень интеллекта и характер человека...

Хозяйка обозначила на лице немой вопрос, ожидая пояснения.

Глава 24. Исследование темперамента хозяйки бродячим философом-абстракционистом

– С характером всё гораздо сложнее. Здесь необходим метод дедуктивного исследования. Возьмём, к примеру, меланхоликов... – Жульдя-Бандя, пожирая глазами книжные полки, пытался обнаружить соответствующее чтиво. – Меланхолики любят истязать себя романами, в которых слёзы, сопли, разлучённые близнецы, осиротевшие родители, любовные истории со счастливым началом и трагическим концом.

Виолетта, не скрывая сарказма, кивнула, с удовольствием слушая болтовню своего нового знакомого.

– Вот, пожалуйста, – эксперт ткнул пальцем в изрядно потрёпанную книгу. – «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго. «Рабыня Изаура» Бернарду Гимарайнша, «Драма на охоте» Антон Палыча, «Сестра Керри» Теодора Драйзера. Слезоточивых книг крайне мало. К отряду парнокопытных меланхоликов я отнести тебя не могу, хотя при более детальном подходе... – гость посмотрел на хозяйку в попытке определить её реакцию, последовавшую, впрочем, незамедлительно.

– Более детального подхода не будет, даже невзирая на то, что ты застуженный... мастер с понтом.

– Суду всё ясно. Попробуем протестировать тебя относительно отряда флегматиков, – Жульдя-Бандя стал рыскать глазами по книжным полкам. – Флегматики рациональны и уравновешенны. Семь раз отмерит, потом будет полгода думать – стоит ли отрезать?! Что могут читать флегматики?! А ничего эти чёртовы флегматики читать не могут, так – всякую пошлятину – «Как построить сельский дом», «Практические советы домохозяйке». – Философ вынул тонкую, салатного цвета книжку в мягком переплёте. – Ага, вот – Владимир Михайлович Дубровский «Плетение из ивового прута».

Виолетта взяла «Плетение...» с тем, чтобы утвердиться в обратном, поскольку В. М. Дубровский вполне мог быть Виктором Максимовичем или Валентином Макаровичем.

Пока она вчитывалась в оглавление, молодой человек, выступивший уже в качестве психолога, продолжал:

– Флегматики могут почитать журналчик «Сделай сам» либо газетёнку типа «Правда», с которой у нас большие проблемы, или «Труд», давно утративший свою актуальность. Трудиться теперь не модно. Это стало правилом дурного тона. Работают умственно отсталые...

Виолетта хихикнула, с лёгкой руки гостя, попав в этот подвид недоразвитого отряда человечества. Она, после просмотра оглавления, убедившись в том, что Дубровского зовут именно Владимиром Михайловичем, спросила об этом гостя, на что тот отвечал:

– Кто ж не знает Владимира Михайловича Дубровского?! Ведь помимо «Плетения из ивового прута», он написал ещё и «Вязание из конского волоса», «Изготовление дачных домиков из перепелиного помёта»...

– Всё, достаточно, – оборвала хозяйка, так и не получив вразумительного ответа.

– У флегматиков на книжных полках могут храниться бредовые идеи политэкономических авантюристов Маркса, Ленина и Энгельса, – продолжал Жульдя-Бандя своё повествование. – Эта святая троица добросовестно заблуждалась, проповедуя доктрину всеобщего рая. Всеобщего рая не будет! Рай только для избранных...

– К которым, как видим, ты не относишься, – уколов умника ежовым взглядом, заметила слушательница.

– Увы-с. Сегодня мы наблюдаем предсмертные конвульсии развитого социализма, предтечи так и не состоявшегося коммунизма, в котором идиоты и гении должны были стоять на одной ступеньке социальной иерархической лестницы, собственно, и состоящей из одной ступеньки. И что теперь получается? – декламатор устремил взгляд на единственную слушательницу. – В доктрине коммунистического рая – каждому по потребности, от каждого по способности. Я, выкладывая всю мощь своего интеллекта, буду кормить десятипудового борова, хрюкающего у корыта, а мне подадут скромную мисочку: «Кушайте, товарищ». Коммунизм – это утопия, – категорично заявил рассказчик, воскресив указа-

тельный палец. – Впрочем, себя исчерпает и капитализм, и на земле наступят свобода, равенство и блядство.

Виолетта хихикнула под воздействием «блядства», повенчанного рукой странствующего повесы со свободой и равенством.

– Последнее, запелёнатое в бархатное покрывало «сексуальной революции», семимильными шагами шествует по планете, инфицируя глупое человечество. Поскольку ни Маркса, ни Ленина, ни Энгельса на полках нету, стало быть, из тебя флегматик, как из бульдозериста оперный певец. Посему исключаем тебя из стройных рядов флегматиков... Виолетта, я тебе как брату скажу, – Жульдя-Бандя приобнял её за плечи никак не меньше, нежели сестру, – лет эдак через сто – сто пятьдесят уставшее от демонократии человечество совершит очередную пролетарскую революцию, и на земле воцарится анархия, которую с похмелья придумал Пьер Прудон. Это в том случае, если к этому времени генетически модифицированное человечество не истребит себя по собственному желанию. Выживут папуасы, эскимосы и, возможно, староверы, у которых нету в меню водки, майонеза, кетчупа и телевизора...

– Остались холерики и сангвеники...

– Сангвеники, – поправила Виолетта, видя преднамеренное надругательство над целым подотрядом человечества, в котором, с лёгкой руки собеседника, может оказаться и сама.

– Относительно холериков... – Жульдя-Бандя натрудил

лицо умом, будто с подвидом холериков всё гораздо серьёзнее. – Холерики – это, конечно же, не переносчики холеры, как полагают самолюбивые неуравновешенные и неврастеничные меланхолики...

Виолетта, не скрывая сарказма, кивнула, выказывая согласие с доктриной философа.

– Холерики, душа моя, чрезмерно темпераментны. Они влюбляются с первого взгляда, при этом влюбляются с периодическим постоянством, доставляя ненужные хлопоты ни в чём не повинным патологоанатомам. Их либо убивают ревнивые супруги, либо они уходят из жизни добровольно, по собственному, так сказать, желанию, по причине неразделённой любви.

Слушательница улыбнулась, кивком головы подтвердив и это.

– Они неплохо обустроились в мире иллюзий, почитывая фантастику: Герберта Уэлса, Алексея Толстого, Беляева – «Человек-амфибия». Или вот, – исследователь извлёк с верхней полки «Чужака в чужой стране» Роберта Хайнлайна. Он стал прохаживаться по комнате, как всякий уважающий себя мыслитель, показывающий, что для обозначения глубины мыслей ему не хватает пространства. – Холерики любят читать романы, в которых народный мститель расправляется с целой бандой вооружённых до зубов головорезов, а потом банально умирает от дизентерии...

Виолетта хихикнула, очевидно, под впечатлением от бес-

славной смерти одного из таких мстителей.

– Однако мы не наблюдаем ни фантастики, ни боевиков вроде «Тимура и его команды» Гайдара. Стало быть, из холериков мы тебя автоматически исключаем за проф, так сказать, непригодность. Остаются сангвиники. Слушай! – воскликнул абстракционист, чем немного обескуражил хозяйку, которая могла подумать, что тот потерял в трамвае бумажник. – Уже семь часов, а мы ни в одном глазу!

– Тебе дать в глаз?!

Жульдя-Бандя потикал пальцем:

– А вот этого делать не надо. В деревне, как известно, ровно в шесть дают пожрать тому, кто хочет есть (ремейк, Д. Байрон).

– Встают батрачить те, кто хочет есть.

– Виолетта, отчего ты такая злая? Ты опошлишь любое доброе начинание. У меня, если сказать по правде, даже аппетит пропал, – гость сделал скорбное по безвременно ушедшему аппетиту лицо. – Труд, конечно же, облагораживает человека, но не настолько, чтобы из него делать культ. Один мой знакомый, пожарный Боря Варченко, говорил: «Кто работал и трудился, тот давно уже накрылся, а кто филонил и скрывался – хоть больной, но жить остался».

Хозяйка засмеялась так искренне, что предварительное её исключение из подотряда склонных к депрессии меланхоликов было вполне оправданным.

Глава 25. Лёгкий философский экспромт на тему труда

Жульдя-Бандя, как всякий прелюбомудрствующий, стал прохаживаться по комнате, аккомпанируя себе руками.

– Мир, труд, май! – всё это от лукавого. Первое мая – это политическая вакханалия, предтеча Вальпургиевой ночи, великий шабаш, праздник ведьм или великая попойка. Все ведьмы Европы в ночь на первое мая гуртуются на Брокенской вершине в горах Гарца.

Слушательница улыбнулась слову «гуртуются», поскольку так называла эти мероприятия её бабушка Александра, мать отца.

– Поутру они спустились на русскую низменность, и это действо официальными властями было названо праздником солидарности трудящихся. В начальной стадии он напоминал политический крестный ход – торжественное шествие, в котором вместо хоругви – первопрестольный образ вождя мирового пролетариата, а на прочих – священные лики коммунистических апостолов политбюро. В завершении крестного хода – священный праздник солидарности трудящихся перетекает в грандиозный шабаш, устроенный этими же самыми трудящимися. Мы, кажется, отошли от темы...

– Вы, – уточнила слушательница.

Жульдя-Бандя кивнул, соглашаясь с обвинением.

– Да здравствует КП и СС! Пятилетку – за три года! Всё это уже выходит из моды. Это уже не актуально. За три года и дурак построит, а вот за тридцать! Тут нужен гений. И этот гений, как мессия, непременно придёт. Его нам подсуетят наши заклятые друзья из Соединенных Штатов Армении. Виолетта... – ненавязчивая пауза предполагала явление какой-нибудь ёмкой концентрированной мысли, – куда спешить – такой жара?!

Соцсоревнование, бригадный подряд – всё это уже не актуально. Кому нужен этот показной патриотизм: умные уехали на Запад – строить капитализм, а дураки на Восток – Байкало-Амурскую магистраль. Придёт время, и БАМ станут называть Шёлковый путь-2. Наши китайские братья будут перевозить по БАМу свои товары в Европу.

Диалог уже давно обратился в монолог, или, справедливее сказать, в театр одного актёра, с которым тот, заметим, успешно справлялся.

– Этого никогда не случится! – Виолетта потикала вооружённым острым коготком указательным пальчиком.

– Случится. Это лишь вопрос времени. Китайцы в своих географических атласах Дальний Восток, вплоть до Тюмени, обозначают китайской территорией. Они дождутся тех времён, когда империя рухнет и Россия станет обглоданной и оборванной нищенкой и, с протянутой рукой, будет просить подаяния у проклятых янков. Вот тогда-то они и выкупят Дальний Восток по рублю за гектар, как в своё вре-

мя американцы выкупили у Александра, если не ошибаюсь, Второго, по остаточной стоимости Аляску. Моя безграмотная бабка, царствие ей небесное, которая, кстати, не верила ни в бога, ни в чёрта, – Жульдя-Бандя поставил торчмя указующий перст, – говорила, что наступят времена, когда китайцы забросают нас шапками. Наши женщины перестали рожать людей. Они стали рожать патриотов и идиотов! – философ улыбнулся, заподозрив сию фразу в гениальности. – А ты знаешь, что объединяет патриота и идиота?..

Виолетта не знала и даже не догадывалась. Молча приподняв плечи, равнодушно покрутила головой.

– Место жительство, – Жульдя-Бандя победоносно окинул чистым голубым взором оппонентку, которая, к слову сказать, оппонировать и не помышляла. – Нет ничего страшнее консолидации идиотов и патриотов. Стадный патриотизм – одна из самых опасных форм идиотизма, – оратор предупреждающе воздвиг указательный палец. – Квазипатриоты на трибунах, идиоты – в окопах исполняют волю тиранов, – он сделал лёгкую паузу, дабы придать своим философским испражнениям монументальности. – А знаешь, какое лучшее средство от патриотизма?

– Водка?!

– Живущие в своём пролетарском невежестве русские слепо верят в то, что лучшим лекарством от меланхолии, депрессии и простуды является только водка. Они глубоко заблуждаются, поскольку депрессию может излечить женщи-

на, а простуду – чай с малиновым вареньем. Водка лишь притупляет чувство страха. Запах тротила, пороха и напалма могут в одно мгновение превратить патриота в обыкновенного человека – трусливого, алчного космополита и циника... А ты не заметила...

Слушательница покрутила головой, поражаясь глубине интеллекта своего нового знакомого.

– ...что с поля брани первыми бегут патриоты?

Виолетта обозначила это, перебирая указательным и средним пальчиками по подлокотнику спинки дивана.

– В душе они готовы крушить врага, но жопа думает иначе. Ей не нужны приключения. Включается инстинкт самосохранения, основной движущей силой которого являются ноги. При первых разрывах снарядов так называемые любители родины делают ноги, впрочем, это не мешает им впоследствии выстраиваться в очереди за орденами, медалями и пособиями.

Болтовня гостя, по-видимому, нравилась хозяйке, и та периодически кивала, удерживая себя от того, чтобы не рассмеяться.

– Нездоровый патриотизм приводит к здоровому идиотизму. Лозунгами о патриотизме можно собрать великое и послушное стадо, но быть истинным патриотом и состоять в клубе любителей родины – не одно и то же, – гость потикал рукой. – Поголовье патриотов возрастает благодаря вот этому ящику, который современники называют телевизором, –

Жульдя-Бандя дружески похлопал по «горбу» «Горизонта» – гадкого утёнка отечественной радиотехники.

У хозяйки «поголовье патриотов» вызвало улыбку.

– От патриотизма до идиотизма один шаг! Однако патриотизм – это довольно прозрачная субстанция: отнимите у народа хлеб, водку и селёдку, и фундамент патриотизма будет разрушен. Национал-патриотизм умрёт, не получая питательной среды.

Золотые россыпи цитат и афоризмов и неуёмный темперамент молодого человека пленили хрупкое женское сердце, что было написано на лице Виолетты.

– Ты слово «идиот» сказал десять раз, – напомнила она, хороня на устах сарказм.

– Это было небольшое отступление от темы...

– Совсем небольшое, – согласилась молодая женщина, выслушав перед этим целый трактат.

– Меняется эпоха, меняются приоритеты. Труд утратил свою «прерывативу». Работают умственно отсталые. Именно поэтому не работают евреи. Работают те...

– ...кто не умеет философствовать, – оборвала эксклюзивный монолог хозяйка. Она растянула губки, правда, не от удачной вставки, а от утраченной трудом «прерывативы».

Глава 26. Допрос свидетеля

Тут Виолетта посерьёзна, переменяв тему вопросом:

– То, что ты странствующий оболтус, – это понятно. Но что занесло тебя в Одессу?

– Я приехал сюда с благотворительной миссией – исцелять хворых и немощных жителей Херсона.

– Так надо было ехать в Херсон!

– Логично, – утвердительно кивнул абстракционист, – но я не смог отказать себе во встрече с любимой Одессой...

– И когда это ты успел её полюбить?

– В детстве, – собеседник отобразил на лице счастливую улыбку инфицированного любовью человека. – Любовь – это инфекция, в первую очередь поражающая мозг, сердце и кошелёк.

Как можно не любить Одессу с еврейским народным юмором: «Ты начинаешь тратить меня на нервы», «Не делай мне беременную голову», «Мадам, ваши глаза заставляют мне забить падежов», или «Ты бач яка сука!»

– Это уже не одесситы – это львовцы та иваново-франкивцы, – не скрывая пренебрежения, перекривила хозяйка. – Понайихали тут.

– Полюби ближнего своего, как самого себя, – напомнил простую библейскую истину Жульдя-Бандя.

– Так, а теперь, кто ты у нас там – Банья-Жульдя?..

– Жульдя-Бандя...

– Короче, Вовик. Какова цель твоего визита?! – Виолетта посмотрела на гостя, как строгая мамаша в глаза вернувшейся под утро дочери, и, не дожидаясь ответа, внесла некоторую ясность в предстоящие отношения. – Если ты решил, что я портовая шляха или твоя очередная подстилка, то ты жестоко просчитался...

– Но жестоко просчитался пресловутый мистер Пек (В. Высоцкий)... Виолетта, французской жеманницей тебе стать будет ещё сложнее...

– ...чем портовой шляхой???

– Увы, для этого нужно много денег и машину времени, чтобы вернуться в начало 17-го века. Французские жеманницы пудрили щёчки, которые назывались «престолом пудры», и носили платья в стиле барокко-рококо, под куполами которых могли вполне комфортно уместиться три-четыре любовника.

– У меня нету ни платьев, ни машины времени. Если бы не продала дачу, ходила бы как ободранная кошка.

– Виолетта, по-твоему, выходит, что я похож на сексуального маниака?! – Жульдя-Бандя для полноты восприятия обозначил себя руками.

– А рази ж маньяки похожи на маньяков?! – перекривила женщина с оттенком жёлчи на лице. – Одним словом, если ты решил бросить у меня копыта, то будешь тише воды, ниже травы.

– Базара нет, нет, нет, огни мерцали, огни мерцали, когда поезд уходил (ремейк, В. Королёв), – пропел велеречивый гость. – Виолетточка, дружок, если ты думаешь, что мне... – философ, снова обозначил себя, только теперь уже правой рукой, – ...негде бросить копыта, то ты заблуждаешься ещё больше, чем заблуждался Дарвин, утверждавший, что человек произошёл от обезьяны. От обезьян произошли идиоты. – Жульдя-Бандя посмотрел в изумрудные глазки оппонентки, дабы определить её реакцию на своё претендующее на афоризм века изречение.

Та, за личиной безразличия, с трудом сокрывала свои симпатии к неординарному молодому человеку:

– Опять идиоты. Ты без них уже, наверное, жить не можешь?

– Могу, – честно признался Жульдя-Бандя. – Они без меня – нет. А я здесь только потому, что намерен предложить тебе должность импресарио, – он сказал это с такой помпой, будто намеревался предложить должность директора банно-прачечного комбината, Рембыттехники, а то и вообще Дома быта.

– Импресарио – это организаторы концертов или представлений, – ненавязчиво напомнила хозяйка.

– Абсолютно с вами согласен: это и будет самое настоящее представление.

Виолетта свернула губы трубочкой:

– Ты предлагаешь мне стать соучастницей своей авантю-

ры?

– Ни боже ж мой. Никакой авантюры. Вот, – Жульдя-Бандя открыл дипломат с тем, чтобы ещё раз показать удостоверение экстрасенса.

– Я тебя умоляю, – хозяйка отстранила его руку с корочкой народного целителя международного класса. – Эту туфту будешь показывать следователю по особо важным делам.

– Если понадобится, я и его исцелю. Чем я хуже Кашпировского или, например, Чумака?! – целитель воззрился в зелёные очи хозяйки. – Тут нету никакого криминала.

– Я рационалистка, а не идиотка, дорогой мой, – Виолетта улыбнулась, начиная сознавать, что уже подхватила эту идиотическую заразу.

Улыбнулся и Жульдя-Бандя, именно по этой причине, всё же делая несмелую попытку переубедить строптивую и осторожную аборигенку.

– Фундаментом человеческой глупости является рационализм. Именно он выступает движущей силой торможения экономического развития. Рационалисты, как всемирного потопа, боятся инноваций и кредитов, обеспечивающих устойчивое развитие всех отраслей народного хозяйства.

– Тебе, многоуважаемый Жундя-Бальдя, для полного счастья не хватает только трибуны. Ты даже идиота сумеешь убедить в том, что он идиот, – Виолетта хихикнула, окончательно утвердившись в том, что инфицирована идиотизмом.

– Увы. Идиота можно убедить в чём угодно, но только не

в том, что он идиот.

Виолетта вдруг посерьёзнала, из чего проистекало, что она скажет нечто нелицеприятное своему гостю:

– Ты ханжа, дружок. Я всё прекрасно понимаю: твоя цель заработать деньги, и тебе глубоко наплевать на то, что я могу вляпаться, как дура, и единственное утешение, которое я получу в случае провала этой авантюры – это соболезнование.

– У ханжества единицы поклонников, но миллионы последователей, – попытался реабилитироваться Жульдя-Бандя, одарив своим чистым, светлым голубым взором собеседницу.

– Меня среди этого миллиона не будет, – торжественно пообещала она.

– Да, я не ангел, – чистосердечно признался гость. – Но я вынужден жить по законам естественного отбора, концептуальным стержнем которого является доктрина «выживает сильнейший». Проще говоря – мерзавец. Зло правит миром, а добро у него в услужении. Нет добра, которое бы не породило зло.

Виолетта кивнула: не так давно она дала подруге в долг австрийский бюстгальтер, та до сих пор не оплатила, и ей элементарно пришлось внести деньги за товар...

– Добро стоит на паперти, выпрашивая у зла милостыню, – Жульдя-Бандя нечаянной паузой заострил внимание на столь высокой, с его точки зрения, мысли. – У добра край-

не мало союзников. И до тех пор, пока не будет разрушен фундамент зла, – это деньги, власть, корысть и похоть, – зло будет торжественным маршем шествовать по нашей грешной земле....

Глава 27. Тайная вечеря

– Так, экстрасекс, вы жареную картошку едите?!

– Вкушаю, Виолетта, – Жульдя-Бандя тронул её за руку чуть выше локотка, – я бы давно завязал с этим неблагоприятным занятием – чревоугодием, но никак не могу переубедить в этом желудок.

– Вот и славненько. Я на кухне. Ужин через полчаса. Диван, кресло, телевизор, книги – в вашем распоряжении.

– Телевизор – одно из средств массовой дезинформации, проще говоря, оболванивания, – напомнил темпераментный гость, щёлкнув красной кнопкой на пульте. На экране, манипулируя руками, колдовал Чумак. Рядом – банка с водой, которую тот, по всей видимости, заряжал.

– Вот видишь, – Жульдя-Бандя победоносным взором окинул хозяйку.

– Такой же шарлатан, как и ты.

– Я хотя бы нахожу мужество себе в этом признаться.

Виолетта, покрутив головой, «упорхнула» на кухню, откуда через время донеслись шкворчание и запах жареной картошки...

Пока Виолетта священнодействовала у плиты, гость внедрился в «Ремесло сатаны» Н. Н. Брешко-Брешковского в голубом переплёте. Он с жадностью пожирал строку за строкой, искренне поражаясь, что имя автора, без сомнения, та-

лантливому, со своим художественным почерком, до этого часа ему не было знакомо.

«Проглотив» около десятка страниц, Жульдя-Бандя в недоумении отстранился от книги. Блуждая глазами по книжным полкам, обнаружил искомое. На удивление, Н. Н. Брешко-Брешковского в энциклопедии не оказалось. Зато была некая А. К. Брешко-Брешковская – политическая мазохистка, праматерь партии эсеров, которая из своих 90 лет – 32 провела на каторге, в тюрьмах и ссылках.

Вошла хозяйка:

– Кушать подано, мой господин!

Гость улыбнулся «господину», вопрошая:

– Виолетта, тебе известно вымя – Брешко-Брешковский?

Та неопределённо пожала плечиками, сияясь вспомнить.

Покрутила головой, окончательно отказавшись от знакомства с неким Брешко-Брешковским.

– А ведь это гениальная личность! – Жульдя-Бандя предъявил её взору «Ремесло сатаны». Затем, пробегая глазами строки, принялся читать: «Тихо, как шёпот давних воспоминаний, шелестела смятая папиросная бумага» – конгениально, или, к примеру, – он перелистнул несколько страниц, напряжённо выискивая нечто достойное пера только что родившегося гения. Не находя, вернулся в начало. Нашёл. Он заранее улыбнулся, что предвещало нечто смешное или претендующее на юмор: «Сильфида Аполлоновна лежала всеми рубенсовскими телесами своими на широченной людо-

виковской кровати с пышным балдахинном»...

Единственная слушательница улыбалась, ясно представив себе Сильфиду Аполлоновну.

«...Высокая, мускулистая шведка от мадам Альфонсии изо всех сил старалась согнать лишний жир с тучной банкирессы. Казалось, шведка в белом балахоне с засученными по локоть рукавами месит горы какого-то мягкого белого теста, – Жюльдя-Бандя читал с необыкновенной артистичностью, отчего несложно было представить происходящее в массажном кабинете, – ...и когда стальные пальцы этой высокой скандинавской блондинки особенно больно щипали непечатые залежи мяса, рыхлого, жирного, Сильфида Аполлоновна мужественно стискивала зубы...» И вымени этого уникального автора нет в энциклопедическом словаре!!!

– Да, но это всё же не Лев Николаевич Толстой?!

– Толстой?! Согласен, что Толстой – гений, если бы не одно «но»...

Собеседница, тотчас утвердившаяся в качестве оппонента, свернув губы трубочкой, слегка наклонила головку, дожидаясь пояснения относительно «но», выступившего в непонятном качестве: и не союза, и не междометия.

– Если бы не эти нескончаемые – «сказал», «ответила», «спросил»...

– Ты – глаголоненавистник?

– Увы. Я ненавистник только этой святой троицы, которые определяю как пояснение для идиотов.

Виолетта, на секунду задумавшись, вопросительно округлила бровки, по-видимому, частично соглашаясь с доводами оппонента.

– Ты сейчас выступаешь в качестве литературного критика или редактора?

– Откровенно говоря, – Жульдя-Бандя сделал мучительную паузу, как на брачном ложе узбек пред тем, как признаться своей благоверной в том, что он уже не девственник и имел близкие отношения с ишачкой. – Я писатель.

– Писатель??? – Виолетта восхищённо покрутила головой, с трудом удерживаясь от того, чтобы сохранить на лице соответствующую тональность.

– Всемирно неизвестный, – Жульдя-Бандя скромно потупил взор, как начинающий писатель перед мэтром. – Всемирную неизвестность мне принесли скандально неизвестное эссе «Газпромовцы тоже плачут», романы «Тринадцать табуреток», «Поющие в крыжовнике» и «Сперматозоид инженера Гарина».

Собеседница хихикнула: то ли относительно всемирной неизвестности её нового знакомого, то ли от скандально неизвестного эссе «Газпромовцы тоже плачут», хотя, вероятнее всего, причиной всё же был «Сперматозоид инженера Гарина».

Кинув лукавый взгляд на столь неординарную личность, Виолетта вздохнула, выдохнула следом, надувая при этом щёки. По-видимому, её терзал вопрос: «Не вляпалась ли я с

этим красавчиком-пройдохой?»

– Ужин остыл! – всплеснув руками, она подалась на кухню, прихватив под руки своего неординарного гостя.

– Какая шикарная трапезная! – восторгаясь резным дубовым столом и стульями, воскликнул приглашённый к ужину гость.

На столе, источая парок, покоились две тарелки поджаристой, с коричневой корочкой картошечкой, а в фарфоровой ладье – салат из квашеной капусты с оранжевыми морковными прожилками.

– Такую капусточку помимо водки – смертельный грех! – напомнил Жульдя-Бандя, используя наущения почившего деда, для которого, правда, вкушение любой пищи, помимо водки, считалось смертельным грехом.

Виолетта виновато развела руками:

– Водки нет, только коньяк... – «Белый лебедь».

– Будем давиться коньяком! – усаживаясь на табурет и прильнув носом к тарелке с парящей картошкой, согласился гость. – Коньяк – наипервейшее средство от неврастения и самое эффективное нелекарственное успокаивающее. Категорически рекомендую.

– Наипервейшее средство от неврастения – работа. А ты не пробовал работать? – собеседница, слегка склонив голову, с напоённым сарказмом пытливым взором уставилась на гостя.

– Пробовал, не получается. Я так и не сумел найти с ней

общего языка, хотя она любила меня больше, чем я её. Вероятно, мы не перешли с ней грань, открывающую настоящие чувства, когда вы не можете жить друг без друга. Я так и не нашёл в работе ничего интригующего, интимного, завораживающего и прекрасного. Она проста, пуста, монотонна, суетлива без меры... А почему только одна рюмка?! – Жульдя-Бандя отправил вопросительный знак в сторону симпатичной хозяйки.

– Я пообещала маме, что в рот не возьму, после того как высказала отчиму всё, что я о нём думаю.

– А никто и не настаивает!

Виолетта поняла свою оплошность, однако в своей промашке обвинила гостя, интерпретировавшего её слова в искажённом, хотя и более приземлённом смысле, за что, собственно, он и получил заслуженный укол ногтем указательного пальца между рёбер.

– А вот возьму и выпью! Только предупреждаю – я пьяная нехорошая! – застрашала она, выставляя на стол ещё одну рюмку.

– В каком смысле?! – поинтересовался заинтригованный этим обстоятельством гость.

– Могу в морду дать.

– Статья сто девятая Уголовного кодекса – «Умышленное телесное повреждение, не опасное для жизни». Наказывается лишением свободы до трёх лет в санатории общего режима.

– Если я дам в морду, то повреждение будет опасным для жизни!

– Статья сто восьмая – «Умышленное тяжкое телесное повреждение» – от пяти до двенадцати годиков.

– Наливай, прокурор! Только мне половиночку, – распорядилась Виолетта, подвигая к гостю початую бутылку.

– У нудиста и прокурора много общего: один оголяет тело, другой человеческие пороки. Первый видит идеал в шлюхе, второй – в матери-героине, но матери-героине предпочитает всё же шлюху.

Жульдя-Бандя встал с поднятой рюмкой, что означало торжественность момента и что обязанности тамады он возлагает на себя.

– Я поднимаю бокал с этим благородным напитком, – он понюхал содержимое рюмки, походившее на нечто терпко-сладкое, будто запах застоялой в тазу воды, с ванильным сиропом, в котором неделей раньше вымачивали дубовые венники, что и отобразилось на физиономии. – За наше предприятие!

– Сначала пьют за знакомство, – напомнила Виолетта, с чем было трудно не согласиться.

– Это всё происки оптимистов и очкастых интеллигентиков, – гость снова заявил о себе как о философе. – Стереотипный подход к жизни уничтожает инициативу, в свою очередь уничтожающую прогресс, в свою очередь уничтожающий...

– Так, хватит! За ваше предприятие! – согласилась молодая женщина, так и не узнавшая, чему угрожает уничтожением прогресс.

– Мечта поэта! – отправляя в рот терпкую ядрёную капусту, констатировал философ, продолжая мысль. – Высшая точка научно-технического прогресса станет отправной к обратному процессу. Человечество изобрело умные машины, оградив себя от необходимости думать и развиваться, что станет началом конца. Люди станут тупеть, что мы сегодня и наблюдаем. Философы вымрут, как динозавры. Вымру и я.

Жульдя-Бандя на секунду прекратил жевать, отчего на кухне воцарилась трагическая тишина. Ему от чистого сердца не хотелось вымирать. Это не входило в его планы, к тому же он не мог просто так взять и осиротить ни в чём не повинное человечество в лице женской его половины. Гость в очередной раз наполнил коньяком рюмки, чему хозяйка уже не противилась.

– У меня родился тост! – он многообещающе воззрился в малахитовые очи Виолетты. – За великого мастера словесной импровизации! За...

– Ладно, хватит, мы уже в курсе, – остановила хозяйка гостя, давая себе отчёт в том, что легендарный орденпросец способен обратить тост в философский трактат. – А ты всё-таки хам!

– У меня и раньше относительно этого возникали подо-

зрения, – с лёгкостью принял обвинительный вердикт Жульды-Бандя, накалывая вилкой поджаристые ломтики картошечки.

– Сначала пьют за женщин, – напомнила одна из их представительниц. – А потом за странствующих философов, великих мастеров словесного поноса и хамов.

Чтобы подтвердить это, вознесла рюмку, встала, преумножая величину торжественности, на какое-то время став похожей на Жанну д`Арк, только вместо меча – с небольшим стеклянным сосудом в руках, и провозгласила:

– За прекрасную половину человечества!

Махнула одним глотком, дав повод гостю сделать замечание:

– Коньяк пьют мелкими глотками, смакуя.

– Закусывая квашеной капустой, – удачно реабилитировалась Виолетта.

Молодой человек, рисуя радужные перспективы, открывающиеся на безоблачном фоне исцеления трудящихся и нетрудоспособного населения, настойчиво уговаривал хозяйку внести посильный вклад в организацию проекта в размере двух тысяч рублей.

– Нынче люди любят болеть. Они болеют с удовольствием, с маниакальным пристрастием вкушая таблетки, – Жульды-Бандя, которому не хватало пространства маленькой кухни для того, чтобы выплеснуть глубокую мысль в глупую атмосферу, одну руку возложил на спинку резного стула из

кавказского дуба, другою жестикулировал, артистически наполняя сказанное: – Особенно любят болеть старики, женщины и дети, но дети болеют неосознанно и без особого удовольствия! – Жульдя-Бандя подчеркнул это, воздвигнув палец.

Виолетта улыбалась, слушая болтовню своего нового знакомого.

– Женщины ходят в аптеку, как в супермаркет, опустошая прилавки. В косметичке среднестатистической женщины как минимум полторы дюжины наименований таблеток. Как сказал Спиноза: «Первую половину жизни человек с успехом обретает болезни, а вторую – безуспешно пытается от них избавиться».

Оратор сделал искусственную паузу, дабы позволить единственной слушательнице оценить цитату, к которой, по правде говоря, Спиноза не имел ни малейшего отношения.

– Люди болеют только с одной эгоистичной целью – чтобы получить наслаждение от выздоровления! Они заражены идеей выздоровления. Это становится их смыслом жизни. Те из немногих, которым удаётся выздороветь полностью, – утрачивают этот самый смысл. Они тихо и бесславно умирают.

– Здоровыми? – Виолетта хихикнула в безнадежной попытке сделать серьёзное лицо. – Так ты будешь излечивать трудящихся для того, чтобы те тихо и бесславно умерли?

– В том-то вся и соль. Никто никого излечивать не будет.

Пусть болеют себе на здоровье до ста лет!

Проведя артподготовку, великий магистр снова вернулся к теме частичного кредитования проекта.

– Что такое две тысячи?! Тьфу! – он брезгливо дунул в распростёртую ладонь. – Одной больше – одной меньше.

– А если – тьфу! – молодая женщина на сухую плюнула в собственную, – то почему у тебя их нет?!

– Я отдаю сырым и убогим... иногда, – уточнил рассказчик. – Не стоит искать альтруистов в этой серой унылой повседневности: это только миллиардеры, коим не хватает медалей имени Терезы-матери. Благотворителями вполне могли бы выступить католические ксёндзы, но им нечего продать, либо сантехники, которым есть что продать, но оно пока не пользуется спросом.

Виолетта хихикнула относительно того, что пока не пользуется спросом, вопрошая:

– Значит ты последователь доктрины Терезы-матери?

– Мать Тереза жертвует чужие ассигнации, а я – заработанные собственным... – Жюльдя-Бандя хотел сказать «горбом», но это с трудом вписывалось в его биографию, поэтому «горб» он заменил «интеллектом». – Меценатство зиждется на общественном мнении, и жертвующий жаждет, чтобы об этом знал ещё кто-нибудь, кроме Всевышнего.

Свежие капли добытого интеллектуальным трудом пота оросили мужественный лоб мецената, хотя не исключено, что этому способствовали банальная жара и влажность, коей

охотно делилось с человечеством Чёрное море.

– Возлюби ближнего своего, как самого себя, – в очередной раз напомнил он одну из основных заповедей библейской доктрины.

– И это говорит тот, в биографии которого нет ни одного светлого пятнышка?!

– Папашу не пачкать мою чистую непорочную биографию! – сурово предупредил Жульдя-Бандя и, потикав в воздухе пальцем, запел: «Сегодня вы меня не пачкайте, сегодня пьянка мне до лампочки (В. Высоцкий)».

Виолетта улыбнулась:

– Возлюби, стало быть, ближнего своего...

– Вот именно, – подтвердил гость, навевая на себя самые чистые и светлые чувства. – Я, может, уже возлюбил... и... может, ещё больше, чем самого себя...

Собеседница понимающе кивнула:

– И кого же ты, если не секрет, возлюбил на этот раз?

– Тебя, конечно, – Жульдя-Бандя приобнял хозяйку за плечико. – И у меня от этой любви, к самому себе начинают пропадать чувства.

– Бедненький, – сочувственно отстраняя руку возлюбившего, констатировала молодая женщина. – Именно поэтому ты будешь спать отдельно!

Дабы подтвердить серьёзность намерений, она принесла с балкона надувной матрац.

– Виолетточка, шо я тебе плохого сделал?!

– Пока ничего, иначе твоей кроваткой на ближайшую ночь была бы скамейка в сквере.

– И это плата за то, что я, мало того, что тебя возлюбил, но возлюбил ещё больше, чем самого себя? Я, может, с этой минуты себя торжественно презираю!..

Хозяйка хихикнула, открыто потешаясь над чувствами гостя, который послушно, насилуя ни в чём не повинные лёгкие, принялся надувать матрац.

– Я, может, согласен на тебе жениться! – отстранившись от соска матраца, известил потенциальный жених. Прикрыл отверстие пальцем в надежде на последний аргумент, на который обычно клюёт основная масса представительниц слабого пола.

– В поисках удивительного необязательно выходить замуж, – Виолетта с напускным равнодушием и хладнокровием утвердила взор на госте. – К тому же я не согласна выходить замуж за шарлатана!

– Я – шарлатан?! – Жульдя-Бандя обозначил себя свободной от матраца рукой. – Лучше бы ты обозвала меня предателем родины.

Виолетта ухмыльнулась, вперившись в очи оппонента:

– И ты хочешь этим сказать, что при первом удобном случае предашь родину?!

– При первом удобном случае – не предам! – для подтверждения высоких чувств к отчизне Жульдя-Бандя с усердием

постучал себя по груди.

– Не предашь?! – настаивала молодая женщина.

– Не предам, – отвечал молодой человек.

– А при втором?!

– Не предам!

– Не предашь?!

– Не предам!!! – философ подтвердил это, троекратно постучав себя по груди.

– А за деньги?

– И за деньги не предам!

– Не предашь?!

– Не предам! – Жульдя-Бандя на этот раз покрутил головой.

– А за большие деньги?! – Виолетта, победоносно подпёрши подбородок ручкой, ожидала ответа.

– Так с этого надо было начинать.

– Значит, всё-таки предашь?!

– Всё-таки не предам, а только за большие деньги!

– Выходит, мне предлагает руку и сердце...

– ...и остальные органы и члены... – с лёгкостью согласился отдать себя целиком

гость.

– ...шарлатан и предатель родины?! – Виолетта отобразила на лице высшую степень презрения, которую заслуживают валютные спекулянты, судебные приставы и кондуктора общественного транспорта. – Сначала ты предашь родину, а

потом и меня!

– А шо ты мне плохого сделала?!

– Значит, предашь только родину?

– А шо она мне сделала хорошего?! – Жульдя-Бандя развёл руками, впервые в жизни придя к мнению, что он для отечества – постылый сын.

Виолетта, цокнув языком, покрутила головой:

– Таких, как ты, предателей нужно расстреливать.

– Я бы давным-давно так и поступил, но у меня на себя не поднимается рука. К тому же, какой из меня предатель, если из всех государственных секретов мне известен только один...

– И какой же? – Виолетта «осиротила» подбородок, рукою беспокоя золотую цепочку на шее.

Глава 28. Доселе не встречавшееся в природе явление – юдофилофобия

Жульдя-Бандя монументально-торжественно, с лёгким оттенком загадочности посмотрел в глаза Виолетты:

– Североамериканские масоны готовят развал империи – Союза Советских Социалистических Республик.

– Они готовят его уже полвека. Об этом государственном секрете знает всякий мало-мальски сведущий человек, – подметила собеседница, снова подперев рукою подбородок. – Этой участи не миновала ни одна из империй. – А ты, стало быть, антисемит?

– Антисемиты – это порочные дети евреев, – гость затрудил лицо умом, поскольку эта довольно щекотливая тема не предполагает нейтральных тональностей. – Антисемитов плодят сами евреи. При этом размножение антисемитов находится в пропорциональном соответствии к их численному составу...

– Так, так, так, – Виолетта воскресила указательный палец. – Последнее, если можно, переведи на русский.

– Чем больше евреев, тем больше антисемитов, или, правильнее сказать, иудофобов...

– Правильнее сказать – юдофобов, – поправила собеседница.

– Как сказал философ Соломон Лурье, тоже, кстати, ев-

рей, которого за антисемитские высказывания забыли похоронить в бесе... .

– В бесе? – Виолетта выказала нескрываемое удивление.

– В большом энциклопедическом словаре, – Жульдя-Бандя оставил на лице печать мудрости. – Там, где появился еврей, там появится и антисемит. Лично я, – он обозначил себя рукой, – двойко отношусь к евреям. Я ненавижу и люблю их одновременно.

– Это как понимать?!

– Это как же, вашу мать, извиняюсь, понимать (Л. Филатов). – Всё просто до изнеможения. Образно говоря, это как любящий жену-шлюху муж...

Виолетта выказала ещё большее удивление:

– И за что же, вашу мать, извиняюсь, ты в них такой влюблённый?

Жульдя-Бандя хитро улыбнулся, что предполагало разъяснение с философским уклоном:

– А как я могу не любить, например, немецкого еврея Генриха Гейне с его гениальными изречениями: «Остричь и занимать деньги нужно внезапно», «Когда уходят герои – на арену выступают клоуны».

Собеседница улыбнулась:

– Но Гейне был поэтом!

– Это не мешало ему плодить афоризмы.

– Никогда бы не подумала, что он такой оригинал.

– Или взять «гарики» Игоря Губермана, который, кстати,

не забывал и за единоплеменников, – философ посерьёзнул на полтона, как серьёзнееет куплетист, переходящий от юмора к сатире. – «В годы, обогранные закатом, неопровержимее всего делает еврея виноватым факт существования его». Или вот: «Боюсь, как дьявольской напасти, освободительских забот; когда рабы приходят к власти, они куда страшней господ».

– И что – его за такие стишки не посадили?

– Увы, за свои остросюжетные откровения Губерман имел неосторожность попасть в «профилакторий» строгого режима. Власти любили «гарики» Губермана, но им не нравилось то, что их полюбил народ. Его популярность становилась опасной, и он был изолирован от общества, – Жульдя-Бандя хитро улыбнулся, что говорило о том, что последует ещё одно четверостишие диссидента. – «М-мы варимся в странном компоте, где лгут за глаза и в глаза, где каждый в отдельности против, а вместе – решительно за».

Жульдя-Бандя прочёл четверостишие в стиле еврея-шестидесятника Рождественского. Чтец, копируя заслуженного иудея, акцентировал на последнем слове каждой строки, делая при этом искусственную паузу.

Виолетта открыто и честно улыбалась: то ли от того, как было подано четверостишие, то ли от его содержимого, хотя, вероятно, от взаимосвязи этих двух величин.

– Ещё один стихирь, – молодой человек, не утруждая лицо эмоциями, начал: –

«Когда страна – одна семья, все по любви живут и ладят; скажи мне, кто твой друг, и я скажу, за что тебя посадят».

Собеседница хихикнула, близко к сердцу приняв последний из «гариков».

– Или взять братьев по перу – Евгения Катаева и Илью Файнзильберга...

Собеседница отобразила на лице немую форму удивления, слегка сморщив невинный лобик.

– Друг мой, – Жульдя-Бандя провёл рукою по её ножке, что выходило за рамки платонических отношений. – Ты не знаешь Катаева и Файнзильберга?! – он удивлённо поднял брови, вспахав морщинами широкий лоб, будто та не знала Катрин Денёв или Маньку Облигацию. – А ведь они из Одессы...

Виолетта пожала плечиками, подтвердив своё знакомство только с Валентином Катаевым.

– Завхоз 2-го дома старсобеса был застенчивый ворюга, – рассказчик таинственно улыбался, будто застенчивым ворюгой был он сам. – Всё существо его протестовало против краж, но не красть он не мог. Он крал, и ему было стыдно. Крал он постоянно и постоянно стыдился, поэтому его розовые щёчки всегда горели румянцем застенчивости, стыдливости, конфуза. Завхоза звали Александром Яковлевичем, а его жену – Александрой Яковлевной. Она называла его Сашкен, а он её Альхен. Свет не видывал ещё такого голубого воришки.

Рассказчик посмотрел на единственную слушательницу в попытке определить её реакцию, судя по которой, та оставалась в неведении относительно сказанного. Тот продолжил, оставив на лице тональность насмешливого пренебрежения, с коим дантист общается с гинекологом...

– ...В уездном городе N было так много парикмахерских и бюро похоронных процессий, что казалось, что в уездном городе N люди рождались лишь для того, чтобы подстричься, побриться, освежиться вежеталем и тотчас же умереть, но... в уездном городе N люди рождались и умирали крайне редко.

Виолетта покрутила головой, потом придала указательному пальцу восклицательное положение, что предполагало какую-либо версию или вовсе отгадку:

– Это «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова!

– Конгениально! Как говорил великий комбинатор Остап Ибрагимович Бендер. Как я могу не любить Высоцкого, если я исполняю почти половину его репертуара! – торжественно врал Жульдя-Бандя, поскольку исполнял не более дюжины его песен. – «Мы откроем нашим чадам правду, им не все равно: “Удивительное рядом, но оно запрещено!”» – захрипел он оригинальным голосом.

Виолетта, недоумённо скруглив бровки, спросила:

– А... Высоцкий что – тоже?!

– Судя по всему – да, – Жульдя-Бандя разочарованно вздохнул, волею судеб принуждённый поклоняться велико-

му иудею. – Высоцкие – чисто еврейская фамилия, к тому же жёны у него были иудейками, как и друзья: Кохановский, Вознесенский, Ахмадулина, Абдулов, Янкович. Скажи мне, кто твой друг...

– А я скажу, за что тебя посадят!

Рассказчик улыбнулся, по-прежнему любуясь «достопримечательностями» хозяйки, что, судя по всему, доставляло ей удовольствие, иначе – к чему бы ей, сидя на диване, вульгарненько закидывать ногу за ногу, оголяя смуглые бёдрышки.

– Вот видишь – ты уже тоже цитируешь евреев, – обвиняя собеседницу в юдофилии, ненавязчиво упрекнул гость.

– Я отношусь к ним ровно, – Виолетта, подтверждая сказанное, прочертила ребром ладони в горизонтальной плоскости воздух.

– Тебе легче прожить, – тяжело вздохнул собеседник. – А я вынужден существовать с раздражающими меня на части противоречиями. Тебя когда-нибудь терзали противоречия?!

Виолетта разрежала губами щёки, что предполагало по этому поводу разъяснение:

– Я и сейчас живу, терзаемая противоречиями: с одной стороны, мне кажется, что я приютила обыкновенного жулика, с другой – альфонса и приспособленца, а с третьей – бабника и балабола, – женщина вперилась в гостя, на лице которого, при всей видимости отстранённости и равнодушия,

читалось частичное согласие с этой частью обвинительного приговора.

– Да, но эти противоречия в тебя всего-навсего закрались. Через неделю их может уже и не быть, – вполне логично оппонировал Жульдя-Бандя. – А во мне они живут, причём, не просто соседствуют – они пожирают меня.

– В половине меня приютился юдофил, – он большим пальцем правой руки провёл поперёк живота, – а в другой – юдофоб...

– В верхней или в нижней?!

– В нижней, – не ожидая подвоха со стороны столь кроткого и милого существа, поведал философ.

– Спереди или сзади?! – Виолетта захохотала так заразительно и звонко, что это уже тянуло на статью Административного кодекса «Нарушение общественного порядка», если учесть тот факт, что было уже далеко за полночь.

Глава 29. Лёгкие моральные увечья ради доступа к телу темпераментной хозяйки

Укротив эмоции, в безнадёжной попытке придать лицу парламентское выражение, Виолетта, видя постную физиономию потерпевшего, вынужденного надуть себе лежбище, поддела:

– А давай, я буду называть тебя Жульбарсом?! Жульбарс звучит намного приятней,

чем какой-то там Жундя-Бальдя...

– С условием, что ты восстановишь статус-кво и вынесешь эту субмарину на балкон, – выдвинул ультиматум новоявленный Жульбарс.

– Ангелочек ты мой, в моей квартире условия может ставить только хозяйка, но никак не дядя с подворотни!

– Ангелами могут быть только дети или покойная тёща, – напомнил гость, заметив с напускной обидой: – Мало того, что меня обозвали Жульбарсом, к тому же я, как дурак, должен надуть этот чёртов матрас, – не желая мириться со своим бедственным положением, сетовал на судьбу и на него-степриимство хозяйки гость.

– Можешь надуть, как умный, – Виолетта издевательски надула щёки, изображая этот незамысловатый процесс.

– Значит, я должен рвать лёгкие, чтобы, как бездомный, спать на полу?! – Жульдя-Бандя сиротливым просящим взглядом окинул источающую флюиды молодую женщину. – Рядом сочная, как каракалпакская дыня, вкусная, как иранский персик, – он, дабы подчеркнуть это, поцеловал объединённые в тройственный союз указательный, большой и средний пальцы, распустив их затем, как розовый бутон. – Мягкая, как шерсть меринуса, изящная, как бахчисарайский фонтан, неприступная, как статуя Свободы, женщина, а я, извините, будто наказанный...

– А ты хотел баички на кровати?! – Виолетта, сжав губы, издевательски сощурила глазки, сокрывая накопленный в слюнных железах яд.

Жульдя-Бандя кивнул, не питая иллюзий на то, что ему посчастливится «бросить кости» в хозяйском ложе.

– Нет – ты серьёзно хочешь спать на кровати?!

Претендент снова кивнул с ещё меньшей перспективой разделить ложе с молодой привлекательной женщиной.

– Ты хорошо подумал?!

Жульдя-Бандя машинально кивнул, и вовсе потеряв надежду.

– А ты скажи: «Я хочу спатки на кровати», – Виолетта покинула «насест», подошла к кровати, скинула покрывало, подбивая подушки, показывая сим, что готова ко сну.

– Я хочу спатки на кровати! – равнодушно выдохнул гость, утратив надежду окончательно.

– Нет, ты скажи с выражением, а то можно подумать, что ты всё-таки хочешь спатки на матрасе, а тебя заставляют спатки на кровати, – Виолетта повернулась к претенденту на хозяйское ложе, дабы лицезреть унижения молодого самца.

– Я очень, ну просто очень, хотел бы спатки на этой чёртовой кровати!

– Очень-преочень?!

– Аж в грудях печёт!

– Нет, ты скажи: «Очень-преочень, и не на чёртовой, а просто на кровати».

У Жюльди-Банди затеплилась надежда, как у хватающегося за соломинку утопающего. Он осиротил кресло: пав на колени, скрестил на груди руки, как вымаливающий прощения неверный супруг, и заискивающим голоском «запел»:

– Я очень, очень-преочень хочу спатки на маминой кровати!

– А ты хочешь спатки на маминой кровати один или с мамочкой?!

– От этих слов у «сыночка» в одно мгновение «проснулся» детородный орган, чего не смогла не заметить мамочка.

– Конечно, с мамочкой.

– Так бы сразу и сказал, а то всё вокруг да около.

Мамочка небрежно сбросила с себя халатик, оставшись лишь в золотой цепочке на шее. Подойдя к выключателю, который был почему-то в противоположном конце комнаты

за книжным шкафом, мановением пальчика погрузила опочивальню в приятный полумрак.

Пробивающиеся сквозь гардины от фонарного столба лучи света растворяли тьму, и Виолетта уже более походила на порочную Венеру.

Обнаружив «останки» гостя под одеялом, она «нырнула» к нему, шёпотом тревожа тишину:

– А ты что здесь делаешь? А это что за безобразие?

Она сжала рукою «безобразие», к этому моменту достигшее самого безобразного состояния.

– Я надеюсь, ты не сексуальный маньяк? – вероятно, надеясь именно на это, прошипела на ухо своему постояльцу Венера.

– Нет – обнаковенный, – явно соврал тот, обеими руками с усердием массируя трепетную грудь....

Глава 30. Экскурсия в типографию

Проснувшись с первыми лучами светила, наш неутомимый искатель приключений посмотрел на спящую красавицу. Он пришёл к нерушимому заключению о том, что вечером, в сиротливом свете восковой свечи или подглядывающих сквозь шторы лучах одинокого фонарного столба, женщины выглядят привлекательнее и заманчивее, нежели утром, как в предрассветной мгле свалившаяся с насеста или жердины испуганная курица, с всклокоченными и растрёпанными волосами.

Слегка подуставший от бурной ночи Жульдя-Бандя принялся набрасывать на листке воззвание к хворым и немощным.

Виолетта, проснувшись, свершила утренний моцион. С мраморным ликом, будто прощаясь, протянула брикетик четвертных.

– Оправдаю, отслужу, отстрадаю, отсижу (Л. Филатов), – не скрывая радости, торжественно пообещал Жульдя-Бандя, определив деньги в дипломат.

Прощаясь с Виолеттой, чмокнул её в щёчку, запеленав сие в поэтическую фланельку:

– Я её целовал, уходя на работу, а себя, как всегда, целовать забывал (В. Трошин).

– Та, бедненький, – она отправила сочувственный взор

своему неугомонному гостю...

Безжалостно пожирая ногами ступенки, наш неуёмный Дон Жуан скатился вниз...

...Типография была в двух кварталах от дома, куда он и направился, чтобы придать своему детищу благородные формы.

Он, насвистывая «Турецкий марш» Моцарта, грудью разверзал глупую атмосферу. Беззаботно мотылял дипломатом, в прекрасном настроении от того, что Виолетта выделила на организационные расходы целых три тысячи, которые копила в надежде приобрести подержанный автомобиль. К слову сказать, деньги до знакомства с бродячим шарлатаном были неприкосновенны. Именно по этой причине стиральную машину она приобрела в кредит, в чём отсутствовала логика.

Он упивался гостеприимством праматери городов и щедростью и доступностью одной из его дочерей. «Получил кредит вместе с кредиторшей», – радовался, как дитя, ветреный повеса.

Редактор, читая текст, с трудом справился с собой, дабы предательской улыбкой не выдать своего отношения к «потомственному магистру третьей степени посвящения», больше походившему на самого обыкновенного жулика.

Впрочем, ему было глубоко наплевать на условности, а больше интересовала сумма гонорара. По предложению редактора, в черновик были внесены некоторые изменения. Жульдя-Бандя стал «Народным целителем международно-

го класса», «Потомственным магистром третьей степени посвящения» и «Заслуженным экстрасенсом», а не наоборот.

Размножив афишу до двадцати экземпляров, редактор, вручая заказчику, объявил, уменьшительно-ласкательно напевая, как напевают пред тем, как облапошить:

– Семь рубликов за экземплярчик. Сто сорок рубликов за заказик: афиши выполнены на лощёной бумаге, – напомнил он.

– Сто сорок рублёв?!

– Сто сорок рубликов, – согласился редактор, снова уменьшительно-ласкательно смягчая приговор.

– Сто сорок рублёв – на постройку кораблёв, – с грустью констатировал целитель. – Это же месячная зарплата целого академика!

– Мне их от всего сердца жаль! – редактор соболезнующим взглядом посмотрел на заказчика, которого ему, по всей видимости, было жаль не меньше, нежели академиков.

– Может, всё-таки попытаемся найти компромисс? – в надежде сохранить часть выделенных Виолеттой бюджетных средств, жалостливо вопрошал заказчик, которому сумма в сто рубликов импонировала больше.

– Компромисс нужен в постели, чтобы согласовать вождения и позы, – улыбаясь, промычал редактор, крайне довольный своим остроумием.

– Одним словом – торга не будет? – с грустью заключил Жульдя-Бандя.

– Вы необыкновенно проницательны, – заметил редактор, принимая деньги. – У вас феноменальные экстрасенсорные способности. Нужно будет сходить на ваше... действо. Где оно, если не секрет, будет? В Херсоне?! – редактор с таким удивлением посмотрел на заказчика, будто тот сказал: «На Земле Франца-Иосифа».

Глава 31. Поездка в Херсон

Не теряя ни минуты драгоценного времени, магистр подался на автовокзал с целью поскорее достичь вожделенного Херсона.

В «Икарусе», который по возрасту был едва ли моложе его самого, Жульдя-Бандя, небрежно откинувшись в кресле, почувствовал, что проваливается, по причине неисправности фиксатора спинки. Обернулся с тем, чтобы определить степень возможного ущерба, нанесённого девице, бесстрашно дожидавшейся освобождения.

– Девушка, я случайно не ущемил вашего личного достоинства? – придав креслу вертикальное положение, виновато вопрошал пассажир, подозрительно осматривая внушительную величину «личного достоинства» соседки сзади.

Та хихикнула, сверкнув золотыми фиксами верхних передних зубов, прекрасно уловив смысл вопроса.

– Случайно – нет.

Жульдя-Бандя улыбнулся; пытаюсь загладить вину, оросил невинное создание лёгким дождичком комплиментов, но орошать комплиментами, выворачивая голову, было несподручно, и, сетуя на судьбу-злодейку, целитель принял-ся вынашивать план дальнейших действий...

...В Херсоне, получив от сердобольных горожан информацию о зрелищных залах, остановился на клубе работников

морского транспорта, рассчитывая на то, что в клубе, который по статусу ниже кинотеатра, будет легче договориться.

Директриса клуба – приятная шатеночка предбальзаковского возраста, сначала с недоверием отнеслась к столь необычному предложению. Она тщательно изучила документы пришельца, сохраняя, до времени, нейтральную позицию.

Бутылка семизвёздочного коньяка и коробка конфет сложили хрупкую нежную женскую натуру, к тому же, со стороны закона здесь всё было чисто, хотя она искренне сомневалась в целительских способностях молодого человека.

Условились на том, что будет проведено два сеанса, причём первый – благотворительный, с тем, чтобы население, желающее бесплатно оздоровить с успехом запущенное здоровье, успело утвердиться в экстрасенсорных способностях магистра.

Прощаясь, целитель одарил директрису комплиментом: он искренне удивил её тем, что та похожа на Мирей Матьё, хотя у них была довольно сомнительная схожесть. Директрисе это всё равно было приятно, и, после того как молодой человек поцеловал ей ручку, она предложила помощь в расклеивании афиш.

Глава 32. Возвращение блудного целителя. Подготовка к священнодействию – первой херсонской гастроли

В Одессу Жюльдя-Бандя вернулся вечером. Виолетта встретила его с оттенком иронии на лице:

– Ну что, Айболит?!

– Всё хорошо, прекрасная маркиза, всё хорошо, всё хорошо! – прощаясь со штиблетами, пропел тот.

– И кто ты у нас теперь – застуженный магистр?

– Народный целитель международного класса, потомственный магистр третьей степени посвящения и заслуженный экстрасенс, – Жюльдя-Бандя сказал это с такой помпой, будто он в кадлушке пересёк атлантический океан.

Виолетта хихикнула:

– Послушай, Айболит. А не лучше было бы проще и понятнее «Застуженный мастер с понтом, трижды орденоспец и великий шарлатан международного класса»?..

– Не лучше, – сухо оборвал постоялец. – Херсонцы менее восприимчивы к юмору, и это может вызвать нездоровый интерес к моей оздоровительной кампании у работников внутренних органов. Впрочем, изолировать здорового целителя от нездорового общества – много ума не надо.

– Естественно, – согласилась с железным аргументом сумасбродного постояльца Виолетта, приложив немалые усилия для того, чтобы не рассмеяться...

...Предстоящая неделя прошла в организационных хлопотах, где пришлось немало потрудиться с группой исцеляемых из семи человек, в которую входило два дублёра: на непредвиденный случай, поскольку благонадёжной была только баба Рита, из вредных привычек к старости сохранившая только курение табака, что похмельного синдрома не вызывало.

Утром, в день выезда, двое из основного состава исцеляемых прибыли явно не в форме, и в них более угадывались пьяницы, нежели хворые и немощные, коих те должны были изображать во время представления.

Целитель, как те ни обещали протрезветь к началу сеанса, был сух и непреклонен:

– У нас серьёзная фирма, и я не потерплю пьянства на рабочем месте! Вы уволены по тридцать третьей статье – за прогул! Прощайте, господа!

«Господа», более отягощённые проблемой опохмелиться, нежели несколько часов трястись в автобусе, равнодушно отбыли в сторону пивнушки, где шансов было больше.

Глава 33. Благотворительная кампания по исцелению жителей Херсона

Виолетта, искренне опасаясь потерять свои деньги, принимала самое активное участие в подборе и подготовке актёров. Среди них был и профессиональный драматический – Семён Мащенко, уволенный из театра по той же причине. Она всю дорогу переживала за исход спектакля, где могла понести значительные для её скудного бюджета финансовые потери.

Впрочем, тревога была напрасной. Хотя дублёр – дворник по прозвищу Цыбуля, по известной причине перешедший в основной состав группы, чересчур резво избавился от наследственного дрожательного паралича. Заметим, что в мировой медицинской практике это произошло впервые – в клубе работников морского транспорта города Херсона. К тому же, по контракту он должен был избавиться от трясучки только головы, а руками всё же подёргивать, но не столь интенсивно.

«Парализованный» Семён Мащенко, коего, как покойника для отпевания, не без помощи сердобольных и наивных херсонцев, доставили на носилках на сцену, напротив, избавлялся от хвори так мучительно и долго, что магистр, кол-

дую над омертвелым телом, незаметно ущипнул его за руку. Сеня понял это превратно и стал исцеляться ещё медленнее.

Зато он так правдоподобно, с невероятным усилием поднимал отяжелевшие от паралича руки, роняя слёзы счастья на сцену клуба, что директриса, уверовав в магическую силу экстрасенса, принялась звонить в Тернополь страдающей от бесплодия двоюродной сестре и мучившейся здесь же, в Херсоне, запорами тётке...

В конце своего оздоровительного спектакля магистр третьей степени посвящения провёл получасовой сеанс массового оздоровления.

– Я попрошу остаться в зале только тех, кто действительно хочет исцелиться, – сурово предупредил он. – Пассивных зрителей и ротозеев я покорнейше прошу удалиться.

В зале одобрительно закудахтали.

Магистр, для начала, заставил подопытных то дышать глубоко, то не дышать вовсе, то засыпать, отчего старуха на третьем ряду и самом деле заснула, и её под смех сограждан пришлось будить.

В артистическом экстазе Жульдя-Бандя и впрямь уверовал в себя как в целителя. Он стал похож на графа Калиостро, с той лишь разницей, что, по заверениям последнего, тот прожил две тысячи лет и был в близких сношениях с Александром Македонским.

Впрочем, мудрая Екатерина быстро раскусила странствующего шарлатана из Палермо – Джузеппе Бальзамо, и его с

треском вытурили из Санкт-Петербурга.

Нашему целителю повезло меньше: он прожил тридцать три с хвостиком и в близких сношениях не был даже с Наполеоном, не говоря уже об Иване Грозном, разве что с сидящей рядом помощницей – Виолеттой.

Тут свет в зрительном зале померк, что было достигнуто чудотворной рукой электрика Петровича. Вдруг целитель возгорелся кровавым цветом, ниспосланным фонарями софитов. В алом перекрестье лучей от него тотчас повеяло магией. Завораживающий, интригующий запах фимиама, заполняя пространство, устремился на галёрку. Запахами, кстати, также заведовал Петрович.

Он был мастером на все руки, и директрисе не было нужды держать ни плотника, ни сантехника, ни даже осветителя сцены. Поэтому Петровичу прощались некоторые нарушения трудовой дисциплины, когда он четыре дня поминал тёщу, хотя за это время их можно было помянуть дюжину, и целую неделю кота Базилио, которого пришлось усыпить, дабы отвратить старческие мучения животного.

В молчаливой торжественности Жульдя-Бандя, подъявши руки, созерцал зал. Молчание всегда несёт величину недосказанности, интриги, завораживающей таинственности. Дабы не отставать от классических способов одурманивания, он стал аккомпанировать тишине руками, ещё больше нагнетая градус магической напряжённости, как все без исключения колдуны, гадалки, ясновидящие, экстрасенсы.

Не ведая для чего, он приказал присутствующим в зале вдохнуть побольше воздуха и произносить букву «р», начиная с пиано и заканчивая форте. Говорят, что рокот был слышен даже на пристани и многие подумали, что это американские бомбардировщики.

Но самое удивительное было в том, что дети, присутствовавшие в зале, после этого «зарррычали». «Зарычала» и Фима Чернецкая, от которой, к её 68 годам, никому ранее не доводилось услышать восемнадцатой буквы кириллицы.

Уверовавший в свои экстрасенсорные способности окончательно, целитель, мощным тенором разверзая утробу клуба работников морского транспорта, возгласил:

– Внимание! Каждый из присутствующих в зале смотрит только на меня! Я буду заряжать вас своей энергией! Внимание только на меня! – он с каждой фразой возвышал голос, с каждым возвышением усугубляя величину магической торжественности.

Тут зал вспыхнул пожаром из жёлтых фонарей рампы, что вызвало ошеломление у утомлённых мраком зрителей. Через секунду помещение вновь погрузилось в кровавую неизвестность.

В зале воцарилась гробовая тишина. Целитель поднял руки ладонями к зрителям, медленно и натруженно отталкивая энергию потенциальным её получателям.

– У меня зарядилась батарейка на часах! – донёсся из глубины зала мужской голос, что вызвало лёгкий шелест. – Они

утром остановились! Они идут!

Этот голос не принадлежал ни одному из его подопечных, к тому же сие не было предусмотрено и сценарием.

Жульдя-Бандя почувствовал, что волосы на голове вздыбились, и он уверовал в свои экстрасенсорные способности с тою определённой и окончательностью, с которой ортодоксальные евреи веруют в приход антихриста.

– Внимание! – уже воскричал целитель, имея на это полное право. – Смотрим только на меня!

Он стал с такой силой отталкивать энергию, что со стороны казалось, что он пытается сдвинуть с места бульдозер. Капли пота стекали с его благородного лба, и Виолетте, которая была помощницей, на миг показалось, что она переспала с демоном.

Директриса клуба, украдкой взглянув на часы, заметила, что те, наоборот, остановились. Она, в суете от предстоящего мероприятия, просто забыла их завести, но отнесла это в заслугу целителю. И опять начала звонить двоюродной сестре в Тернополь с обнадеживающей вестью.

После этой процедуры невысокий мужичок на первых рядах публично признался, что избавился, наконец, от алкогольной зависимости и с презрением относится к водке, которую он до недавнего времени благодетельствовал, и пообещал пригласить на следующий сеанс собутыльников. Польщённый экстрасенс, в свою очередь, гарантировал в качестве исключения принять их бесплатно.

Мужичку подыграла баба Рита. Она, выйдя на сцену, торжественно и цинично растоптала пачку «Беломора». Рассказала душераздирающую историю о собаке, вытащившей её из горящей избы, когда она была ещё ребёнком. Вытирая нахлынувшие слёзы, поведала о том, как закурила после того, как во время второго голодомора им пришлось её съесть.

История настолько тронула присутствующих, что курить бросили все, даже директриса клуба работников морского транспорта. Но самым невероятным было то, что баба Рита и в самом деле «бросила курить», поскольку её уже третьего дня отпевали в храме Святого архангела Михаила.

В завершение целитель стал отвечать на записки зрителей, принимаемые Виолеттой. Помощница откладывала в сторону явно провокационные либо те, на которых тот, по её мнению, мог элементарно проколоться.

– Гражданка спрашивает: «Как вылечить бесплодие у сестры?»

Без сомнения, эта записка принадлежала перу директрисы клуба работников морского транспорта, но об этом целитель пока знать не мог.

– ...Конечно же, всё зависит от степени запущенности заболевания... и от возраста.

Помощница, прекрасно уловив завуалированный намёк, незаметно стукнула его локтем по ноге, поскольку тот отвечал на вопросы стоя.

– Попробовать можно... Но сначала нужно исцелить ду-

шу.

– Как её исцеляют?! – годов двадцати рыжеволосая девица с первого ряда, видимо, поняв свою оплошность, осталась недвижимой, как застигнутая врасплох воровка.

– Нужно исповедоваться у пастыря, – Жульдя-Бандя косым взглядом, дабы не акцентировать на ней внимания, определил, что священник должен обладать огромным терпением, чтобы выслушать её долгое покаяние.

Виолетта, передавая целителю очередную записку, ядовито улыбнувшись, прошипела:

– Козёл, я тебе попробую! – к этому она незаметно кольнула его коготком указательного пальца в ладонь.

– Гражданин спрашивает: «Как вылечить простатит?» – как ни в чём не бывало, продолжал знахарь, знания которого сводились лишь к тому, что простатит будто бы имеет отношение к мужским болезням. – На стакан утренней мочи молодого поросёнка, желательно не старше полутора месяцев, – бесстрашно колдовал целитель, зная совершенно точно, что уринотерапия если не принесёт пользы, то и вреда тоже, – столовую ложку гречишного меда, двадцать граммов рыбьего жира, чайную ложку порошка из высушенных и перетёртых муравьев. Залить стаканом этилового спирта, заполнить перегородками из грецких орехов и настоять две недели. «Пожалуй, хватит», – решил целитель.

– А как принимать? – донёсся из глубины зала мужской голос, наверняка, родителя сего послания.

– По чайной ложке, перед едой, – пожалел подопытного Жульдя-Бандя, уловив боковым зрением взгляд помощницы, которая, не без основания, опасалась, что на очередной сеанс коллективного оздоровления явятся и работники правоохранительных органов для оздоровления самого лекаря.

Глава 34. Сепаратные переговоры по поводу лечения бесплодия у двоюродной сестры директрисы клуба работников морского транспорта

После успешного благотворительного спектакля Жульдя-Бандя обсудил с директрисой детали очередного коммерческого исцеления херсонцев. Действо решено было провести через неделю.

Клара, как звали директрису, с лёгкой руки магистра ставшая Кларою Цеткин, обратилась с личной просьбой, в чём он, по понятным причинам, отказать не мог. Вопрос касался бесплодия её двоюродной сестры, которая семь лет в браке не могла зачать ребёнка.

Магистр тяжело вздохнул, потом столь же тяжело выдохнул, надувая при этом щёки. Под этим разумелось, что лечение бесплодия – процесс более кропотливый, нежели диареи.

Клара, планировавшая вылечить ещё и страдающую запорами тётку, после тяжёлого вдоха и столь же тяжёлого выдоха целителя от тётки решила всё же отказать.

– Не исключено, что она несёт чьё-то проклятие, – пред-

положил целитель, сделавшись серьёзным, поскольку этим самым лечение усложнялось. – А может, поработала чёрная магия, – он, казалось, побледнел в этот момент, хотя бледность ему придала заслонившая солнце дождевая свинцовая туча.

– А расколдовать можно?! – Клара жалостливо посмотрела в глаза целителю.

– Сделаю всё, от меня зависящее! – торжественно пообещал Жюльдя-Бандя, пока ещё плохо представляя – что именно. – Лечить буду на третий день после того, как проведу сеанс здесь, в клубе. Магистр ткнул пальцем почему-то в край стола.

Клара, решившая, что он намерен лечить сестру на столе в её же кабинете, робко спросила:

– Лечить здесь?

– Не обязательно здесь. Для этого мне нужна комната с топчаном или кроватью.

«Лучше, конечно, с кроватью», – подумал целитель, у которого стал созревать план, с помощью которого он собирался изгонять демонов из тела страждущей.

Жюльдя-Бандя, дабы придать изгнанию бесов из сестры директрисы мистическое оформление, без чего не может обойтись ни один ритуал, потребовал, чтобы все фотографии в альбомах, в которых, кроме неё, присутствует ещё кто-либо, независимо – мужчины или женщины, были, начиная со дня её отъезда, перевернуты обратной стороной налицо.

– И ещё, – экстрасенс поднял палец, что подчёркивало значимость того, что будет сказано. – Нужно будет принести в жилище белого кота: важно то – устремится он к выходу или, наоборот, – станет разгуливать по комнатам. Если устремится к выходу, нужно будет, чтобы в день приезда в комнате, в которой я буду проводить сеанс, было: тринадцать белых роз, – целитель загнул мизинец, – тринадцать свечей...

– Минутку, я лучше запишу, – опасаясь что-либо пропустить или перепутать, Клара дрожащей от волнения рукой стала записывать.

– Тринадцать апельсинов, – целитель загнул вкупе со средним три пальца. –

Тринадцать подсвечников и... тринадцать пивок...

– Живых?! – женщина с отвращением отметила и их. – А если кошка не убежит?! – директриса вопрошающе подняла голову.

– Если не убежит – то же самое, только по двенадцать!

– И пивок двенадцать?!

– И пивок, – утвердительно кивнул экстрасенс. – Да, кстати, ей нужно будет исповедаться у пастыря!

– У попа?! – Клара повернула голову, записала и опять повернула: – До кота или после?

– В любое время, но – чем раньше, тем лучше!

Глава 35. Возвращение выездной бригады целителей в Одессу

По дороге в Одессу слегка подуставший, но вполне удовлетворённый успешно проведённым оздоровительным сеансом Жюльдя-Бандя равнодушно выслушивал критические замечания помощницы. Она была не в курсе, что тот собрался лечить от бесплодия двоюродную сестру директрисы клуба работников морского транспорта.

– Экстрасекс хренов, – как строгая мамаша потаскуху-дочку отчитывала Виолетта народного целителя международного класса, – сестру, видишь ли, подавай ему..попробовать!

– Не попробовать, а попробовать излечить от бесплодия, – уточнил обвиняемый.

– И как бы ты её излечивал?!

– Ну, есть много способов...

– Очень много, – согласилась истица, – но ты, кажется, знаком только с одним...

– А может, этот один, – перешёл в контрнаступление Жюльдя-Бандя, став на защиту собственного достоинства, – как раз-таки и был бы самым эффективным.

– Ну, конечно, – с сарказмом согласилась женщина. – Слушайте, вы, – перешла она на дипломатический, усиливая количество яда в своём повествовании. – Как вас там – гражд-

данин Коновалов-Бортников?!

– Бортник-Коновалов, – опротестовал приговор Жульдя-Бандя.

– Вот-вот. А вам не кажется, что в вашем гениальном рецепте, предложенном для лечения простатита, не хватает куриного помёта? – Виолетта улыбнулась, поражаясь дикой наивности сограждан. – Неужели найдётся идиот, который станет пить эту гадость?

– Будем надеяться.

– Будем надеяться?! Будем надеяться на что?! – собеседница испепеляюще-насмешливым взглядом посмотрела в очи целителю. – На то, что будут или не будут пить?..

– На то, что поможет, – он сказал это с серьёзностью гадалки, устраняющей соперницу у мужа очередной отчаявшейся клиентки.

– Без куриного помёта не поможет! – Виолетта захохотала, обратив на себя взгляды пассажиров автобуса....

Глава 36. Спектакль тот же. Часть вторая

Очередная неделя прошла в томительном ожидании, потому что на этот раз на афишах вместо демократичного и ласкающего глаз – «вход бесплатный», стояло грубое и циничное – «цена билета – 100 рублей». Действительность с лёгкостью поглотила этот крохотный промежуток времени, оставив его для истории...

...Обновлённая группа актёров очередного спектакля рано утром погрузилась в тот же замученный «Икарус», в чреве которого не так давно произошло ущемление личного достоинства гражданки N.

Впрочем, Сеня Мащенко, гарантировавший полное перевоплощение, с учётом прежних заслуг всё же был оставлен. В качестве инвентаря у него на этот раз были костыли и складная инвалидная коляска.

Жульдя-Бандя всю дорогу пребывал в каком-то нервном напряжении. Виолетта же, не сомневавшаяся нисколько в успехе мероприятия, шутила и всячески подбадривала компаньона. Она, вероятно, забыла о сестре директрисы клуба работников морского транспорта, которую тот хотел «попробовать» излечить.

Приезд в Херсон был омрачён пропажей Сени Мащенко – одного из главных исцеляемых, что повергло в шок маги-

стра третьей степени посвящения. Вид его едва дотягивал до ученика магистра. Он стал бледен, как стена, и Виолетта, отчётливо понимая, что под угрозой поставлен не только сеанс массового оздоровления херсонцев, но и денежные средства, вложенные ею в мероприятие, повела всех в буфет автовокзала.

Заказала каждому по паре бутербродов с ветчиной, целителю – рюмку успокоительного, в чём было категорически отказано остальным.

Жульдя-Бандя под второй бутерброд попросил добавку, в чём ему на этот раз было также отказано, – чтобы не переуспокоился. В этот момент к столику подошёл бородатый старичок, явно из пролетариев. Всем своим видом он показывал, что без угощения не уйдёт.

Виолетта протянула старику свой бутерброд, вежливо отесняя его к другому столику, поскольку тот, определённо, претендовал не только на угощение, но и на вечную дружбу.

Тут целитель захохотал так откровенно, громко и честно, что сержантик милиции, возле центрального входа, заподозрил в этом нарушение общественного порядка. Тужась соотносить какую-нибудь статью под это нарушение, всё же остался недвижим, поскольку смеяться пока ещё не запретили даже в общественных местах.

Следом захохотали все члены выездной бригады, а это уже пахивало несанкционированным смехом, совершенным группой лиц. Однако свара с потасовкой на перроне, где

два таксиста не смогли поделить одного пассажира, которому было глубоко наплевать, с кем ехать, уже тянула на статью уголовного кодекса, пред которым административный казался лёгким недоразумением, и блюститель потрусил туда.

Причиной смеха, как вскоре выяснилось, был Сенька Мащенко, который, как и обещал, перевоплотился в старика. Теперь стало понятно – почему тот разместился в автобусе позади остальных.

Видя, что целитель в форме, Виолетта, утробно перекрестившись, облегчённо выдохнула...

Сеанс массового оздоровления прошёл блестяще. Старуха в правом крыле зала, у которой после оздоровления пропал склероз, в благодарность поднесла десяток яичек и пучок редиски. Бедняга лишь через тринадцать лет вспомнила о долге в семнадцать рублей от золовки, умело воспользовавшейся её недугом.

Признательная старуха вручила всё это публично, пеленая знахаря радужными эпитетами, но, вспомнив, что забыла выключить духовку, в которой пеклась родительница яичек, стрелой помчалась прочь.

Следом за старухой на сцену поднялся широкоплечий мужчина, наверняка работник морского транспорта, с сумкой в руке. Выложил на стол свиной копчёный окорок, банку солёных помидоров и четверть с капроновой крышкой и светло-коричневой жидкостью внутри.

– Это вам, – он подвинул всё к целителю, чтобы сидящая

рядом помощница не приняла сие на свой счёт. – Кум передал. Вылечил простатит. Только заместо водки, – мужичок ткнул пальцем в банку, – «Святая вода» на ореховых перегородках! – с гордостью поведал он, что, по всей видимости, увеличивало стоимость и значимость продукта.

Зал умилительно улыбался, услышав столь оригинальное название самогона. Без сомнения, добродушные улыбки дали свой положительный оздоровительный эффект...

– ...Ого, – семь тысяч девятьсот пятьдесят рублей! – восторгалась Виолетта, пересчитав гонорар, ещё не ведая о том, что у целителя через три дня очередной внеплановый сеанс по лечению бесплодия у двоюродной сестры директрисы.

Та сообщила, что сестра следующим днём выезжает из Тернополя, сделав всё, как тот велел, и, почему-то покраснев, добавила:

– Я очень надеюсь.

Жульдя-Бандя рассчитался с актёрами, выдав три сотни Сеньке, остальным – по полтора ста, вдобавок – пучок редиски, банку солёных помидоров, яйца от сердобольной старухи и четверть самогона, чему артисты обрадовались более всего.

Себе оставил свиной окорочок. Деньги поделили поровну, за вычетом внесённых Виолеттой.

– Ваши пять тысяч рублёв на постройку кораблёв, – он протянул ей пресс четвертных. – Двести листиков, пересчитайте!

Виолетта дрожащими руками, поскольку две тысячи могла заработать за лотком не менее чем за год, стала пересчитывать, постоянно сбиваясь. Жюльдя-Бандя помог, откладывая стопками по 10 купюр в каждой.

– Всё честно?

– Как в аптеке!

– Я тебя когда-нибудь обманывал?!

– Ни разу в жизни! – честно призналась Виолетта с гордостью, будто разделила с ним, как минимум, её половину. – Никогда не думала, что ввяжусь в такую авантюру, – всё ещё не веря в успех, покачала головой помощница, свершив погребение ассигнаций в косметичку, которая стала похожа на нагулявшего жир тюленя.

– Никакой авантюры, – опротестовал целитель скоропостижные выводы помощницы. – Склероз вылечил? Вылечил, – он загнул мизинец. – Этот, как его...

– Простатит, – подсказала экс-помощница.

– Тоже вылечил, – безымянный палец составил компанию мизинцу. – Но самое главное – я, будучи в интимных отношениях с магией, вселил в грешные души людей надежду. Надежда – мой компас земной, а удача – награда за смелость (Н. Добронравов), – пропел магистр...

– Гореть тебе в аду. – Виолетта покачала головой. – В рай тебе дорога заказана!

Жюльдя-Бандя улыбнулся:

– Виолетточка, дружочек, что в этом раю делать посреди

унылых сердобольных и законопослушных праведников. Аж противно... поговорить не с кем. Я тебе скажу одну вещь – только ты не обижайся.

Та кивнула.

Собеседник саркастически подметил:

– Меня утешает то, что праведников и грешников везут на кладбище по одной дороге.

– А душа?! – Виолетта выкрутила шею, оставив на лице знак вопроса.

– А меж тем я чист, как изумруд, и в душе святого –дох... я.

– Ты сказал матом?! – она брезгливо сморщила лобик, будто мат от живого человека услышала впервые.

– Не я – друг моего несостоявшегося детства, дважды еврей Советского Союза и трижды орденпросец – товарищ Губерман.

– Нет, тебе нужно срочно идти в церковь: исповедаться и причаститься... – Виолетта почесала за ушком, выражая лёгкую степень сомнения, – или причаститься, потом исповедаться.

– Молиться в храм ходят те, кто уже не в состоянии грешить, – ехидно улыбаясь, заключил Жульдя-Бандя, прибавив: – в церковь я могу привести только тело, душа на это согласия пока не давала....

Глава 37. Праздничная «обедня» во здравие доверчивых херсонцев

В какой-то момент Жульдя-Бандя почувствовал стенания вопиющего желудка.

– Я жрать хочу, как семеро козлят! – улыбаясь, объявил он, цинично присвоив частицу интеллектуальной собственности ветхозаветных сказочников – братьев Grimm. – У меня появилась грандиозная идея! Ты, – он ткнул пальцем в обладательницу местоимения, – медленно и печально перемещаешься на кухню и тонким слоем нарезаешь окорочок...

– Как скажете, мой повелитель! – Виолетта раболепно сомкнула перед грудью ладошки, сопроводив это наклоном головы.

– А я пойду, возьму бутылочку коньячка... за ваш счёт.

– Это как же, мать вашу, извиняюсь, понимать? – она из рабыни преобразилась в повелительницу.

– Впрочем, – вспомнил магистр, – ты, кажется, давала маме обещание, что в рот не возьмёшь...

– Сегодня, ради такого случая, я нарушу свой обет...

– И возьмёшь?!

– И выпью! – хозяйка погрозила пальчиком бесшабашному постояльцу. – Только мне до конца не ясно – почему за мой счёт? – выказала она лёгкое недоумение. – Сегодня что – День защиты детей?..

– Сегодня – день защиты философов! Закуска моя? А отрицать тот факт, что копчёный окорок был подарен мне, было бы крайним невежеством, поэтому прошу профинансировать закупку бутылки коньяка в количестве одной штуки.

Жульдя-Бандя по-отечески провёл рукой по плечу помощницы: – Мы должны вместе разделить тяжкое бремя праздника.

– А тебе не будет стыдно пить коньяк за счёт женщины?! – подавая червонец, ехидно поинтересовалась бывшая её обладательница.

– Будет, – честно признался философ, – более того, я, возможно, никогда не смогу себе этого простить, и меня до конца жизни будут терзать угрызения. – Он со вздохом принял купюру, обрекая себя на пожизненное мученичество.

– Возьми батон и колбаски, – провожая в магазин экс-целителя, напутствовала Виолетта, дабы тот вместе с ней разделит тяжкое бремя праздника.

– Докторской?!

– Айболитовской! – она хихикнула, поражаясь обострившемуся чувству юмора, чего ранее за собой не замечала. – Палочку сырокопчёнки!

– А может, просто, по-нашему, как в старые добрые времена – пожарим яишнички? – с тем, чтобы тяжкое бремя праздника взвалить только на Виолетту, предложил Жульдя-Бандя.

– Коньяк с яишницей?! – Виолетта брезгливо посмотрела

на квартиранта, будто тот предложил жареных опарышей.

– А что плохого тебе сделали яйца. Яйца, значит, не заслужили? Человечество миллионы лет пожирает яйца! – вступился за куриное потомство и за всё пернатое сообщество орнитолог.

– Не заслужили!

– Не надо по яйцам судить о человеке! – выдал философ афоризм, ранее не встречавшийся в стройных шеренгах новорождённых мыслей у соратников по жанру.

Виолетта засмеялась, вытесняя из квартиры философа, поскольку тот, прелюбомудрствуя, уже успел забыть о желудке.

– На сырокопчёнку денег не хватит, – сетовал главный специалист по мелким поручениям, выходя из квартиры.

– Свои добавишь!

– За свои и дурак купит...

...В винно-водочном отделе гастронома стоящие впереди двое мужчин возраста преклонной молодости, с очевидными признаками пролетарского происхождения, вступили друг с другом в полемику относительно выбора продукта. Один настаивал на трёх бутылках портвейна, другой в качестве альтернативы предлагал взять бутылку «Пшеничной».

– Ну и что решили?! – улыбаясь, спросила молоденькая продавщица в белом халатике, едва скрывавшем вполне сформировавшуюся попку.

– Бросить пить! – нашёлся молодой человек, коим, конеч-

но же, был наш неугомонный герой.

Продавщица захохотала так откровенно и визгливо, что со стороны могло показаться, будто в магазине лает чихуахуа. Слезы хлынули из глаз. Она, вытирая их кулачками, лишь размазывала тушь, отчего стала похожа на привидение.

Подоспевшая к ней грузная, пудов шести, напарница, которой было невтерпёж узнать о причине смеха коллеги, увидев «привидение», захохотала низким трубным голосом, опустившись на стул.

Понимая сопричастность к дезорганизации работы винно-водочного отдела, продавщица попыталась задушить смех. Подошла к прилавку. Хохот пролетариев, во главе с нарушителем спокойствия, снова разбудил эмоции. Она только и смогла вымолвить:

– Так, вам...

Женщина отвернулась, держась за живот. Подрагивающие плечи стороннему взгляду могли указать на то, что она рыдает. Подтянулись продавщицы из отделов, в которых не было покупателей, чтобы узнать о причине несанкционированного веселья.

Рыбный – напротив, хоть в нём и были покупатели, мгновенно осиротел, поскольку причина столь громкого веселья в винно-водочном заинтриговала и их. Вскоре туда подтянулись и служащие: уборщицы, фасовщицы и пр.

Велик русский язык! Какие-то два плюгавеньких, тещедушных глагола-недоросля парализовали работу магазина на

целых четверть часа. Массовая истерия овладела людьми. Прибывающие покупатели, забыв о покупках, устремлялись к винно-водочному отделу.

Наблюдая за смеющимися, коих было уже не менее полтора дюжин, начинали смеяться сами, не имея ни малейшего представления о причине, вызвавшей столь бурную реакцию.

Вероятно, на Диком Западе, где-нибудь в Париже, Лондоне или Стокгольме это не вызвало бы даже улыбки: хмурым, злым и недоверчивым европейцам незнакомо чувство юмора...

– ...Тебя только за смертью посылать! – встретила постыльца заждавшаяся Виолетта. – Заходи, кобель привязан, – она «упорхнула» на кухню, всколыхнув халатом воздух...

– Виолетта, глазки закрой, а ротик открой, – на лице квартиранта схоронилась хитринка.

Та приняла хитринку за сюрприз, поскольку в магазине был ювелирный отдел и в ротик могло попасть золотое колечко с бриллиантом или изумрудом, на худой конец, с амегистом. В трепетном волнении она зажмурила глазки, как монашка, рука которой впервые коснулась внушительного члена мужчины.

– Тю-ю, дурачок, – беззлобно выругалась она, вынимая изо рта шоколадное мороженое.

Жульдя-Бандя, наполнив крохотные, чуть больше напёрстка, рюмки вопросительно взглянул на Виолетту:

– За что выпьем?

– Только не за простуженных орденоносцев, философов, целителей, вредителей и прочих! – сурово предупредила она.

– За успешно проведённый сеанс по честному отъёму денег у граждан!..

Глава 38. Непрошенные гости

Стук в дверь – настойчивый, противный и монотонно-нудный, которым, как правило, сопровождается появление судебных приставов у очередного кредитного банкрота, оборвал трапезу в тот момент, когда опустошённые рюмки коснулись стола...

– Виля, открывай! – потребовал женский голос.

– Мы знаем, что ты дома!

– Потому что открыта балконная дверь.

– И на кухне крутится вентилятор! – разноголосицей посыпались обвинения в сторону хозяйки.

– Ничто не обходится так дорого и не ценится так дёшево, как гости, – соболезнующе заметил Жульдя-Бандя.

Виолетта, зная одесский темперамент своих друзей, тяжело вздохнув, заверила: «Они не уйдут».

Мажорное тремоло струнных аккордов за дверью, с претензией на нечто испанское, от которого испанца непременно стошнило бы, говорило о том, что осадная компания с музыкальным сопровождением.

– Виля, мы сейчас будем плохо себя вести! – пригрозил мужской голос. Видимо, его же производитель бухнул по струнам, породив нечто среднее между прологом кубинского танца, эпилогом Марсельезы и кульминацией траурного марша «Оратория Самсона» Г. Генделя в темпе allegro.

– И соседи вызовут милицию!

– И нас всех посадят в тюрьму!

– И ты вынуждена будешь носить передачи! – сыпались угрозы извне.

– Скажешь, что меня нету, – открывая дверь в ванную, прошептала Виолетта, искренне сомневаясь в том, что ей удастся схорониться от непрошенных гостей.

– А ты где?!

– Где, где – в Караганде!

– Так и сказать?!

– Скажешь: «Поехала к матери, в Раздольное...»

– А я кто?!

– Кто-кто – х...й в кожаном пальто!

– Так и сказать?

– Скажешь – брат!

– Ашот?!

Виолетта кивнула.

– Который умирал из-за одной бабы?! – вдогонку прошептал родственник на общественных началах и подался открывать дверь, так же искренне сомневаясь в том, что этот номер пройдёт.

– Кто стучится в дверь моя? Видишь, дома нет никто! – щёлкая запором замка, вопрошал Жульдя-Бандя.

На лестничной клетке теснилась компания из двух парней и трёх девиц. Волосы дам были окрашены в разные цвета. Один из парней – с гитарой в руках. Другой – светловолосый

– с сумкой, источающей запах жаркого.

– Привет, как дела? – с узбекской вежливостью, встретил непрошенных гостей Жульдя-Бандя.

– Пока не родила, – хихикнув, ответила на приветствие невысокая пухленькая девица с малиновым цветом волос и круглым крупным носом.

– Ты кто?! – среднего роста, голубоглазая, с родинкой над правой бровью, с окрашенными в чёрный цвет коротко стриженными волосами, пожалуй, самая смазливая, ткнула незнакомца пальцем в живот.

– Брат!

Та растянула в улыбке рот, искренне в этом сомневаясь.

– Не надо бабушку лохматить! – высокая, худенькая, с внушительным бюстом, вздёрнутым носиком, жгучая блондинка, по-видимому, заинтересовавшаяся новоявленным братцем, приблизилась вплотную, заглядывая в проём в поисках подруги.

Джентльмены к допросу без пристрастия не присоединились, поскольку атлетическая фигура брата нейтрализовала все претензии.

– Обманывать нехорошо! – пухленькая погрозила пальчиком, также пытаясь заглянуть в квартиру. – А где Виля?!

– Уехала на выходные в Раздельное, к матери.

– В Раздольное, – робко поправил один из джентльменов, с огромной сумкой в руках.

– Ой, брехло, ой, брехло! Она что – в домашних тапках уехала?! – указывая на две пары туфель возле дверей, усомнилась толстушечка.

– А может, он её изнасиловал и задушил? – предположила черноволосая, вопросительно скруглив брови, отчего родинка слегка переместилась вверх.

– Хорошо, если изнасиловал, а потом задушил, а если просто задушил, маньяк?! – выдвинула собственную версию блондинка, окинув сочувственным взглядом друзей.

– И её остывший труп лежит на балконе! – гитарист на верхних басовых струнах заиграл похоронный марш.

Толстушка, необыкновенно шустро для её комплекции, юркнула под рукой брата в комнату. Проследовала на балкон и, вернувшись, доложила уже вторгшейся в квартиру компании:

– Ни трупа, ни следов крови не обнаружено!

– А?..

– Следов спермы также не выявлено! – предвосхитила она вопрос одной из подруг.

Затем все вместе проследовали в поисках хозяйки на кухню.

– Тайная вечеря?! – взирая на стол, на котором красовались два прибора, тарелки с нарезанным сервелатом и пластинками копчёного окорока, предположила высокая гостья с вздёрнутым носиком, пытливо заглядывая в глаза одному из её участников.

– Очень тайная, – согласился новоявленный брат.

– Красиво жить не запретишь! – заключил с трудом втиснувшийся на кухню музыкант, изъев со стола блинчик колбаски, который тут же определил в рот.

– Остаётся проверить ванную! – брюнетка подалась к двери ванной комнаты, но её опередила толстушка, потянувшая ручку на себя. – Закрыто, – она постучала костяшками пальцев по двери: – Виля, ты живая?!

– Живая, я моюсь! – в подтверждение та зашлёпала руками по воде в ванне, в которой замачивалось бельё.

– А мы думали, тебя бритвой по горлу – и в колодец! – осмелевший окончательно гитарист снова заиграл похоронный марш, но на этот раз уже гармоническими терциями, на нижних струнах, что несколько приуменьшало степень трагичности.

Глава 39. Знакомство экс-целителя с друзьями Виолетты. Те приглашают их на дачу в Проскурино

– Виля, а что это за чудо в перьях хозяйничает в твоей квартире?!

– Это брат!

Толстушка хихикнула:

– Мы в курсе.

– Двоюродный.

– Ну, что – будем знакомиться?! – толстушка указала пальцем на гитариста, поскольку тот, будучи музыкантом, стоял среди друзей на верхней ступеньке иерархической лестницы. – Это у нас Александр!

– Первый! – гитарист протянул холёную ручку.

– Вольдемар – тоже, кстати, первый... из Парижа!

– Чё, в натуре из Парижа?! – толстушка удивлённо подняла глазки.

– Магыя лён жэне Иуан тэля пасэ! – обозначил парижанин знания французского в русской интерпретации.

Черноволосая хихикнула:

– Твою мать. И послать некого – все первые!

– Это – тоже Александр!..

– Второй! – носильщик, с достоинством фельдфебеля и

услужливостью швейцара, кивнул.

– Это Маруся.

– Марина, – поправила обладательница внушительного бюста, эротично протянув лапку.

– Это, как всегда, Ленка! – толстуха небрежно ткнула пальцем в среднего роста черноволосую голубоглазую подругу.

– Леночка, – пожелала к себе уменьшительно-ласкательного обращения та.

– Ну, а это, – толстуха коротким пухлым пальцем указала на себя, – естественно, я. Зовут меня Кэтрин...

– Катька! – отомстила за Марусю полногрудая блондинка.

– Екатерина двенадцатая, – также за «Ленку» осуществила лёгкую вендетту, голубоглазая брюнетка.

Тут из ванной выскочила купальщица, почему-то с сухими волосами, и кинулась обнимать подруг. Оставить это грандиозное событие без комментария наш герой не мог.

– Старушки с плачем обнялись и восклицанья начались (А. Пушкин)!

– Ого, среди нас поэт! – толстуха величаво, будто среди них герой Советского Союза, подняла голову, поскольку поэт был значительно выше. – Будешь нам стишки читать...

– Про любовь, – Марина нахально обняла его за талию.

– Руки прочь от Вьетнама! – Кэтрин небрежно отстранила руку подруги, отобразив на лице политическое презрение – одну из форм высшего пренебрежения, коим удостоивают-

ся валютные проститутки, изменники родины, спекулянты и кондуктора общественного транспорта.

– Виля, как ты могла?! – пристыдила хозяйку Лена, вменяя той «тайную вечерю».

– Штрафная! – вынесла приговор Кэтрин и тоном, не принимающим возражений, объявила: – Едем на дачу в Проскурино. Банщик с собой...

Носильщик постучал себя по груди. Это означало, что он выступит в почётной должности истопника бани.

Кэтрин ткнула пальцем в Виолетту:

– Купальник! – затем в поэта: – Плавки!..

– Чого нэма, того нэма, – Жульдя-Бандя виновато развёл руками.

– Хорошо – будешь в трусах!

– Можно и без трусов! – Марина обратила взор к Виолетте, дабы узнать её реакцию.

– Сама будешь без трусов!

– Как делать нечего! – согласилась Марина, переместив взгляд на «братца».

– Сучка! – лаконично определила статус подруги Виолетта. Она сделала несмелую попытку отказаться, с трудом, конечно, веруя в её успех. – А может, вы как-нибудь без нас? К тому же мы уже выпили, а в сауну по технике безопасности...

– Мы её нарушим... один раз, – вмешался Александр-второй, в поисках поддержки окинув взглядом друзей.

Лена просительно воззрилась на подругу:

– Виля – не ломайся!..

– Не рассказывай мне майсы! Помнишь, Виля, как в Херсоне мы давали изумительный гастроль! – пропел Жульдя-Бандя отрывочек из песни легендарного питерского барда.

– Александр-первый тебе массаж сделает!

– Языком! – Марина хихикнула, вонзив жало пронзительного взгляда в гитариста.

– Мы, в принципе, можем и остаться! – зашла с козырного туза толстушка, для устрашения бухнувшись в кресло.

Это менее всего входило в планы Виолетты, и она вынуждена была покориться. Кисельный «братец» с трудом скрывал радость, оказавшись в таком цветнике. Уловив суровый взгляд «сестрѐнки», напустил на себя немного печали, отчего стал похож на грустного шута, что плохо сочеталось с его конституцией.

Глава 40. Сабантуй на даче отставного генерала

... Дружная компания шумно погрузилась в семиместный минивэн, управляемый Александром-вторым.

Виолетта, дабы оградить «брatца» от взбалмошной подружки, так и норовившей сесть с ним рядом, отправила, точнее, вытолкала ту на переднее сиденье. Дорога на дачу заняла чуть меньше часа.

Собственно, это был домик в деревне Проскурино, в стороне от автотрассы на Николаевск. Дача принадлежала дядюшке Марины – отставному генералу, который был большим жизнелюбом и развратником.

Генерал называл её «загородной резиденцией» или «запасным командным пунктом», в котором командовал, по большей части, проститутками и женщинами лёгкого поведения.

– Если бы стены моей резиденции умели говорить?! – с сожалением и горечью, что стены его детища безлики и безмолвны и что годы неотвратимо пожирают плоть, досадовал стареющий генерал. Впрочем, если бы стены его домика в Проскурино умели говорить, он узнал бы много нового и о своей любимой племяннице.

К домику был пристроен деревянный сруб, с которого Жульдя-Бандя и начал знакомство. Александр-второй,

трансформировавшись из водителя и носильщика в истопника, чиркнув спичкой, из искры возродил пламя, при содействии керосина, вырывающегося из заслонки на свободу.

В предбаннике было две двери, что вызывало удивление тех, кто находился здесь впервые. Жульдя-Бандя, дабы удовлетворить любопытство, открыл вторую, что сразу прояснило её назначение: за ней был обустроен облагороженный красным мрамором бассейн, что для деревни было верхом пасторального зодчества.

Для деревенских мальчишек приезд генерала был всегда праздником.

– Сёдня на выгоне парнуха! – сообщали они друг другу об очередном приезде генерала или его повзрослевшей племянницы, перенявшей эстафету и частенько наведывающейся сюда с друзьями.

За генеральской дачей по утрам собирали на выпас стадо коров, и это место нарекли выгоном. Домовладение было огорожено глухим забором. Мальчишки, для обозрения, наделали в нём долотьями дырок, отчего забор выглядел будто бы после артобстрела.

Гордостью загородной резиденции генерала был банкетный зал в стиле классического пещерного модернизма. Скамьи похожи на сваленные бурей деревья. Стол – на цепях, прикрепленных к балкам чердачного перекрытия. Стол более походил на громадную качелю, и, поскольку на самом деле качался, в столешнице были выдолблены круглые углуб-

ления для тарелок и маленькие – для рюмок.

В левом углу – камин, более похожий на обломок скалы с полупещерой. Наскальное архитектурное сооружение, впрочем, использовалось в зимнее время для обогрева помещения и приготовления шашлыков.

Жульдя-Бандя открыл створку вишневого цвета резного барного шкафа, в котором змея окольцевала внушительную бутылку с прозрачной жидкостью внутри.

– Изумрудная красавица, – пояснила Марина и бросила красавицу в кресло, в котором уже гнездилась толстуха Кэт.

Та хоть и знала, что змея резиновая, но с необыкновенным проворством покинула насест, утвердившись за ним, не принимая ползучих тварей ни в каком виде. На её лице отразился ужас. Сложно было представить состояние Кэтрин, если бы это была настоящая кобра, гюрза или эфа.

Смех заполнил утробу генеральской дачи. Марина хохотала так звонко и заразительно, что её длинная конструкция задрожала, как потревоженная штормом старая мачта. Её внушительная грудь стала подпрыгивать, как два озорных мячика, наводя представителей противоположного пола на нехорошие мысли.

Вульгарный вырез в сорочке из голубого стрейча, казалось, способствовал тому, чтобы выплеснуть грудь на всеобщее обозрение. Но этого не происходило, и мужчинам приходилось своим бурным воображением додумывать остальное.

Начались праздничные хлопоты по сервировке стола, в которых сильная половина участвовала в качестве зрителей и советчиков. Толстушка Кэт оформляла собственноручно приготовленные отбивные, украшая их веточками зелени.

Виолетта из произведённых Леной котлет сотворила ромашку, для достоверности в центре поместив яичный желток.

Генеральская племянница, продолжая традиции хозяина, смастерила эротическое блюдо из двух очищенных куриных яиц, между которыми вложила банан.

За несколько минут всё было приготовлено.

Жульдя-Бандя не смог не выразить своего восхищения:

– Какой шикарный стол, девочки! Особенно вам сегодня удалась колбаса! – он изъял с тарелки кружочек сервелата, бесцеремонно отправив в рот.

Хозяйка пригрозила пальчиком в надежде сохранить сервировку до начала торжественной части.

– А ты что грустишь, как монах на партсобрании?! – она всучила веник в руки музыканта. – Подметай полы в доме. Ты, – Марина жалом ногтя указательного пальца ткнула в грудь Жульди-Банди, – моешь полы, здесь уже два месяца никто не убирался. Швабра, ведро в коридоре, вода...

– В бассейне.

– В колонке возле груши, умник! – она кинула аспидный взгляд на Александра-второго. – А ты иди прибираться в сауне и в предбаннике...

– Так я же сегодня истопником, – попытался опротестовать приговор тот.

– На полставки, – напомнила толстуха Кэт, выталкивая его из помещения. . .

– А на полставки горничной, – Марина нашла в этой профессии повод рассмеяться.

– И евнухом, – бросил вослед тёзка. . .

– . . . Господа, у меня эксклюзивное предложение! – обратился к общественности Жульдя-Бандя, когда униженные и оскорблённые самцы вполне справились с женской работой.

– Мы принимаем только сексклюзивные! – хихикнув, заявила полногрудая наследница.

– Я предлагаю этот банно-стаканный день, – внёс реформистскую идею гость, – вопреки устоявшейся традиции, начать с посещения парилки!

– И шо мы в той парилке будем делать трезвые?! – воспротивился Александр-первый, приверженец классицизма в таких неделикатных вопросах.

– Шо, шо – париться! – передразнила Виолетта.

– Так, раздеваемся, господа! – возгласил Жульдя-Бандя тоном, не принимающим возражений, что не очень понравилось ни первому, ни второму Александрам.

– А до каких поров?! – осведомилась Марина, вовсе не преследуя цели таить от общества выращиваемый более четверти века бюст.

– До поров, определённых природою! – уточнил взвалив-

ший на себя организаторские функции молодой человек.

– Форма номер раз – часы, трусы, противогаз! – усмехнулся репрессированный истопник в попытке реабилитироваться в глазах друзей.

– Шурик, такими мощными тирадами будешь раскидываться в детском саду! – сурово предупредила толстуха Кэт...

Внушительная парилка, с расчётом на компанию, вместила всех, нещадно обжигая сухим горячим воздухом. Крохотная, окрашенная в оранжевый цвет сорокаваттка над дверным косяком с трудом освещала помещение, создавая лёгкий интим.

Мокрые тела в тускло-жёлтом свете казались загорелее и эротичнее, что, несомненно, возбуждающе действовало на молодую кричащую плоть.

Жульдя-Бандя, искушённый в этих вопросах, не стал изначально насиловать организм. Он кинулся в прохладную воду бассейна, имея целью, по большей части, заглушить инстинкты, пробужденные полуобнажёнными молодыми зовущими женскими телами.

Прохладная вода тотчас поглотила низменные плотские вожеления. В предбаннике Виолетта, взвалившая на себя обязанности чайханщицы, водрузила на стол самовар, заваривая модный китайский чай.

– Маруся, а что это ты сегодня в чёрном купальнике? – заметила она, не скрывая зависти к её внушительному бюсту,

что ставило подругу на голову выше перед соперницами.

Толстуха Кэтрин хихикнула, что предвещало какую-нибудь гадость:

– У неё траур. Любовник бросил! Вернулся к родной жёнушке.

– И вовсе нет. У меня траур по...

– Безвременно ушедшей девственности! – поддела Лена и захохотала под влиянием собственной шутки, впрочем, несколько не завидуя внушительному бюсту подруги.

Шутка черноволосой подружки тронула ранимые женские сердца. Все, включая и потерпевшую, хохотали от столь оригинальной версии.

– Нет, а серьёзно – что у тебя с этим психологом? – Виолетта в вопросительном ожидании слегка склонила головку.

– Я бы этому козлу яйца пооткручивала...

– Статья 89 Святого Писания, часть вторая – «Издевательство над животными» – до двух лет в санатории общего режима, – Жюльдя-Бандя окинул присутствующих победоносным взглядом, оценивая реакцию на свою шутку.

– Натуральный козёл, где ты его откопала? – Кэтрин сочувствующе покрутила головой.

– Граждане, пробуйте медок – липовый, – перевела тему с фауны на флору Марина, вонзая чайную ложку в пластичную бледную плоть в жестяной банке из-под восточных сладостей. Душистый запах дикого цветочного нектара заполнил утробу предбанника.

– В каком смысле?! – зачерпывая резной деревянной ложкой, поинтересовался приунывший гитарист, в намерении напомнить о себе.

– Из нектара цветка липы!..

– ...Мужики, берегите яйца! На термометре уже девяносто пять градусов! – предупредила генеральская племянница при повторном восхождении компании в парилку.

– Нам как раз на оливье, – нашлась Кэтрин.

– Никаких оливье! На оливье куриные! – вступилась Марина и с материнской нежностью погладила вышеозначенное место у сидящего по правую сторону новичка.

– Убери грабли! – Виолетта с наигранной суровостью откинула руку подруги с интимного места кисельного братца. Впрочем, было уже поздно. Член мгновенно отреагировал, начиная принимать угрожающие формы.

Жульдя-Бандя, дабы скрыть от общественности свой темперамент, закинув ногу за ногу, скрестил в вышеозначенном месте руки, что, однако не ускользнуло от взора любвеобильной Маруси.

– У меня анекдот. Очень, можно сказать, злободневный и воспитательный, – умело выкрутился он.

– Валяй! – от имени коллектива позволила толстушка Кэт, заранее почему-то улыбаясь.

– Только в нём одно нехорошее слово, – предупредил Жульдя-Бандя. – И одно – средней степени пошлости, но два раза!

– Примем их тоже за одно нехорошее слово, – предложила Лена и, стеснённая развалившейся на верхней полати толстушкой, толкнула её в жирные бёдра. – Разлеглась, корова!

– Ну, рожай быстрее! – беззлобно пожурил Александр-первый, несколько раздражённый повышенным вниманием со стороны женской половины к вторгшемуся в компанию новичку.

– Едет в поезде Илья Муромец с сыном, – начал рассказчик, получивший кивком головы благословение толстушки. – В купе подсаживается интеллигентная миловидная дама с дочкой. Сын, дремавший на второй полке, просыпается, потягивается, – рассказчик украсил повествование, изобразив это. – «Пойду-ка я посру!» Уходит. Дама распекает Илью за невежество сына. «Сейчас я его воспитаю», – пообещал Муромец. Тот возвращается. – «Что же ты, сынку, грубый неотёсанный чурбан, будто в хлеву вырос, – напутствует папаша. – Девка, поди, неёбана, а он – «Пойду-ка я посру!»

Александры, и первый, и второй, забыв о пренебрежении к новоявленному парижанину от души смеялись, заряжая положительными эмоциями остальных.

– Я уже перегрелся, – известил рассказчик, растворившись в ведущем к бассейну дверном проёме.

– Какой слабохарактерный у тебя братик, Виля, – поддела подругу Марина, смахивая с груди капли пота.

– Не приставай к нему, маргышка! – Виолетта ужалила кончиками коготков похотливую подругу и, состроив ехид-

ную рожицу, вынесла вердикт: – Недаром говорят – все блондинки бляди!

– Это провокационные сплетни завистливых и отчаявшихся брюнеток! – отомстила Марина за нанесение лёгкого телесного ранения, после которого на ноге остались пять красных бороздок.

– Пороть её некому! – вступился за Виолетту гитарист, предоставив друзьям самостоятельно определить значение глагола.

Впрочем, выбор был сделан единодушно в сторону, в которую определился и сам читатель, за исключением автора, занимающего пока классическую позицию.

– А мне некогда! – присоединился Александр-второй, за что оба Александра были обозваны ею евнухами. Ни тот, ни другой, естественно, кастратами признавать себя категорически не пожелали, порываясь тут же доказать обратное.

Александры, выказывая задатки мужественности и стойкости, покидали парилку последними: путаясь друг у друга в ногах, бросились в бассейн.

В парилку зашли ещё раз с тем, чтобы приятное не возобладало над полезным.

По возвращении Жульдя-Бандя сходу отнял инициативу у зазевавшегося Александра-первого, порывавшегося своим тостом произвести открытие очередного выездного уик-энда.

– Уважаемые мальчики и, с позволения сказать, девоч-

ки! – начал он.

– Я протестую! – толстушка Кэт «захлопала крыльями», выражая протест. – Это ж почему – с позволения сказать, девочки?!

– Ну, хорошо. Уважаемые девочки и, с позволения сказать, мальчики! Давайте выпьем за нашу развесёлую компанию! Ура, товарищи! Только не нужно оваций – достаточно бурных аплодисментов.

«Ромашку» стали очищать от «лепестков», сиротя желток, при этом – первой покусилась на неё Виолетта, считая:

– Любит, не любит, любит, не любит.

Последняя котлета досталась Марине.

– Не любит, – сосчитала она, с сарказмом заметив: – Никто тебя, стерву, не любит.

Той на всё это было глубоко наплевать, и она, расчлняя котлету вилкой, огрызнулась:

– Полюби Ивашека, шо на печи всрався.

Глава 41. Бесплодные потуги Александра первого завоевать аудиторию

– Сандро, слабай что-нибудь про любовь! – заказала Кэтрин, чрезмерные габариты которой не способствовали познанию этого чувства: представители противоположного пола видели в ней гору мяса, но никак не женщину.

Александр-первый, как всякий уважающий себя музыкант, стал ломаться, желая, чтобы его поупрашивали, причём, все без исключения и с выражением.

– Спой, светик, не стыдись, – не смог отказать себе в удовольствии вставить небольшую ремарку и снять спесь с зарвавшегося артиста Жульдя-Бандя.

Сандро хотел было обидеться на «светика», но, видя на лице кисельного братца Виолетты шутовскую улыбку, принял гитару у Кэтрин. Та, как оруженосец Дон Кихота – Санчо Панса, услужливо принесла её из комнаты, в которой та покоилась на теннисном столе.

Сандро подушечкой большого пальца провёл по струнам и, утомляя публику, стал настраивать. Потом громыхнул нечто с претензией на кубинский танец, перемещая мажорное баре: с первого на третий и на пятый лады. Это была его коронная фишка, на которую клевали далёкие от музыкаль-

ной грамоты люди, почитая сие за профессионализм.

После короткой паузы, означавшей смену репертуара, гитарист, умело маневрируя аккордами, фактически создавая величину и объём, запел душещипательную песню о неразделённой любви. Затем – душераздирающую о любви разделённой, но со смертельным исходом.

– Композитор, изобрази что-нибудь весёленькое! – пожелала Марина, конституция которой противоречила меланхолическому настроению, дождливой погоде и минорным тональностям.

Артист запел в мажоре, и снова о любви, только на сей раз порочной.

– Александр, где вы так научились перебирать? – с наигранным удивлением спросил Жульдя-Бандя, будто тот научился перебирать «Лунную сонату».

– Самоучка! – горделиво признался артист.

– Тихо сам с собою... – резюмировал тёзка.

– Правую рукою... – предположила Лена.

– Я веду бесе-е-е-ду, – пропела Марина и, хихикнув, предложила: – Давайте выпьем за музыкантов!

Гитарист выпил за себя с удовольствием и, уже не дожидаясь приглашения, взял инструмент. Монументально-минорным выражением подчёркивая тональность очередного произведения, запел:

– Помню, помню, мальчик я босой...

– Ну, совсем босой, – шепнула на ухо своему новому зна-

комому Марина.

– В лодке колыхался над волнами.

– Аж головка закружилась, – прошептала она.

Под лирические стенания Александра-первого, под аккомпанемент гитары хотелось затянуть «Отче наш». Все, пожалуй, кроме толстушки Кэт, в равнодушном безразличии ожидали, что тот устанет, сложив с себя обязанности гусляра. Сандро же, понимая превратно, затягивал очередную, про любовь до гроба, выжимая слёзы из глазниц единственной слушательницы.

Глава 42. Жульдя-Бандя даёт сольный концерт, низвергнув с артистического олимпа гитариста-выскочку

– Жульбарс, ты что-то щебетал про первую струну Парижа и окрестностей! – дождавшись прорешины в артистическом оргазме Александра-первого, отправила вопросительный взгляд экс-целителю Виолетта, устав от его заупокойных, от которых уже всем хотелось выть. Это, впрочем, не понравилось толстушке Кэт, которой пока хотелось только плакать.

– Так, так, так, – затакала племянница, – говорил – Вольдемар-первый из Парижа, а сам – Жульбарс...

– Из Сьерра-Леоне, – подсказала Виолетта, ядовито улыбаясь.

– А шо ж ты раньше не сказала? – Марина бесцеремонно конфисковала гитару у владельца, даже не подозревающего, что его звёздный час уже в прошлом. Она воткнула её в руки сьерра-леонского Жульбарса.

Тот провёл подушечкой большого пальца по струнам. Подстроил и с такой лёгкостью заиграл вариации на тему «Ой, полным-полна коробушка», что Виолетта в большей степени признала в нём музыканта, нежели философа или

целителя. Потом – знаменитый битловский хит Michelle.

Затем – испанский танец. Пальцы игриво и раскованно бегали по грифу, подчёркивая каталонский темперамент композиции. Жульдя-Бандя никогда не бил лежачего, но сейчас сделал это, закончив танцевальную часть концерта зажигательным венгерским танцем «Чардаш».

Представительницы слабого пола были покорены окончательно. В банкетном зале генеральской дачи после виртуозно исполненного «Чардаша» на какое-то время воцарилась звенящая тишина.

– Слушай, Вольдемарчик, – первой нарушив безмятежное умиротворение, выказала радужную перспективу музыканту Марина. – Ты в кабаке будешь зашибать бешеные деньги! Могу посодействовать.

– Крупную валюту зашибал он, зашибал и водил девчат по ресторанам! – отомстил низверженный артист.

– Увы, я бродячий музыкант, – выразил сожаление странник, – и я не меняю статус на деньги!

– У, какие мы принципиальные! – Марина взъерошила на голове артиста волосы, взглядом получив последнее предупреждение от Виолетты.

– Ты что, в музыкалке учился лабать? – спросила толстуха Кэт, перебирая короткими пухлыми пальцами.

– Два года по классу баяна.

Толстуха удивлённо выкрутила голову:

– Так ты и на баяне – того! – она «забарабанила» по воз-

духу пальцами обеих рук.

– Мои познания по классу баяна закончились, едва начавшись, произведением «Ты пойдешь, моя коровушка, домой».

– Давайте выпьем за коровушку! – возгласил Александр-первый, чтобы хоть как-то отвлечь внимание слабого пола от сьерра-леонского выскочки.

– Нет, все в парилку! – воспротивилась Елена, встала, готовая вести за собой друзей. – Сначала полезное – потом приятное!

– Мазохистка! – влившись в направляющийся на термические процедуры табунчик, заметила Марина, которая и полезное, и приятное находила в другом занятии.

– Шо там было, как ты спасся! Сто семь градусов! – взирая на термометр, констатировал Жульдя-Бандя.

Первым термический массаж принял Александр-второй, направляясь к выходу.

– Куда?! – Кэтрин, схватив за его руку, направила к двери, ведущей в бассейн. – Только через холодную воду, а то яйца будут плохо чиститься! – она захохотала так заразительно, что тотчас инфицировала и темпераментных друзей...

– ...Девочки, давайте выпьем за нашего... наших музыкантов! – поправилась Марина.

– А за меня?! – напомнил о своём существовании Александр-второй.

– За тебя потом! – пообещала Виолетта.

– Надо было учиться лабать! – толстуха Кэт отобразила

это, щёлкая пальцами по воздуху. Потом переместила удивлённый взгляд на подругу. – Ленка, а ты почему жрёшь котлету, ведь ты грозилась поститься, как все нормальные христиане?!

– Ничего страшного. Один раз нарушу!

– Не так страшен грех, сколько житие в непокаянии! – заключил, по-видимому, сведущий в этих вопросах Сандро, с укором взирая на непокаянных грешниц.

– Ангелочек ты наш! А ты хоть раз покайся?! – Виолетта пронзила взором низвергнутого гитариста.

– Каюсь! – тот кистью руки «перерезал» по диагонали свой широкий лоб, как пионеры-ленинцы в своих политических ритуальных «оргиях».

– Девочки, с этим нету никаких проблем, – Александр-второй утонул в слащавой улыбке. – Я сымаю грехи лёгкой и средней степени тяжести. Могу сразу с двоих!

– А с четверых – слабо?! – Марина победоносно вздёрнула и без того вздёрнутый носик.

– С четверых не пробовал, – честно признался Александр-второй, виновато разведя руки.

Глава 43. Происки барабашки в квартире генеральской племянницы

– Девки, вы в курсе, какое в пятницу было число? – обратилась к подругам полногрудая Марина, жуя кусочек шашлыка из баранины.

– Тринадцатое! – подсказал Жульдя-Бандя, не гнушаясь попасть в это хрупкое сословие.

– Я, конечно, в эти мульки не верю, – рассказчица сделала загадочное лицо, предполагающее нечто страшно интересное, – но вот что удивительно...

– Все ходят без смиренных, и то, что мне приносится, всё психи эти жрут, – дерзко перебил вездесущий выскочка, умело оперируя словами гениального тёзки.

– Ну, я кому рассказываю! – приструнила кисельного брата Виолетты Марина. – Так вот. Проснулась утром, чувствую – что-то не то. Лап-лап, – она постучала по груди ладонью, обозначив это, – а на мне нету ночнушки, хотя я всегда сплю в ней. Обыскала всю квартиру – как сквозь землю провалилась. Мистика.

– Барабашка! – вынес экспертное заключение Жульдя-Бандя, в меньшей степени подозревая последнего.

– Без всякого сомнения! – согласилась Виолетта и подмигнула ему, выражая солидарность мыслей.

– Он, поди, тебя ещё и трахнул, сволочь! – выдвинула ги-

потезу толстуха Кэт, сжимая губы, чтобы не рассмеяться.

– Заткнись! – Марина ужалила подругу взглядом.

– Домовые не плотоядны, – совершенно однозначно заключил низверженный артист, – Разве что не он?!

– А кто?! – проявил неподдельный интерес Александр-второй, начертав указательным пальцем в воздухе знак вопроса.

– Вот это мы и хотели бы знать! – Лена саркастически улыбнулась.

– Так, я что-то не совсем поняла. При чём тут трахнул! – Марина с напускным раздражением посмотрела на подруг. – Я рассказываю о пропаже ночнушки...

– Ночнушки, милая, просто так, – Виолетта закачала рукой, – с чужого тела не пропадают!

– Тут надо фундаментально разобраться, – предложил провести независимое расследование низверженный с артистического олимпа Сандро.

– Пока ещё тут не в чем фундаментально разбираться, – Марина вознесла указательный палец. – Стала искать паспорт – как в воду канул. Обыскала всюду – нет нигде. Пока искала, в кулинарной книге вместо закладки, а у меня там был календарик, обнаружила стодолларовую купюру!

– Сто долларов за одну ночь?! – Кэтрин с таким удивлением посмотрела на подругу, будто та переспала с султаном Омана. – Я о таких тарифах ещё не слышала, – искренне позавидовала она подруге.

– С долларами всё ясно. Просто честный малый рассчитался с тобой сполна за удовольствие, – высказала свою версию происшедшего Виолетта.

– Коза! – в сердцах бросила Марина.

– А вы знаете, где я нашла паспорт?!

– В бачке унитаза?! – предположил Александр-второй, соотнеся находку, конечно же, с пятницей тринадцатого.

– В морозилке!

– На холодильнике! – Марина, не скрывая удивления, посмотрела на Елену, ответ которой был близок к истине.

– Суду всё ясно! Нанюхалась коксу, – вынес вердикт Александр-первый, вероятно, знакомый с такими симптомами.

– Какого ещё коксу?

– Кокаину! – пояснил Александр-второй, по-видимому, знакомый и с коксом, и с симптомами.

– Маруся, а может, ты доллары сама положила в кулинарную книгу?! – Кэтрин

уронила взгляд на потерпевшую, рассчитывая перелистать и свою библиотеку.

– Я пока ещё не настолько богата, чтобы вместо закладок использовать доллары!.

Глава 44. Несостоявшаяся дуэль темпераментных самцов

– Пацаны, кстати, о яйцах. Готовы?! – Марина, без стеснения попробовала у сидящего рядом артиста.

– Пока только всмятку, – за всех ответил Александр-второй, виновато разведя руками.

– Маруся, убери грабли! – вынесла последнее предупреждение Виолетта. Убрала с глаз чёлку, чтобы полноценным взглядом прострелить любвеобильную подругу.

Александр-первый встал с рюмкой наголо, что предполагало заздравную из его уст:

– Товарищи!..

Кэтрин улыбнулась:

– Тамбовский волк тебе товарищ.

– Господа и дамы!..

– И лица, приближённые к императору...

Сандро поставил рюмку на стол, что за ним наблюдалось впервые.

– Вольдемар! Вы имели наглость меня перебить. Я противник мордобоя, но для вас я сделаю исключение. Я вызываю вас на дуэль. Выбирайте оружие!

– Александр, – Жульдя-Бандя встал, сообщив лицу выражение глубокой скорби, – мне моя жизнь дорога как память (И. Ильф, Е. Петров), к тому же я болезненно переношу по-

бои. Я выбираю эпитеты! Будем драться на эпитетах!

– До последнего эпитета! – предложила Марина, собственно, и свои услуги. – Я буду секундантом.

– Нет, драться мы будем на напильниках! – твёрдо заявил экс-музыкант, решивший кровью смыть с себя моральные увечья, нанесённые вторгшимся в компанию самозванцем.

– На напильниках я отказываюсь! – торжественно отказался от поединка Жульдя-Бандя, не преминув пояснить: – Дуэль – это, конечно, самый достойный выход из жизни, но мне импонирует быть трусом, нежели покойником. – В нём проснулся философ, и на фундаменте первого афоризма он тут же воздвиг следующий: – Лучше быть трусом в глазах общественности, чем идиотом в собственных!

– Так, никаких дуэлей! – Марина замахала «крыльями», не понимая – в шутку это или всерьёз. – Дуэли нынче запрещены по закону.

– Александр-первый! – Жульдя-Бандя обратился к последнему с пафосом, будто перед ним не холоп, а император. – Я искренне сожалею о нанесённых вам моральных увечьях, – он свободной от рюмки рукой указал на объект своей патетической речи. – Я прошу прощения и предлагаю выпить за храбрых доблестных рыцарей и отважных дуэлянтов!..

Глава 45. Вечеринка на даче отставного генерала подходит к концу

Кэтрин встала со скамейки, что указывало на то, что она намерена благовещать тост. Слава богу, она сидела посреди-не, а то заздравной вполне могла уступить место заупокой-ная:

– Мальчики, выпьем за то, чтобы наши желания совпада-ли с вашими возможностями!

– Водки нету, закончилась, – генеральская племянница демонстративно вылила последние капли из бутылки «Сто-личной» в собственную рюмку. – Остался только «сэм» из стратегических запасов моего дядюшки!

– А «спотыкач»? – Лена отправила вопросительный взор подруге, поскольку хоть и не любила наливку, но к самогону чувствами она тоже пока не воспылала.

– В прошлый раз допили, – Марина развела руками.

– Алкашки, после вас разве что-нибудь останется? – Сан-дро с деланной укоризной посмотрел почему-то только на толстушку Кэт.

– Чья бы корова мычала, – реабилитировалась та.

– Валяй! – Александр-второй одобрительно махнул ру-кой, хотя в естественной среде обитания, в городе, наверня-

ка бы от «сэма» отказался...

...Застолье закончилось во втором часу ночи. Пьяная Кэтрин требовала для себя эротического массажа, однако рядом ни массажистов, ни джентльменов не оказалось.

– Мальчики, слабо сделать девушке приятное? – пристыдила полногрудая Марина и стала мять её ожиревшие бёдра.

Низверженный артист, уже и позабывший о своём фиаско, отправился с ней в беседку, где дал сольный концерт.

Он отчаянно выл что-то про любовь, несколько не сомневаясь в своих талантах. При этом сил уже не хватало переставлять аккорды. Сандро бұхал по струнам, едва попадая в тональность.

– Хватит скулить! – не выдержала слушательница и потащила безжизненное тело лирического музыканта в дом.

Обиженный артист швырнул гитару в бассейн.

Виолетта, с трудом осилив последнюю рюмку, закусила засохшим желтком из некогда котлетной ромашки, отвесила оплеуху своему кисельному брату и, на радость Марине, ведомая им же, направилась в спальню.

Спальней на генеральской даче служила комната с разбросанными по полу ватными матрацами. Укрывались, при нужде, шубами, тулупами, пальто и генеральской шинелью.

Александр-второй, сидя в плетёном кресле, воскликнул:

– Стрип-птизу хочу! – впрочем, тут же уронил буйную головушку на грудь.

Лена охотно отозвалась, в надежде продемонстрировать

свои прелести, но не ему, а их новому другу. Она для храбрости махнула рюмку самогона, закусив глотком контрабандной кока-колы.

С трудом вскарабкалась на стол. Маневрируя среди тарелок, попыталась устроить танец на цепях, но стол стал качаться, и она за малым не упала, успев явить миру только второго размера пламенную грудь.

– Ленка, дура, ты сейчас разобьёшься! – пожурила Марина и обратилась к Жюльде-Банде – единственному из вменяемых мужчин: – Сними эту овцу и... неси сразу в спальню.

Та покорно рухнула на плечи спасителю, который предал тело земле и повёл в спальню, уложив рядом с Кэтрин, поперёк которой распластался несостоявшийся дуэлянт. Возле него возложили уснувшего во время стриптиза Александра-второго.

Глава 46. Незабываемая партия в тейбл пенис с темпераментной блондинкой

Марина взяла артиста за руку; погасив свет в банкетном зале, повела в спортивный.

– Мы что, будем играть в тейбл теннис?!

– Нет, мы будем играть в тейбл пенис!

Она приблизилась вплотную, распахнув полы халата, прильнула грудью к груди кисельного братца подруги. Средняя конечность сиюсекундно отреагировала на молодую огнешашую грудь.

– Ну что, Вольдемар-первый из Парижа! – шептала генеральская племянница на ухо, языком проникнув в раковину. – Щебетать ты мастер, – она переключилась на другое ухо. – И на гитаре играешь – класс! А вот как ты играешь в тейбл пенис – это вопрос. И где твоя ракетка? – молодая темпераментная женщина бесцеремонно вторглась в штаны партнёру и, не скрывая удивления, прошептала: – Ничего себе ракетка?! Это ж целая ракета! Я боюсь, как бы ты мне лузу не попортил.

Жульдя-Бандя рукой нащупал «лузу», другою массируя грудь. Средним пальцем в подстриженном газончике без труда отыскал вожаделенную вагину. Он почувствовал что-то

влажное и липкое вокруг и тотчас утопил его в мягкой жгучей истоме.

– А играть мы будем вот так, – Марина медленно подала бёдра вперёд, потом назад, опять вперёд. – Я надеюсь, ты не перепутаешь дырочки? – на ушко, как строгий тренер, вопрошала она, поскольку рядом была ещё одна. – Запоминай: сначала – вот так, – она, чтобы ученику было понятней, ещё медленнее подала таз вперёд, ощущая, как подушка пальца касается клитора, – потом – вот так.

Генеральская племянница томительно подала бёдра назад, с усилием сжимая при этом пленённый рукою член. Небрежно сбросила халат на пол. Легла спиной на стол и разверзла ноги, предоставив «лузу» в полное распоряжение партнёра.

Тот без промедления вторгся в горячую зовущую кричащую плоть. Стон заполнил утробу небольшой комнаты. В какой-то момент тело блудницы напряглось, вздрогнуло, она вскрикнула и умиротворилась. Она лежала, безразлично раскинув ноги, уже не воспринимая в себе члена партнёра, который вскорости и сам затих, небрежно распластавшись на молодом стройном теле.

Высвободившись, наконец, из плена, она провела рукою между ног и стала натирать клейкой массой грудь.

– Биологически чистый крем, – пояснила она, в чём не было ни малейшего сомнения, и, поднеся руки к лицу его производителя, спросила: – Тебе помазать?

Жульдя-Бандя отпрынул, будто на руках Марины был биологически чистый помёт:

– Не нужно. Я как-нибудь без крема обойдусь.

– А ты неплохо играешь в тейбл пенис, – похвалила она, надевая халат. – Где это ты так научился?

– В детском саду, – соврал партнёр, тут же предложив: – Может, ещё партейку?

– Какой ты заводной! – блудница потрепала пенисиста за твердеющий на глазах член.

– Ну, хорошо – последнюю, – согласилась женщина и уточнила: – А первую-то кто выиграл?

– Ничья, – нисколько не сомневаясь в исходе товарищеской встречи, констатировал любовник. Марина стала «раком», легла животом на стол, расставив ноги.

– Смотри – не перепутай дырочки, – снова предупредила она, видимо, в надежде одну из них сохранить в девственности для мужа....

Глава 47. Вечеринка окончена. Виолетта со своим кисельным братцем покидают весёлую компанию

На следующий день, пробудившись от собственного храпа, толстуха Кэт стала призывать друзей совершить ритуальный обряд принятия «святой воды». Она беспардонно расхаживала между разбросанных в спальне тел, не обращая ни малейшего внимания на крылатые фразы в свою сторону.

Желающих спать, когда по тебе топчется шестипудовое чудище, более не осталось.

– Живая вода, живая вода! – взывала она с бутылью самогона и рюмкой в руках.

– У нас пиво есть? – простонал, едва поднимая отяжелевшую голову, Александр-второй.

– У нас его и вчера не было, – напомнила Виолетта.

– А шампанское? – жалостливо вопрошал он.

– Щас, – толстуха упорхнула, вернувшись с початой бутылкой шампанского в руках.

Болящий прильнул к горлышку, как умирающий от жажды странник, жадно впитывая спасительную жидкость.

Сделав несколько глотков, после которых глаза его едва не выскочили из глазниц, отшвырнув бутылку в угол комнаты, прошипел:

– Стер-р-р-ва, – захолопал пальцами о ладошки: – Воды, воды.

Хохот друзей наполнил спальню. Марина выскочила и вскоре вернулась с кружкой. Несчастный жадными глотками принялся осушать её, поперхнулся, часть жидкости придав телу ни в чём не повинной голубоглазой Елены.

– Сука, сука, сука! – возопил несчастный, чего уже никто услышать не мог.

Хохот разверз стены опочивальни...

– Вольдемар, а почему это ты под одним тулупом с Ленкой? – Виолетта вопросительно-ревнивым взглядом ужалила подругу, когда эмоции несколько поутикли.

– Понятия не имею, – виновато хлопая глазами, отвечал тот, применив общепринятую в таких случаях отговорку, против которой выставить контраргумент было крайне затруднительно.

– А что, он должен был спать под одним тулупом с Шуриком? – вступилась Марина, украдкой подмигнув бывшему партнёру по настольному двоеборью.

– А ты её случайно не трахнул? – предположила Виолетта, сверля взглядом обвиняемую.

– Случайно нет, – зная покладистый характер подруги, заключила Кэтрин, нисколько в этом не сомневаясь.

Та на секунду задумалась, не в состоянии ответить на этот вопрос, поскольку финальную часть вечеринки, когда она пыталась танцевать стриптиз на столе, уже не помнила.

– А тебя случайно Шурик не трахнул? – контратаковала Марина, поскольку те утром также были обнаружены под генеральской шинелью.

Этот вопрос заставил напрячь память Шурика и Виолетту. Виолетта, к своему стыду, ни положительного, ни отрицательного ответа на сто процентов дать не могла...

– Кстати, а где наш Сандро? – с некоторым опозданием спохватилась Лена, искренне переживая о его утрате.

Все дружно кинулись к бассейну с тем, чтобы исключить одну из самых нежелательных версий его отсутствия. К счастью, в бассейне, вместо музыканта, мерно покачиваясь на водной глади, покоилась его гитара. Поиски результата не дали.

– Все сюда! – скомандовала генеральская племянница, стоя у отворённой двери сауны.

Искомый, подложив под голову дубовый веник, мирно почивал на верхней полати: под утро он замёрз, потому что Кэтрин бесцеремонно натянула овечий тулуп на себя. И его претензии хотя бы на толику мехового изделия не увенчались успехом, что и привело его в парилку.

– Девочки и мальчики, спасибо вам за всё, – Виолетта, обводя взором друзей, кольнула Марину, зная, что эта стерва вряд ли упустила возможность познакомиться поближе с её кисельным братцем. – Мы вынуждены вас покинуть. Вольдемар, собирайся!

– Куда спешить – такой жара?! – тот с недоумением коро-

вы, которую выгнали пастись на поросший амброзией луг, посмотрел на Виолетту.

– Гуд бай, девочки и мальчики, – она направилась к выходу, показывая, что уговоры остаться – бесплодны.

– Большое вам мерси за приятно проведённое время, – Жульдя-Бандя послал воздушный поцелуй. – Надеюсь, ещё свидимся.

– Жульбарсик, нам тебя будет не хватать! – рыдающим голосом протрубила толстушка Кэт.

– Береги себя, сынок, без нужды не лезь под пули, – предостерегла Марина, впившись взглядом в партнёра по тейбл пенису, что не ускользнуло от прозорливой Виолетты.

Александры: один и второй, молча пожали руку сопернику.

– Знаешь, куда мы едем? – отворяя калитку, спросила Виолетта.

– На Канары. Любоваться безбрежными голубыми глазами Индийского океана.

– Не Индийского, а Атлантического. А, кстати, ты не в курсе – отчего у Маруси рожа была чересчур довольная? – Виолетта попыталась проникнуть в глаза спутника, в которых, правда, ничего не читалось. – Тебе не кажется это странным?

Жульдя-Бандя покрутил головой, не находя ничего странного в том, что молодая женщина осталась довольной после двух столь напряжённых партий в тейбл пенис.

– Все мужики свиньи! – торжественно заключила Виолетта. – Их отличает только то, что они хрюкают в разных тональностях.

Резкий порывистый ветер с моря сокрушил диалог. Её волосы затрепетали в объятиях сатаны.

– Глянь, смерч! – она тонким музыкальным пальчиком проткнула атмосферу в стороне от кукурузного поля.

Вдалеке, ввинчиваясь в небо, клубы пыли устроили шабаш. Виолетта потянула спутника к стогу сена рядом с убогой хатёнкой. Метавшаяся на ветру калитка скрежетала, периодически стучаясь о стойку. Смерч, ускоряясь и набухая, как на дрожжах, подался прочь, растворившись в синей дымке.

Ветер стих так же внезапно, как и появился, и молодые люди направились дальше, в сторону трассы, откуда можно было добраться до Одессы на попутке.

Виолетта вдруг остановилась, заглядывая в глаза эксцелителя:

– Ты не догадываешься – куда мы едем?

Жульдя-Бандя пожал плечами, поскольку не имел на этот счёт ни малейшего представления.

– Мы едем покупать ма...

– Марихуану?!

– Дурак! – Виолетта отвесила кисельному брату подзатыльник. – Мы едем на авторынок, – подсказала она, – покупать ма... шину!

– А сколько у тебя денег? – экс-целитель с нескрываемым интересом посмотрел на попутчицу.

– Пять с половиной.

– Ого! Богатая невеста. Я бы, не задумываясь, женился на тебе, да только философы в праздности утрачивают своё методологическое начало. Философ, как монах, живёт ради идеи. – Жульдя-Бандя посмотрел на Виолетту, дабы определить её реакцию на рождённый в дикой природе афоризм. – А за пять тыщ нынче машину купить невозможно, разве что механическое корыто....

Глава 48. Молодые люди на авторынке Одессы

...Авторынок на окраине Одессы, в два гектара площадью, более походил на цивилизованную автомобильную свалку. Засилье изделий отечественного автопрома указывало на то, что прорубленное Петром Великим окно в Европу пока закрыто.

Жульдя-Бандя, не находя применения своему интеллекту в качестве покупателя, покорно следовал за Виолеттой. Та живо интересовалась хвалёными «шестёрками».

Она безжалостно торговалась, сбивала цену до предельно низкой и, провожаемая удивлёнными взглядами, направлялась к очередной машине. Искрящаяся свежеекрашенная в цвет аквамарина «двадцать четвёрка» заставила её остановиться.

– Почём «Волга»? – спросила она армянина, который, не обнаружив в ней серьёзного покупателя, молча ткнул пальцем в лобовое стекло машины. Под стеклоочистителем на клочке бумаги траурным цветом было начертано – 7500 р.

– Еще бы пару тысяч, – направляясь к напыженному, бежевого цвета «жигулёнку», сетовала спутница, вовсе не считывая на милосердие философа.

Тот вынул из кармана всю наличность. Отсчитал десять четвертных, остальные сунул в руку Виолетты.

– Это мне?! – она недоумённо посмотрела в глаза экс-целителя. – Это... в долг?!

– Подарок... на день рождения.

– На день рождения?! Но... – молодая женщина захлопала ресницами, начиная верить в чудеса. Она сияла, как цветочная клумба в саду её величества королевы Англии. Лицо её запылало румянцем вызревшего томата на щеках.

– Заранее поздравлять можно, – Жульдя-Бандя улыбнулся. – Заранее отпевать нельзя. Деньги – это всего лишь бумага. Они превращают человека в ничтожество.

Виолетта чмокнула щедрого дарителя в щёчку, ничуть не обременённая столь неразумным превращением.

– Лучше быть бедным философом, чем рабом денег. Усытого философа меньше всего оснований к познанию истины, – заключил один из их представителей, нисколько не сожалея о столь щедром жесте.

Сбив цену до 7000, она нырнула в салон «Волги» в поисках дефектов.

Глава 49. «Уазик, господа присяжные заседатели, не роскошь, а средство передвижения». Торжественная продажа хрустальной мечты колхозника – автомобиля УАЗ-452

Жульдю-Бандю сия процедура не интересовала вовсе, и он, согнув пальцы на правой руке в кулак, стал отрешенно рассматривать состояние ногтей.

Рядом – неопрятный коренастый пролетарий продавал эпохи возрождения автомобилестроения грузовичок. Окрашенный малярной кистью в ядовито-зелёный цвет уазик стыдливо затесался среди игривых пёстрых цветущих легко-вушек. Он походил на колхозницу в салоне красоты.

Жульдя-Бандя похлопал механического труженика по обшарпанному борту:

– Мечта колхозника. Маленький Мук. Папаша, – обратился он к пролетарию, – сколько стоит твоё механическое крыто?

Мужичок, обидевшись, отвернулся, не желая тратить время на пустую болтовню.

– Ну, я же пошутил, – Жульдя-Бандя дружески похлопал пролетария по плечу. – С такой кислой, как у отставного

фельдфебеля, физиономией не машину продавать, а стоять в очереди за продуктовыми карточками. Продавать автомобили нужно красиво и врать нужно с выражением. А если учесть критический возраст твоего механического сарая, то здесь вообще нужен талант.

Жульдя-Бандя соболезнующим взглядом обвёл торговца, будто тот продавал не автомобиль, а честь своей дочери:

– Узики уже давно вышли из моды. Если бы это была лошадь, я бы порекомендовал тебе её застрелить. Но не унывай! – он по-отечески похлопал крестьянина по плечу. – Сейчас я организую продажу этого механического ящика. Чтобы продать эту грудку металлолома, нужна реклама, а реклама – это самый эффективный способ найти идиота, который купит то, что никому и даром не нать. Идиоты, уважаемый, на дорогах не валяются.

Пролетарий улыбнулся, потому что не далее как утром его мегера за то, что он нечаянно наступил на кошку, присвоила ему почётное звание «старого идиота».

Метрах в тридцати франтовый мужчина громким бульдозьим лаем через мегафон призывал автолюбителей покупать чехлы на кресла.

Жульдя-Бандя направился к нему и вскоре вернулся с рупором в руках. Он наплёл франту душераздирающую историю о том, что колхознику нужно срочно продать узик, чтобы оплатить лечение его умирающей дочери. Впрочем, у того вместо умирающей дочери было два непутёвых сына, ко-

торые, будучи в полном здравии, пожирали горилку и на тот свет пока не собирались.

Продавец автокостюмов одолжил мегафон на пятнадцать минут и не пожалел нисколько, потому что ему удалось продать за это время целых два комплекта. Торгашу было невдомек, что его лающий бульдожий голос, приумноженный усилителем звука, только отпугивал покупателей.

Жульдя-Бандя с лёгкостью запрыгнул в кузов уазика, откуда, несомненно, было лучше общаться с потенциальными покупателями.

– Господа автолюбители! Официальный дилер открытого акционерного общества с неограниченной безответственностью «Сироткин на паях» ульяновского автозавода производит сезонную выставку-продажу! – начал без предисловий Жульдя-Бандя, тревожа глупую атмосферу.

На призыв стали подтягиваться любопытные автолюбители в надежде увидеть выставочное авто.

– Предлагаем вашему вниманию оригинальную суперсовременную модель автомобиля уходящего тысячелетия марки УАЗ-452! Ультрасовременный дизайн, – оратор обвёл в воздухе округлые формы кабины «головастика», – последний крик научно-технической мысли. Простоту, выносливость и неприхотливость вобрал в себя этот неказистый с виду неутомимый труженик полей и огородов.

Охочие до сенсаций торгоша и покупатель стали плотным кольцом окружать уазик.

– Этот незатейливый, скромный, я не побоюсь этого слова – трудяга, с лёгкостью преодолевает топкие болота, крутые подъёмы и пологие спуски!

Собравшиеся вокруг машины ротозеи – кто улыбался, а кто посмеивался, потому что на нынешнем этапе развития автомобилестроения назвать его гадким утёнком было бы чересчур лестно.

– Восходящая звезда отечественного автомобилестроения, – Жульдя-Бандя рукою обозначил головную часть восходящей звезды, огромными глупыми стеклянными глазами взирающей за происходящим, – может использоваться в труднопроходимых районах Крайнего Севера и бескрайнего Нечерноземья.

Тут оратор увидел Виолетту, которая стучала пальчиком по запястью. По всей вероятности, все формальности были улажены и дело оставалось только за переоформлением машины. Он кивнул, но оставить начатое уже не мог.

– Уазик, господа присяжные заседатели, – не роскошь, а средство передвижения! – продолжил свой панегирический некролог менеджер по продаже механического корыта.

– Мы в курсе, – согласился лупатый рыжий, в потёртых джинсах, годов тридцати пяти мужчина.

– Присовокупив к нашему неутомимому железному трудяге оглобли с резвой тройкой вороных ишаков на юге страны, оленьей упряжкой на Крайнем Севере и парой слонов на диком Юго-Востоке – мы получаем универсальное экологи-

чески чистое транспортное средство.

В ораторском экстазе Жульдя-Бандя не заметил, как Виолетта выехала вместе с хозяином переоформлять машину.

– Возродив традиции дружественного нам индийского народа, можно с успехом использовать нашего неприхотливого железного друга, – оратор указал на покоящийся под ним грузовичок, – для перевозки трудящихся и нетрудоспособного населения при помощи экологически чистой тягловой силы. Запряжённые в уазик украинцы – вот будущее национального общественного транспорта!

Оратор вознёс правую руку, с указующим перстом наголо, подчеркивая значимость перспективы. Смех и улыбки аборигенов и гостей Одессы придавали сил. Рыжий, в потёртых джинсах пролетарий хохотал, прикрывая ладошкой щербатый рот.

– Города задыхаются от угарных выхлопных газов автомобилей! – Жульдя-Бандя большим и указательным пальцами прикрыл нос, отчаянно глотая угоревший воздух. – Одесские рикши, запряжённые в хрустальную мечту колхозника – автомобиль УАЗ-452, – вот перспектива грядущего тысячелетия! – он заметил, что кольцо ротозеев приумножилось, что увеличивало шансы продать хрустальную мечту колхозника. – Тройка свободолюбивых рикшей без труда доставит пассажиров в любой конец города.

Смех начинал обретать культурно-массовую форму.

«Но ничего. Сейчас вы у меня попляшете!» – утробно

пригрозил комедиант и с неиссякаемым энтузиазмом затрубил в мегафон: – При помощи молотка, зубила и какой-то матери наш маленький Мук с лёгкостью может быть переоборудован в газонокосилку, сноповязалку или передвижной механический туалет типа сортир!

Тут оратор заметил стоящих обособленно двоих служителей правопорядка, которые, посмеиваясь, по-видимому, обсуждали его кроткую гениальную личность. «Ментам, – подумал он, – как и людям, ничто человеческое не чуждо».

– Одесса станет первым городом в Европе, где разум обладает над научно-технической узурпацией планеты! Свободолюбивые и гордые украинские рикши, нескончаемый одесский юмор и неприхотливые застенчивые узики, – оратор пронзил рукою воздух в направлении ядовито-зелёного цвета кабины покоящегося под ним застенчивого узика, – вот будущее Одессы-мамы от морганатического брака с Ростовом-папой, получивших своего первенца – всемирно неизвестный город Махачкалу!

Смех лёгкой волной прокатился среди окружавших его доверчивых и кротких автолюбителей. Жюльдя-Бандя почувствовал, как в нём просыпается артист, скоморох и мастер словесной импровизации, коим он представился при знакомстве с Виолеттой.

– В дополнительный комплект оборудования входит суперсовременная система «налыгач», – он поднял со дна кузова замусоленный пеньковый канат с петлями на концах. –

В случае если узик закапризничает – накидываем петли на рога, находящиеся на переднем бампере...

– На бампере находятся клыки! – поправил кто-то из толпы.

– А рога – на лбу у хозяина! – пояснил другой автолюбитель, что вызвало несанкционированный смех ротозеев.

Коренастый хозяин узика безучастливо отошёл в сторону от своего детища.

– И ещё, господа присяжные заседатели! Наш неутомимый маленький Мук оснащён автоматизированной системой пожаротушения!

Жульдя-Бандя поднял со дна кузова обшарпанный, выцветший оранжевого цвета цилиндр с надписью «Огнетушитель». Брезгливо опустил его в кузов, продолжая радовать толпу всё новыми, доселе неизвестными достоинствами механического пролетария.

– Конструкторы добились максимальной величины комфорта, создавая эту модель! Посмотрите на эти изящные формы! – менеджер по продаже сельского труженика начертал в воздухе округлости кабины. – А эти оленьи глаза! А этот чистый и честный христианский взгляд!

Узик, в глазницах которого поместилось бы не менее двух дюжин оленьих глаз, глупым стеклянным взглядом взирал на собравшихся.

Жульдя-Бандя, чистым и честным христианским взором обняв ротозеев, аккомпанируя себе руками, продолжил:

– Автомобиль – сказка, автомобиль – мечта, автомобиль – труженик! Резвый, как антилопа-гну. Бежит – земля дрожит, упадёт – три дня лежит (М. Шолохов).

Хозяин механического ящика глупо улыбался, изображая из себя зеваку. По большому счёту, он был доволен тем, что хотя бы при помощи скомороха к его машине было привлечено внимание.

– Так, господа присяжные заседатели, поскольку желающих приобрести это восьмое чудо света чрезвычайно много, – оратор руками обозначил собравшихся, из которых, к слову сказать, пока ещё никто такого желания не выказал, – устроим небольшой аукциончик. Я предлагаю провести согласный аукцион, считая его более гуманным и демократичным.

«Демократичным» понравилось в большей мере работникам внутренних органов. Они смеялись, не понаслышке знакомые с формой государственно-политического устройства, в котором народ никогда не был и не будет признан в качестве источника власти.

– Соответственно, торг будем производить со сниженной цены, с последующим возрастанием! – аукционист, дабы подчеркнуть это, поднял свободную от мегафона руку. – Для упрощения проведения операций товарно-денежного обмена за единицу измерения принимаем валюту Соединенных Штатов Армении, если можно так выразиться – мировую денежную единицу всеобщего эквивалента.

Милиционеры посерьёзнили, поскольку закон о запрете валютных операций пока ещё не отменили, хотя «зелень» на «Привоze» уже обменивали в открытую.

– Итaк, – автодилер одарил зевак честной, открытой пролетарской улыбкой, – к продаже заявлен лот № 1 – узик в собственном соку марки УАЗ-452. Стартовая цена механического куры... пролетария... – поправился аукционист, за малым не подпортив репутацию механического сельского труженика, – сто одиннадцать у.е. Кто больше?

Жульдя-Бандя был рождён 11 марта и с трепетной нежностью относился к этой дате, считая своё появление на свет на рубеже тысячелетий знаковым событием.

Тут он увидел хозяина, который со словами:

– Ты шо робышь, гадюка! – пытался перелезть через борт, опасаясь, что желторотый юнец пустит с молотка его питомца, у которого, как выяснилось, огромные конкурентные преимущества перед зарубежными аналогами соответствующего класса.

– Спокойно, Ипполит. Возьми себя в руки, – Жульдя-Бандя подал знак, обозначающий полный порядок и контроль над ситуацией.

Мужичок оставил бесплодные попытки перелезть через борт своего механического питомца, но в руки себя взять так и не сумел. Он с волнением взирал за действиями неизвестно откуда свалившегося на его голову возмутителя спокойствия.

– Джентльмен справа от меня, средних лет, с будённовскими усами – двести долларов! Кто больше? – Жульдя-Бандя, как заправский аукционист, обвёл взглядом ротозеев. – Парень в клетчатой кепке Бени Крика, также справа от меня – восемьсот!

Хозяин уазика, наблюдая за стремительным взлётом стоимости своего детища, уже взял себя в руки, хотя цена ещё не переломила минимального критического рубежа.

– Тысяча двести! Господин с южной внешностью, предположительно кавказской национальности, раз! Ого! Полторы тысячи! – воскликнул аукционист, попирая неписанные законы торга, в которых тот может лишь констатировать, не позволяя эмоциям вторгаться в процесс. Он весело подмигнул хозяину маленького Мука, цена на который неоправданно росла.

– Полторы тысячи империалистических долларов! Кто сказал полторы тысячи?! Кто сказал на папу рашпиль?!

– Я сказал! – честно признался невысокого роста мужичок с выразительным носом и ошетилившимися бровями.

– Мужчина слева, без вредных привычек – полторы тысячи империалистических долларов, плюс... кого?! Плюс годовалую тёлку, раз! Мужчина по правому борту, в штиблетах фабрики «Скорород» – полторы тысячи ненавистных американских долларов ...и двадцатисемилетнюю «тёлку»...

Двадцатисемилетняя «тёлка», по правому борту, отвесила мужчине в штиблетах фабрики «Скорород» увесистую опле-

уху, что вызвало бурные эмоции среди зевак. Это несколько сбилось деловой ритм аукциона.

– Полторы тысячи империалистических долларов плюс годовалая телка, раз!..

Хозяин маленького Мука, не скрывая радости, кивнул аукционисту, подняв большой палец, что у проклятых североамериканских империалистов означало – всё о кей.

– Полторы тысячи империалистических долларов и годовалая телка, два! – аукционист обвёл присутствующих умиленным взглядом. – Полторы тысячи империалистических долларов, плюс годовалая телка, три! – он стукнул по кабине головастика... – Продано!

– Мегафон верни! – оборвал владельца рупора, стучая пальцем по часам на руке, где минутная стрелка уже давно пересекла оговоренную цифру.

– Я дико извиняюсь! – Жульдя-Бандя в последний раз окинул питомцев радушным взглядом. – Но в связи со срочным отъездом в Дели, на совещание по внедрению уазиков в качестве общественного транспорта как экологически чистых повозок к упряжи из вороных рикшей, объявляю аукцион закрытым!

Аукционист сиганул через задний борт сельского труженика и со словами: – Сенкью вери мач! – вручил мегафон владельцу. – Родина вас не забудет!

Претендент на хрустальную мечту колхозника уже стоял рядом. Заявляя о серьёзности намерений, деловито постучал

рукой по борту.

– Як шо машина ходэ! – внёс поправку тот, не желая менять полторы тысячи американских долларов и рабочую тёлку на неисправный автомобиль.

– Если бы она ходила – ей бы цены не было! – Жульдя-Бандя дружески похлопал покупателя по плечу. – Шучу. Ходит – не то слово – летает!

Хозяин, для убедительности, завёл двигатель, рыкнул, утопив педаль газа....

Глава 50. Капитанская дочка

Жульдя-Бандя остался вполне удовлетворённым выступлением. Пролетарий отблагодарил четвертной, к чему присовокупил – «большое спасибо».

Виолетта уехала. Наш герой подался к выходу. Он был зол.

«Ну, погоди! – утробно пригрозил молодой человек. – Я: а) – отомщу! б) – отомщу жестоко и цинично; в)... – он вдруг вспомнил о двух партиях в тейбл пенис с ветреной блондинкой, улыбнулся: – Я, кажется, отомстил заранее». В сознании проплыла впечатляющая грудь Марины в необыкновенном поединке на теннисном столе.

Возле перекрёстка Жульдя-Бандя поравнялся с невысокой, возраста, подкрадывающегося к сорокалетию, шатеночкой со смешливой конопатой мордашкой. Назвать симпатичной её можно едва ли, однако что-то притягивающее было в этом создании.

Она, пренебрегая запрещающим сигналом светофора, пыталась пересечь дорогу метрах в десяти от перехода. Экс-дилер ульяновского автозавода, подойдя сзади, тронул незнакомку за руку, чуть повыше локтя, вежливо предостерегая:

– Девушка, я искренне сомневаюсь в том, что под колёсами грузовика вы будете чувствовать себя как дома.

Та, карими бесовскими глазами, не скрывая удивления,

посмотрела в голубые очи общественного обвинителя, также в этом искренне сомневаясь.

– Я был в Мюнхене, – соврал он, – там немцы переходят дорогу исключительно по пешеходному переходу и непременно под зелёный сигнал светофора.

Незнакомка оценивающе, вероятно, с позиции самки, посмотрела на симпатичного, атлетически сложенного молодого человека:

– А что, умирать под колёсами «мерседеса» на пешеходном переходе, да ещё и под зелёный свет светофора, приятнее? – незнакомка улыбнулась, отчего её круглый нескладный рот принял более мягкие очертания, выявив, однако, небольшой дефект – верхний передний зуб произрастал с некоторым смещением.

– Один мой знакомый, кстати, оскароносец...

– Актёр из Голливуда? – молодая женщина, фальшиво улыбнувшись, покрутила головой.

– Сантехник из четвёртого РЭУ – Оскар Моисеевич. Оскара он получил вскоре после появления на свет божий. Так вот, он говорил: «Лучше «сплести лапти» под колёсами грузовика, чем утонуть в дерьме».

Незнакомка улыбнулась, по-видимому, отчасти соглашаясь с нехитрыми выводами сантехника Оскара Моисеевича.

Он на мгновение задумался: стоит ли расходовать интеллект на нечто посредственное? Хотел было ретироваться, но непонятная притягивающая сила не отпускала его.

Молодая женщина не была внешне привлекательной, но солнечные лучи, насквозь пронизывающие шёлковое розовое платье, обозначили расщелину между ног, до самого основания. Что-то подсказывало – в этом невысоком невзрачном создании кроется дьяволица, и веснушки на лице – предвестницы провинциальной посредственности, умело скрывают кошачьи инстинкты.

– Немцы предпочитают переходить дорогу на пешеходных переходах из меркантильных соображений – чтобы получить страховку.

– А зачем покойнику страховка?

– Это вопрос принципиальный.

Светофор зелёным глазом открыл переход. Жульдя-Бандя взял даму под локоток, двигаясь по зебре к остановке:

– Вы читали Ильфа и Петрова – «Золотой телёнок»?

Незнакомка покрутила головой: – Смотрела фильм.

«Пешеходов надо любить. Пешеходы составляют большую часть человечества, причём лучшую его часть, – Жульдя-Бандя по реакции молодой женщины определил, что та благосклонно реагирует на ухаживания незнакомых самцов, что подбадривало его. – К слову сказать, автомобиль тоже изобрели пешеходы, но автомобилисты об этом как-то сразу забыли. Кротких и умных пешеходов стали давить».

Женщина хихикнула, вежливо кивнув головой:

– Спасибо, вы настоящий рыцарь!

– Печального образа, – уточнил молодой человек, отоб-

разив на лице печаль, коей Сервантес наделил своего неугомонного идальго, – мужчины, под рыцарской маской скрывающие свои похотливые замыслы, так же прозаически доверчивы, как поэтически обманчивы женщины. – У меня такое подозрение, что ваша биография будет скудна, монотонна и однообразна без такой романтической природы, – он невинными голубыми глазами воззрился в пронзительные бесовские очи незнакомки.

– И как зовут нашу романтическую природу?

Жульдя-Бандя протянул руку:

– Эдуард.

Незнакомка вложила хрупкую лапку в широкую мужскую ладонь:

– Татьяна. Значит, ты специализируешься на том, что предлагаешь каждой встречной девушке свою романтическую природу? Похоже, ты профессиональный бабник.

Теперь уже бесовские очи пронзили голубой невинный взгляд романтика.

– Увы, я странствующий философ, – Жульдя-Бандя стыдливо и робко уронил взгляд, будто был оседлым сантехником. – Ещё я увлекаюсь астрономией...

– Астрономией? Хорошо. В таком случае вы должны знать, сколько спутников у Сатурна.

– Меня больше интересует – сколько спутников у моей нечаянной знакомой.

Нечаянная знакомая хихикнула:

– Первый раз вижу настоящего философа, да ещё и с астрономическим уклоном! А может, ты врёшь?! У меня был один журналист, а на деле оказался простым мошенником. У тебя, наверняка, уже есть труды?

– Никаких трудов. Боже упаси! – Жульдя-Бандя скрестил перед грудью руки. – Я не работаю философом. Философия доставляет мне лишь моральное удовлетворение. Я, как Сократ, выплёскиваю свои мысли в глупую атмосферу, не утруждаясь по поводу дальнейшей их судьбы...

– Этим занимался ученик Сократа – Платон, о котором он сказал однажды: «Платон мне друг, но истина дороже», – собеседница горделиво вознесла конопатую мордашку, будто это сказал не Сократ, а она сама. – Следуя за мэтром по пятам, тот перекладывал его мысли на бумагу.

– У меня учеников пока нет. Если только ты будешь первым, – Жульдя-Бандя одарил новую знакомую искристым сапфирным взглядом.

Татьяна раболепно склонила голову:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.